

В.А.Аграновский.
Ради единого слова

М.: Мысль, 1978. 168 с.

Журналист о журналистике

У каждой профессии есть свои секреты. Что такое "тема" и откуда она берется? Как вырабатывать концепцию? Какова должна быть тактика журналиста при сборе материала для очерка? Есть ли тайна искусства беседы? Откуда взялась пресловутая проблема "первого абзаца"? Все эти и многие другие вопросы, связанные с журналистским мастерством, составляют содержание данной книги.

ВВЕДЕНИЕ

Тема нашего разговора - "кухня" журналиста, то есть технология его творчества. Должен, однако, оговориться: в основе любой творческой профессии, в том числе и нашей, лежит природный дар, отсутствие которого восполнимо разве что самоотверженным трудом и безмерной любовью к делу, но никак не только знанием технологии.

Прошу понять меня правильно: я вовсе не отпугиваю от журналистики молодых мечтателей. Говоря о необходимости природного дарования, всего лишь подчеркивают безусловный примат таланта над технологией, определяя таким образом удельный вес секретов мастерства в профессии газетчика. Вместе с тем известно, что многие люди, проявившие способность к журналистике, попадают в число "несостоявшихся". Почему? Потому, думается, что их талант не подкреплен техникой исполнения. Стало быть, верно и то, что в журналистику надо идти по призванию, которое есть дитя таланта, но верно и то, что одних природных способностей мало, их нужно подкреплять знанием технологии.

Какую "Америку" я открыл? Никакой. Сказал лишь вслух о том, что каждый знает "про себя".

Теперь о мастерстве. Наша профессия, по праву считающаяся одной из древнейших в мире, до сих пор лишена того, что называют "школами". Мы не можем, к примеру, как вокалисты, похвастать наличием своей школы, подобной

"миланской" или "свердловской" оперной школе, "классическим" или "современным" направлением. У нас все едино. Методология работы отдельных ярких индивидуальностей пока еще основательно не изучена, не осмыслена, не обобщена. Мы, рядовые газетчики, недостаточно хорошо знаем наследство, оставленное "звездами первой величины", и еще слабо пользуемся секретами их мастерства.

Быть может, я излишне драматизирую положение? Но глянем в таком случае, как ведется вузовская подготовка журналистских кадров. Такой предмет, как мастерство, или отсутствует в курсе преподавания, или дается студентам, но далеко не на достаточно высоком уровне. Если учесть, кроме того, что пополнение приходит в журналистику и "со стороны" – бывшие инженеры, юристы, врачи, педагоги, то позволительно спросить: какую профессиональную подготовку они получают? Их учит, как правило, собственная газетная практика, и учит медленно, трудно, затягивая процесс созревания.

Ну а столпы современной журналистики, умудренные опытом и "все познавшие"? Они кажутся молодым газетчикам статуями на постаментах – молчаливые и недоступные. Как рождается их замысел, где они "берут" тему, каким образом собирают материал, как беседуют с героями очерков, думают ли о сюжете и композиции, как пишут и как сокращают написанное в газетной полосе, короче говоря – какова технология их творчества? Все это для нас тайна за семью печатями. И не потому тайна, что они нарочно скрывают секреты мастерства, а потому, что даже им некогда "остановиться и оглянуться" из-за высочайшего темпа газетной жизни, из-за вечной текучки, которая "заедает". Иные из них ни у кого не учились, меж тем отсутствие учителей, как известно, наказывается отсутствием учеников.

Десятки центральных, сотни республиканских и областных, тысячи районных газет – это же огромная армия опытных творческих работников! Почему бы не подумать им о будущем, о смене, идущей вслед за ними? Неужто не способны они, более или менее "старые" журналисты, дать молодым полезные советы? Неужели и сами не верят в возможность взаимного обогащения?

Давно пора журналистам обмениваться опытом, делая это публично и оставляя "печатные" следы обмена. Начало, кстати говоря, уже положено:

недавно вышли в свет "Как я работал над "Неделей" Ю. Либединского, "Заметки писателя о современном очерке" В. Канторовича, "Рождение темы" Е. Рябчикова, "Двадцать пять интервью" Г. Сагала, напечатаны интереснейшие статьи на эту тему в "Журналисте" и т. д.

К этой же серии можно условно отнести и размышления о журналистском мастерстве, предлагаемые в данной книге. Размышления, основой которых стали беседы, лекции, прочитанные автором в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ и ставшие предметом обсуждения, жарких споров в аудитории, что еще раз подтвердило необходимость подобных "размышлений вслух" о нашей профессии. Минимум теории, максимум практики - таково намерение автора. И никаких претензий на обязательность применения описываемых методов, на непорочность суждений. Задача куда скромнее - разбудить интерес у начинающих журналистов к серьезному отношению к технике работы. Кроме того, если удастся, автор не прочь "разозлить" коллег, в том числе корифеев пера, вдохновив их таким образом на продолжение разговора.

И последнее. Речь в этой книге коснется технологии работы, характерной главным образом для очеркистов и публицистов, хотя автор не скрывает надежды на то, что некоторые положения, им высказанные, примут на свой счет и представители других газетных жанров. Тем не менее оговорку эту следует полагать существенной. Дело в том, что по сравнению с репортажем, зарисовкой, интервью, эссе, статьей, информацией и даже фельетоном очерк занимает в газете особое место, а очеркисты - несколько привилегированное: им и командировку дают не на один день, и времени на "отписку" побольше, и с размерами на полосе не очень скупаются. Объясняется ли это тем, что очерк считают в газете более важным жанром, чем, положим, репортаж? Нет, автор, так не думает. Более того, он знает, что "хлебом журналистики" является информация, без которой ни одна современная газета не обходится, а очерк - это скорее "деликатес". Однако трудностей со сбором материала для очерка, как и с его написанием, все же побольше, чем с любым другим жанром. Кроме того, не зря газетная практика выдвигает в очеркисты людей, предварительно прошедших богатую школу репортажа и сбора информации. И так складывается

жизнь журналиста, что "право на очерк" он как бы "зарабатывает" долгим и самоотверженным трудом на других газетных направлениях.

Так или иначе, говоря главным образом о технологии работы над очерком, автор ни в коей мере не желает принижать значения прочих газетных жанров, тем более что все они имеют свои вершины мастерства и своих замечательных исполнителей.

ДЕЛО, КОТОРЫМ МЫ ЗАНИМАЕМСЯ

Стертые границы документалистики. "...Так как я не красноречив и даже не великий писатель, то, не рассчитывая на свой стиль, я стараюсь собрать для своей книги факты"¹. Стендаль, которому принадлежат эти слова, в силу своего истинного величия мог позволить себе подобное кокетство. Нам же следует точно знать наше место в литературе, чтобы работать на уровне предъявляемых к журналистике требований и не искать снисхождения читателей по части художественной. Тем более что за последние десятилетия документалистика, обретая невиданную популярность, стала успешно конкурировать с беллетристикой. Явление это феноменальное, - впрочем, ему есть, вероятно, объяснение, - и не учитывать его нельзя.

Что сегодня читают и смотрят в мире? Мемуары Г. Жукова, "Аэропорт" А. Хейли, "Дневные звезды" О Берггольц, "Ярче тысячи солнц" Г. Юнга, "Брестскую крепость" С. Смирнова, дневник А. Франк, "Солдатские мемуары" К. Симонова, "Ледовую книгу" Ю. Смуула, "Обыкновенное убийство" А. Капоте, "Павшие и живые" в театре на Таганке, "Закон Паркинсона" и публицистику У. Тойфлера, "Обыкновенный фашизм" М. Ромма - список можно продолжить. Кино, театр, телевидение "ударилась" в документалистику. Изобретен метод "скрытой камеры", который называют еще "подглядыванием в замочную скважину", что более характерно для натурализма, нежели для реализма, но это тот самый нормальный перегиб, свидетельствующий о том, что процесс идет, явление имеет место. Художники куда чаще, чем прежде, предпочитают "Девочке с персиками" героиню труда Имярек в яблоневом саду. Композиторы пишут документальные оперы. На сцене МХАТа горят мартены, еще чуть-чуть, и актеры, играющие в "Сталеварах", будут выдавать готовую продукцию. И прозаики, прекрасно

чувствуя новые веяния, стали рвать добрую, старую беллетристику в документальную тогу, ища более надежный и короткий путь к читателю.

В. Богомолов снабжает повесть "В августе сорок четвертого..." вымышленными

документами, сделанными "под" реальные, Е. Евтушенко пишет "Братскую ГЭС",

В. Солоухин - "Каплю росы" и "Владимирские проселки", А. Вознесенский

предваряет стихи документальными прозаическими вступлениями и комментариями,

приближая поэзию к "факту".

Чем вызвана документализация литературы и искусства? Трудно назвать все

причины, но кое-какие позволю себе отметить.

Во-первых, изменился читатель. Вырос его интеллектуальный уровень,

читатель стал образованнее, культурнее, он может во многом разбираться сам,

только ему нужно дать документ, информацию - дать пищу для ума. В силу

именно этой причины наметилась "всеобщая тяга к объективности"², как

сформулировал явление публицист и переводчик Л. Гинзбург.

Во-вторых, нельзя не учитывать научно-технической революции, которая

привела к развитию средств связи, к совершенству киноаппаратуры,

магнитофонов, фото- и телеаппаратуры. Все это не только способствует

фиксации событий, но и буквально толкает к этому, дает необычайный

фактический материал, делающий фантазию бессмысленной, а обилие острейших

жизненных ситуаций и сюжетов - фактом.

В-третьих, если характерным признаком документализма было когда-то, по

выражению Е. Дороша, "писание с натуры", то, возможно, сегодняшняя "всеобщая

документализация" есть нормальное и естественное развитие реализма как

творческого метода? То есть в сравнении с "минувшим реализмом похожести"

нынешний реализм должен быть "документальным"? Впрочем, это теоретический

вопрос, в дебри которого лезть не имеет смысла, но и не наметить его тоже

нельзя: а вдруг кого-то толкнет на размышления!

В-четвертых, читатель в какой-то степени "изголодался" по дневникам и

документальным свидетельствам о временах и исторических событиях

малоизвестных и некогда даже скрытых. Целое поколение людей еще не забыло

войну. а сколько молодых граждан проявляют интерес к прошлому...

Какова судьба десанта в Керчи, кто такой партизанский легендарный "Батя", каковы

подробности Нюрнбергского процесса, как действовал в тылу врага Кузнецов, каким образом удалось спасти "золотой эшелон" во время гражданской войны – сколько тайн, вынужденных секретов становятся сегодня явными!

Что же получается? Авторитет и сила документа привели к тому, что даже "чистые" прозаики не могут устоять перед искушением замаскировать беллетристику "под" документ. Отсюда сделаем предварительный вывод о том, что границы между прозой и журналистикой стираются. Не только рядовому читателю, но и литературоведу, думается, не всегда легко распознать, имеет ли он дело с рассказом или очерком, поскольку проза может основываться на реальном факте, а очерк – не пренебрегать вымыслом.

Что же волнует современного читателя? Его волнует не то, какими средствами пользуются литераторы, а к какому результату приходят. Старый спор о "допустимой степени художественного обобщения", как говорят специалисты, то есть спор о величине вымысла, возможного в очерке, сегодня не кажется мне актуальным. Важно другое: верит или не верит читатель в то, о чем повествует автор. Если верит, ему безразлично, как называется публикация – очерком или рассказом.

У Л. Н. Толстого в "Войне и мире" есть сцена, в которой действуют исторически реальные герои – Кутузов, Барклай, Багратион и другие – и герои вымышленные, например девочка, сидящая на печке во время знаменитого Совета в Филях. Что это такое с точки зрения жанра? Кутузов – художественное осмысление реального образа, девочка – художественный образ в чистом виде, всего лишь претендующий на реальность существования. А в итоге? Достоверный сплав, которому мы, читатели, верим.

Можно продолжить перечень авторов из далекого и близкого прошлого, заложивших основы подобной литературы. В этот перечень вошли бы А. Радищев с "Путешествием из Петербурга в Москву", А. Пушкин с "Капитанской дочкой", Ф. Достоевский с "Записками из мертвого дома", Г. Успенский с "Нравами Растеряевой улицы", А. Чехов с "Островом Сахалин", А. Гончаров с "Фрегатом "Паллада", Д. Рид с "10 днями...", А. Серафимович с "Железным потоком", Д. Фурманов с "Чапаевым", А. Макаренко с "Педагогической поэмой", Н. Островский с "Как закалялась сталь", А. Фадеев с "Молодой гвардией", Б. Полевой с

"Повестью о настоящем человеке", В. Овечкин с "Районными буднями" и т. д.
Беллетристика все это? Документалистика? Волнует ли нас, читателей, мера вымысла в подобных произведениях, если степень их достоверности выше всяких "норм"?

"Начиная с Мертвых душ Гоголя и до Мертвого дома Достоевского, - писал Л. Толстой, - в новом периоде Русской литературы нет ни одного художественного произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести"³.

Л. Толстой, вероятно, имел в виду традиционную форму, но, к сожалению, не развил мысль дальше и не сказал, по какой причине в нее не укладывались прозаики и поэты. Будет ли натяжкой, если предположить, что именно обращение к документу мешало им "уложиться"? А если шире, то стремление к высокой степени достоверности произведений, которая достигается за счет максимального приближения к реальной жизни? Во всяком случае представленный перечень имен и произведений (как понимает читатель, далеко не полный) свидетельствует, во-первых, о возможности такого предположения, и, во-вторых, о давних и прочных традициях обращения русских литераторов к документу.

Нет, не сегодня родилась - не знаю, право, как лучше назвать - документальная проза, или художественная документалистика. В силу определенных исторических причин она могла иметь взлеты и падения, стало быть, надо считать, что нынче документалистика всего лишь возродилась. Не на пустом месте, а имея свои законы и традиции, сложившиеся давно.

В. Шкловский прав, когда говорит, что "деятели искусства опираются на творческий опыт предшествующих поколений. на существующую форму, наследуют их. Но в старой форме не всегда можно выразить новое содержание. Тогда и возникают поиски новой формы, способной выразить новое содержание. Старая форма не остается неизменной, а видоизменяется, новаторски развивается, обогащается. Действительные причины этих поисков всегда коренятся в новом содержании"⁴.

Почему появилась в нашем обществе потребность в новом содержании документальной литературы, мы уже говорили. Популярность такой литературы несомненна. Печально лишь то обстоятельство, что, увлекаясь теоретическими

спорами о месте и значении художественной документалистики, далеко не все очеркисты ощущают свою органическую связь с беллетристикой, из-за чего не используют великого наследия прошлого.

Добавлю к сказанному, что лично мне глубоко импонирует отношение к прозе как к родственному литературному виду. Подобно тому как на стыке двух наук совершаются наиболее выдающиеся открытия - а "зеленая улица" сегодня лежит не просто перед физикой или химией, но перед астрофизикой, биохимией, геофизикой и т. д. - подобно этому, быть может, на стыке прозы и документалистики и рождается новый вид литературы, способный обеспечить истинный расцвет, дать наивысший уровень достоверности и точно соответствовать возросшим требованиям современного читателя.

Домысел и вымысел. Однако разговор о мере вымысла в документалистике не лишен основания, не снят с повестки дня. Напротив, проблема вымысла, но уже не как критерия, а как инструмента для познания и осмысления действительности, встает еще острее, нежели прежде.

Говорят, правда одна, многих правд не существует. И тем не менее из одних и тех же фактов-кирпичиков разные авторы могут построить разные дома. "Ведь даже два фотографических аппарата," - писал Е. Дорош, - "в руках двух фотографов дадут не совсем одинаковые изображения одного и того же, в одно и то же время снятого предмета"⁵. Отчетливо представляю себе нескольких литераторов, истинно талантливых, каждый из которых по-своему напишет портрет одного героя; и столь же ясно вижу невзыскательного к себе писателя, способного десять героев нарисовать на одно и то же лицо.

В ноябре 1968 г. "Комсомольская правда" опубликовала мой очерк "Искатели"⁶. В нем шла речь о молодом инженере-конструкторе Анатолии Пуголовкине, работающем на автозаводе имени Лихачева. С момента публикации минуло полтора года, и вот однажды мне в руки попадает белорусская республиканская молодежная газета с очерком под названием "Начало". В нем речь идет о молодом человеке - инженере-исследователе Минского автозавода Василии Дыбале. У меня в очерке: "Через какое-то время Анатолий вызовет у потомков не меньший интерес, чем тот, который испытываем мы сами к рядовым представителям прошлых поколений. Внукам и правнукам тоже захочется знать,

как он выглядел, о чем думал, как работал, какие пел песни и какие строил планы..." Очерк "Начало" имел такое вступление: "Возможно, через какое-то время Василий Дыбаль вызовет у потомков не меньший интерес, чем тот, который испытываем мы сами к рядовым представителям прошлых поколений. Внукам и правнукам тоже захочется знать, как он выглядел, о чем думал, как работал, какие пел песни и какие строил планы..."

Ну ладно, бывают совпадения. Смотрю дальше. Мой очерк разбит на маленькие главки: "Внешний вид", "Черты его характера", "Образ его мышления", "Как он работает", "Его духовный мир" и т. д. "Начало" также состоит из небольших главок: "Внешний вид", "Черты его характера", "Образ его мышления"... Ну что ж, и такое возможно. А посмотрю-ка, что "внутри" материала - ведь герои-то разные! Читаю и не верю своим глазам. У меня: "Было время, Анатолий Пуголовкин думал, что от него и от таких, как он, ничего не зависит..." В очерке "Начало": "Было время, Василий Дыбаль думал, что от него и от таких, как он, ничего не зависит..." У меня: "А читает Анатолий, честно говоря, мало. Разумеется, газеты, журналы - это да. А книги редко: нет времени. Но если уж читает, то отдает предпочтение документальной прозе, а не "бытовому роману", делая исключение только для классиков". В "Начале": "А читает Василий, честно говоря, маловато. Разумеется, газеты, журналы - это да. А книги редко: нет времени. Но если уж читает, то отдает предпочтение документальной прозе..."

Короче, чистый плагиат, и очень редкий в очерке. Подставлена фамилия другого реально существующего человека, а все остальное - слово в слово. Разные герои, а все у них одинаково, одно и то же читают, одно и то же едят, озабочены одними проблемами, успехи одни и те же, говорят одинаковые слова и думают "тютелька в тютельку". При этом автор "Начала" не боится не только самого плагиата, но, вероятно, и разоблачения - ни с моей стороны, ни даже со стороны Василия Дыбала и его ближайшего окружения!

Мне бы гордиться: и я сподобился, вышел в "классики", если цитируют. А тут еще в одном уважаемом издании, прослышав о плагиате, предлагают "пригвоздить" публично автора "Начала". Я не только сам отказался писать

разоблачение, но и других просил не делать этого. Потому что не гордиться нужно, а краснеть: написал своего героя так, что получился не образ, а "костюм", пригодный на любую фигуру! Выходит, не заметил я в Анатолии Пуголовкине ничего такого, что "не налезало" бы на Василия Дыбала. Но истинная типизация достигается, как известно, не за счет стереотипа, который можно выдумать, а за счет выявления непридуманных индивидуальных черт. Факт

- попробуй, укради! А вымысел - сколько угодно...

История поучительная. Возможно, я слишком строг к самому себе, и в данном случае справедливее было бы говорить о беспардонности молодого автора республиканской газеты. Но надо выносить и для себя уроки из чужих ошибок. Какие же уроки я вынес? Во-первых, пользуясь вымыслом, нельзя отрываться от действительности на такое расстояние, которое ведет к усредненности образа, к стереотипу, вредит правде и достоверности. Во-вторых, домысливать - не значит врать, вымысел и домысел проявляют себя в отборе фактического материала, в осмыслении события, в эмоциональном настрое автора, в его позиции. Наконец, в-третьих, уровень способностей автора, его профессионализм играют не последнюю роль в достижении неповторимой достоверности материала. Плохо написанный очерк куда легче плагиатировать, нежели исполненный талантливо!

Однажды М. Галлай остроумно сказал: "Документальная повесть есть такая повесть, в которой выведены вымышленные персонажи под фамилиями действительно существующих людей"⁷. В этой шутке содержится рациональное зерно: художественная документалистика не сковывает, а, скорее, развязывает фантазию автора! Роман о безногом летчике, согласитесь, выглядел бы неправдоподобным, а документальная повесть, в которой по сути дела выведен "вымышленный герой, но под фамилией действительно существующего человека" (всего лишь одна буква изменена - Маресьев вместо Мересьева!), воспринимается нами как истинная правда.

Да, автор имеет право на вымысел и домысел, на преувеличение, основанное, если хотите, на интуиции, и нелепо было бы это право отрицать. Даже в тех случаях, когда он ведет почти научное исследование факта, когда

оперирует цифрами и "данными", он вправе домысливать, потому что наша мысль.

как писал М. Горький, "измеряя, считая, останавливается перед измеренным и сосчитанным, не в силах связать свои наблюдения, создать из них точный практический вывод"⁸, - вот тут-то и должна помочь интуиция, найдя свое выражение в домысле.

Правы классики, утверждая, что без выдумки нет искусства. Но выдумка выдумке рознь. "Солги, но так, чтоб я тебе поверил", - сказано у поэта.

Домысливать "правдиво", чтобы читатель верил, - дело нелегкое, напрямую связанное с чувством меры, с самодисциплиной, со способностью автора самоограничиваться.

В моей практике есть несколько случаев работы над "чистой" прозой:

рассказ "Обелиск", повести "Шестеро, как они есть", "Остановите Малахова!".

Все это написано на достоверной основе, и я, работая над прозой, "до последнего" сохранял фамилии прототипов, хотя и знал, что в итоге изменю их.

Такое скрупулезное отношение к фактам, такой процесс написания дисциплинировали меня. ограничивали в грубом вымысле, давали толчок к художественному осмыслению событий. Как говорится, хлеще, чем жизнь, ни одна голова не придумает. Зачем же в таком случае напрасно утруждать себя ничем не ограниченным выдумыванием?

Подводя итог, сделаем следующие выводы.

Подобно тому как прозаики стали все чаще обращаться к документу, очеркисты все чаще обращаются к приемам работы прозаиков. Составными черка являются язык, композиция, пейзаж, диалог, портрет и т. д. М. Горький в свое время писал о трех элементах художественного произведения: о теме, языке и сюжете⁹. Художественная документалистика с ее нынешним обновленным содержанием не может, мне кажется, обходиться без тех же трех элементов.

Документалисты живут с прозаиками по одним творческим законам и пользуются одними творческими методами. Однако, полагаю, есть между ними существенные различия, касающиеся главным образом масштабности тем, фундаментальности исследования и величины публикаций. Беллетристы - это, если угодно, "долговременные огневые точки"; очеркисты - подвижнее, оперативнее, они откликаются быстрее, но звучат кратковременнее. Если

писатели "изображают, - по выражению Чернышевского, - вообще, характеристическое"¹⁰, то газетчики ставят вопросы относительно частные, размышляя над актуальными проблемами дня. В "Поэтике" Аристотеля выражена мысль о том, что историк и поэт "различаются не тем, что один говорит стихами, а другой прозой. Разница в том, что один рассказывает о происшедшем, а другой о том, что могло бы произойти"¹¹. Допуская условную аллегория, готов поставить на место историка журналиста, а на место поэта - писателя, оценив таким образом некоторую разность их задач.

Наконец, ставя конкретные вопросы, газетчики опираются на конкретный адресный материал. Известинец А. Д. Аграновский (мой отец) писал в 1929 г. в предисловии к своей книге "Углы безымянные":

"Автор - газетчик. Этим определяется характер настоящей книги.

Писатель может (ему разрешается) купить на первом попавшемся вокзале билет, уехать в неизвестном направлении, сойти неизвестно на какой станции, нанять подводу и гнать лошадь, пока она не пристанет. В ближайшей деревне писатель узнает, что, кроме людей, в деревне есть скот, машины, классовая борьба, налоги, комячейка, и, выбрав этот уголок своей резиденцией, он приступит к писанию.

Получится книга о деревне, возможно, столь интересная, что о ней заговорит страна, мир. И сколько бы писатель ни клялся, что он писал об одной деревне, ему не поверят. Читатель не замедлит обобщить его выводы. Таков удел художника.

Мы, газетчики, работаем иначе. Пусть наши статьи и фельетоны не попадают в "мировую историю" (они только сырье для историка), но когда мы пишем: "Сидор", читатель знает, что мы беседовали с Сидором, а не с Петром; когда мы говорим, что были в деревне Павловке, никто не сомневается, что речь идет о Павловке, а не о Федоровке...

Газетчик - чернорабочий литературы, он непосредственный участник сегодняшнего строительства....

Как видите, задачи совершенно ясны и точны. Мы говорим об одной волости, мы пишем о ней, "какая она есть" сегодня и какие требования предъявляет она к нам и мы к ней на данный отрезок времени"¹².

Поскольку главная задача художественной документалистики - участие в формировании общественного мнения, а также необходимость будить общественную

мысль, логично добавить к сказанному, что будить мысль можно только с помощью мысли. "Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает" (А. Аграновский)¹³. Действительно важно количество мыслей на квадратный сантиметр текста. Расскажу в связи с этим весьма поучительную историю. Дело было во время войны. Герой истории - ныне довольно известный журналист, фамилию которого не называю только потому, что не уверен, насколько точно изложу событие, - работал во фронтовой газете. И вот однажды, вернувшись измученный и усталый с передовой, он написал в номер маленькую информацию и лег спать. Заметка была примерно такая: "В ночном бою за высоту у деревни А. рота под командованием старшего лейтенанта М. уничтожила около батальона фашистов, столько-то боевой техники и захватила в плен столько-то вражеских солдат. В сражении отличились..." и т. д. Вскоре уснувшего корреспондента разбудил редактор газеты и сказал: "Умоляю тебя, соберись с силами и быстренько сделай из информации очерк, у нас давно не было очерка!" Повертев в руках уже отпечатанный на машинке текст, молодой журналист почесал затылок, подумал, потом от руки дописал несколько слов и вновь, укрывшись шинелью, лег спать, уверенный в том, что дел сделано. Редактор потрясенно читал: "Тихо мела поземка... В бою за высоту у деревни А. рота под командованием старшего лейтенанта М. уничтожила..." С тех пор в этой фронтовой газете, а с ее легкой руки и во многих других слово "очерк" было изъято из лексикона. Когда корреспонденты отправлялись на задание, они спрашивали редакторов: "С "поземкой" писать или без "поземки"?" - "Репортаж!" - заказывали реакторы. "А, может, лучше "с поземкой"? - стало быть, очерк.

Так вот, с "поземкой" писать нельзя. Всегда было стыдно это делать, стыдно и сегодня, а если простимо, то, как говорится, только по молодости лет. К сожалению, еще не все газетчики это понимают. Публицисты в кавычках "выкамаривают пейзажи и петушатся стандартной патетикой"¹⁴, - писал Б. Н. Агапов, имея в виду тех, кто заменяет или скрывает свое безмыслие кр-р-расотами стиля и всевозможными "поземками". Меж тем, как остроумно

заметил еще в 30-х годах А. Диковский, проблема распределения сапог в третьем квартале не нуждается в раскраске, - стало быть, оружием журналиста является цифра, довод и мысль, что, разумеется, не исключает, а скорее предполагает пользование "работающим" пейзажем, ярко выписанным портретом, но при этом непременно с ведением читателя путем своих мыслей. В дневнике Л. Н. Толстого есть такие слова: "Художник для того, чтобы действовать на других, должен быть ищущим, чтобы его произведение было исканием. Если он все нашел и все знает и учит, или нарочно потешает, он не действует. Только если он ищет, зритель, читатель сливается с ним в поисках"¹⁵. Вот так мы и вернулись "на круги своя": к выводу, что без мысли мы - пусты.

Как стать профессионалом. Говорят, Ю. Олеша, посмотрев однажды на шпроты во вскрытой банке, сказал: "Хор Пятницкого!" В чем секрет подобного "видения"? Каков его механизм? Для ответа на этот вопрос не надо ломать голову: тайна авторского видения и восприятия мира лежит в наличии или отсутствии таланта. Не берусь перечислять составные журналистского дарования, но две способности, без которых, мне кажется, действительно не может обойтись газетчик-профессионал, назову.

Прежде всего умение удивляться, без которого нет прелестной "детской непосредственности", нет радости общения с людьми и жизнью, нет желания остаться наедине с собой, то есть желания думать, нет потребности расширить собственный духовный мир. К сожалению, способность удивляться с годами утрачивается. "Дети - поэты, дети - философы, утверждает Я. Корчак. А потом? Куда это уходит? Почему умирает? "Почему, когда маленькие становятся большими, поэты и философы редкость?" - спрашивает писатель Е. Богат, а затем констатирует: - "Для меня это один из самых глубоких и трагических вопросов жизни..."¹⁶

Но в эпоху бурного развития научно-технической революции даже дети перестают удивляться! Когда-то ребенок, глядя на репродуктор, мог спросить, в высшей степени возбуждись: "Папа, там сидит гномик?!" А сегодня мой четырехлетний племянник, слушая "живое" пение под гитару, спокойно сказал: "Я знаю, дядя Валя, у тебя в горле магнитофон". Телефон, телевизор,

транзистор, магнитофон – кого эти чудеса сегодня удивляют? Мы воспринимаем транзистор, эту "каплю человеческого гения"¹⁷, этот голос мира и человечества, не как великое чудо времени, а как игрушку, которую просто таскаем через плечо и, между прочим, потому так и гремим транзисторами на всю округу, что они для нас "игрушки", а не книги, которые слушают наедине.

Обо всем этом написал Е. Богат в замечательной книге "Чувства и вещи".

"Может быть, опаснейшая из девальваций – девальвация чуда"¹⁸ – восклицает автор. Вероятно, и В. Сухомлинский заметил это, потому что стал воспитывать у детей не что иное, как умение удивляться деревьям, журавлиной стае, звездному небу...

Я, кажется, немного увлекся. но далеко ли ушел от волнующего нас вопроса? Позвольте спросить, что такое журналист, лишенный непосредственности, радости общения с людьми да еще с небогатым духовным миром? Что он может дать своим читателям?

И еще следует сказать об одном элементе журналистского дарования, без которого трудно прожить творческой личности: о рабочем состоянии. При внешней простоте и даже банальности эта формула содержит призыв к самоограничению журналиста, к подвижничеству, если угодно, к спартанскому образу жизни. Проще говоря, когда все окружающие легко отвлекаются от различных забот, в том числе от профессиональных, журналисты продолжают работать, их мозг постоянно "отбирает" и фиксирует то, что должно войти в будущий очерк, статью, репортаж и т. д.

Может возникнуть вопрос: как сочетать необходимость удивления с необходимостью сохранять постоянную трезвость ума и рабочее состояние? Вот так и сочетать, вполне диалектично. хотя не утверждаю, что это легко делать.

Но без рабочего состояния кому нужно журналистское удивление? А без умения удивляться как можно использовать постоянное стремление журналиста писать?

У Ю. Олеши есть маленький рассказ об одном необычном писателе.

Процитирую его начало:

"От рождения мальчика держали в условиях, где он не знал, как выглядит мир, – буквально: не видел никогда солнца! Какой-то эксперимент, причуда богатых... И вот он уже вырос, уже он юноша – и пора приступить к тому, что

задумали. Его, все еще пряча от его глаз мир, доставляют в один из прекраснейших уголков земли. В Альпы? Там, на лугу, где цветут цикламены, в полдень снимают с его глаз повязку... Юноша, разумеется, ошеломлен красотой мира. Но не это важно... Наступает закат. Те, производящие царственный опыт, поглядывают на мальчика и не замечают, что он поглядывает на них! Вот солнце уже скрылось... Что происходит? Происходит то, что мальчик говорит окружающим: - Не бойтесь, оно вернется!

Вот что за писатель Грин¹⁹ - заканчивает Ю. Олеша свою историю, дабы раскрыть перед нами сущность самобытного таланта писателя. Но даже не столько Грин и не столько символическим мальчик, трезво предупреждающий окружающих о возврате солнца, поражают меня. сколько сам Ю. Олеша. Он, будто бы находясь среди тех, кто проводит "царственный опыт", забыв о красотах природы, о заходящем солнце и о цветущих цикламенах, наблюдает за мальчиком, чтобы не пропустить самого важного момента: когда мальчик воскликнет свою потрясающую фразу. То есть Олеша демонстрирует нам рабочее состояние в действии.

Один крупный математик признался: "Когда я вижу два троллейбуса, идущие навстречу друг другу, я мысленно ставлю между ними знак равенства и получаю довольно любопытное летучее уравнение!" Творческая личность всегда работает...

На Алтае в окружении туристов молодой журналист вместе со всеми наблюдал невероятной красоты пейзаж, открывающийся с вершины, но, не имея времени искреннее насладиться, записывал в блокнот все увиденное. Его мозг работал. Вдруг журналист заметил крохотный газик, по серпантину ползущий в гору. "Как описать его потом в очерке?" - подумал он и принялся прикидывать варианты с "натуры", пока газик еще находился в пути. "Спичечная коробка на колесах тащилась в гору", - написал журналист первый и самый примитивный вариант и тут же подумал: "Фи! Газик, мотор которого имел шестьдесят лошадиных сил, полз по горе... Тоже "Фи!" А что если лошадиные силы перевести в муравьиные?" Туристы, толпой окружавшие журналиста, большей частью безмолвствовали, потрясенные открывшимся видом, и только некоторые от

избытка чувств издавали возгласы типа: "Ах, какая красота!" и "Боже, какое чудо!" А журналист тем временем писал в блокнот очередной вариант: "Газик мощностью в несколько миллионов муравьиных сил с трудом полз в гору..." Не в том дело, удачен или неудачен получился этот итоговый образ, рассказанное выше иллюстрирует мысль о том, что все увиденное, услышанное, пережитое нами, журналистами, должно идти в наши очерки, статьи, репортажи, эссе, зарисовки. Конечная цель журналиста - написать, поведать людям и миру. Еще Паскаль заметил: "Кто стал бы подвергаться всем тяготам путешествия. если бы не мысль о том, как он, вернувшись домой, будет рассказывать о виденном своим друзьям!"²⁰

Газетчики должны стараться идти не по следам событий, а рядом с ними, быть не за пределами явления. а наблюдать его изнутри, каких бы сил это ни стоило. К великому сожалению, далеко не всем счастливым, оказавшимся в эпицентре событий, удастся потом создать нечто такое, что взволновало бы зрителя, слушателя и читателя. Но чем больше нас, чем выше наши способности, тем вернее шансы кого-то довести дело до талантливой публикации, до выставочного зала, до публичного исполнения.

Быть может, способность удивляться и умение жить по принципу "рабочее состояние" и есть в конечном итоге талант, с помощью которого возникает у журналиста подобный замысел и рождается волнующая тема?

ЗАМЫСЕЛ, ФАКТ, ТЕМА

Источники. Как возникает замысел, откуда берется тема? Это, безусловно, один из фундаментальнейших вопросов журналистского мастерства. Но прежде договоримся о терминологии, потому что тема и замысел не одно и то же, хотя в обиходе нередко эти понятия сливаются в нечто целое. Замысел, по Далю, есть "намерение, задуманное дело", и я готов считать его первой стадией рождения темы. Кстати сказать, действительно не обязательной, потому что не исключаю ситуации, когда замысел и тема возникают не по "очереди", а одновременно. В этом случае тема, становясь замыслом, включает его в себя, поглощает примерно так же, как ожог четвертой степени можно условно считать "поглотившим ожоги первых трех степеней. Но обычно между замыслом и темой

имеется дистанция, которую еще надо преодолеть, чем-то заполнить. Чаще всего замысел лишь предчувствие темы, достаточно аморфное и в некотором смысле безответственное, как, например: "Хорошо бы написать о любви!" Я утрирую, но все же это пример замысла. Сколько подобных ему могут остаться нереализованными, потому что им еще далеко до темы, потому что они лишены мыслей, потому что замысел - стадия, практически мало к чему обязывающая журналиста, а тема - это уже реальная основа для сбора материала и его написания. Позже рискну дать определение теме, а сейчас, немного забегаю вперед, скажу: я понимаю рождение темы как процесс глубокого осмысления, способствующий трансформации замысла в тему.

Каковы же источники возникновения замысла? Мне известны два. Первый - собственный социальный опыт журналиста, его информированность в широком смысле этого слова, его знания. Все это, достигнув определенной концентрации, как бы "выпадает в осадок" в виде замысла, способного в свою очередь трансформироваться в тему, и для газетного решения темы будет недоставать только факта, на поиски которого журналист и должен тратить силы. Второй источник - сам факт, пришедший "со стороны" и дающий толчок для возникновения замысла: тогда газетчик, основываясь на имеющихся у него знаниях, "перерабатывает" замысел в тему.

Разумеется, оба источника накрепко взаимосвязаны, их разделение весьма условно. Успех в каждом конкретном случае зависит либо от суммы наших знаний - когда мы имеем дело с фактом как источником возникновения замысла, либо от нашей вооруженности фактами - когда замысел и тема рождаются "внутри нас".

Проиллюстрирую сказанное примерами.

По образованию я юрист, когда-то был адвокатом, и хотя вот уже двадцать лет работаю в журналистике, не порываю контактов с бывшими коллегами по юриспруденции, регулярно просматриваю специальную литературу, короче говоря, более или менее хорошо знаю состояние борьбы с преступностью, особенно с подростковой. Замысел написать о профилактике правонарушений как бы сидел во мне, и вот однажды, ощутив внутреннюю потребность, взвесил все "за" и "против" и решил, что час пробил. Трансформировать замысел в тему при моих

знаниях предмета исследования, откровенно говоря, было нетрудно. Недоставало факта, и я отправился за ним в колонию, где и нашел чрезвычайно интересного колониста, впоследствии названного мною Андреем Малаховым. Проследив сложную жизнь подростка в ретроспекции, я попытался нащупать горячие точки его судьбы, которые сформировали из юноши преступную личность. Так была написана документальная повесть "Остановите Малахова!", часть которой публиковалась в "Комсомольской правде".

Но могло быть иначе. Могло быть так, что никакой внутренней потребности я еще не чувствовал, а человека, судьба которого меня взволновала, уже повстречал. Тогда естественно возникший замысел написать о нем "наложился" бы на мой социальный опыт и знания, трансформировался в тему. и я тоже взялся бы за перо.

Приведенный пример идеален, но жизнь сложнее. В реальной действительности, получив факт и пытаясь нащупать на его основе тему, мы чаще испытываем нехватку знаний и опыта, нежели их избыток, и вынуждены обогащаться информацией "на ходу". Так случилось со мной, когда однажды я выехал в Горький, на завод "Красное Сормово", имея ясное и четкое задание редакции написать очерк о молодом рабочем-передовике. Фамилию рабочего мне дали заранее, он был на заводе знаменит, и я немедленно приступил к делу. И вдруг выяснил, что герой будущего очерка, действительно прекрасный юноша, по праву называемый передовиком, работает тем не менее в одну треть своих истинных возможностей. Почему? Оказывается, заводу экономически невыгодно, чтобы он и ему подобные трудились на полную мощность. Вот тебе и на! Факт настолько поразил меня, человека беспомощного в вопросах экономики, что я прервал командировку, вернулся в редакцию и получил "добро" на исследование проблемы. Для трансформации замысла в тему мне пришлось перевернуть гору специальной литературы. пройти "ликбез" по экономике, посоветоваться с большим количеством людей. В итоге, решительно отказавшись от "рядового" портретного очерка, я написал серию материалов, связанных с проблемой ударничества, и положил в их основу историю молодого рабочего. Все пять очерков были объединены одной темой, краткое содержание которой выражено в

названии третьего очерка серии "Порох - в пороховнице!"

Итак, собственный опыт журналиста (подчеркиваю: собственный!), его знания, эрудиция, информированность и, кроме того, найденные им факты - это и есть источники возникновения замысла. Других не знаю. Впрочем, могу допустить ситуацию, при которой кто-то из коллег подсказывает журналисту мысли, подыскивает ему факты, помогает "родить" тему, делится своими знаниями и способностью размышлять. Но это возможно раз, второй, третий, ну четвертый, а потом наступает предел. Рано или поздно, но журналисту надо петь собственным голосом, а не под чужую фонограмму. И, если выяснится его несостоятельность, ему придется либо смириться с амплуа "среднячка", либо расставаться с профессией. Потому что истинный журналист не тот, кто собирает чужие мысли, а тот, кто щедро одаривает коллег собственными.

Тема. В музыке темой обозначают "мотив, мелодическое построение, часто с гармоническим сопровождением, лежащим в основе произведения". А в журналистике? Согласно "Энциклопедическому словарю", "тема - обозначение круга жизненных явлений или вопросов, которые отобраны автором и изображены в его произведении... с определенных идейных позиций"²¹.

Лично меня такая формулировка не устраивает. По ней выходит, что главное - "отобрать" какое-то жизненное явление, такое, положим, как любовь, - и это тема? Соревнование - тема? Преступность - тема? Это было бы слишком просто. Даже не надо ломать голову не только над вопросом, "о чем писать?", но и над вопросами "как писать?", "зачем?".

Полагаю, что материал не просто "обозначен", если явление не только "отобрано", а выражено к нему отношение автора, вооруженного мыслями, тогда и можно говорить о наличии темы.

Так, например, не просто "преступность" как явление, а "причины преступности". и не просто "причины", а "социально-психологические", - это уже, с моей точки зрения, много ближе к тому, что называется "темой". А что я, собственно, сделал? Сузил круг вопросов, и только? И выдаю результат за "тему"? Отнюдь! Я всего лишь определил главное направление поиска и проявил свою позицию, как бы сказав: из известных причин преступности в нашей стране - пережитков прошлого в сознании людей и влияния буржуазной идеологии - акцент сделан на третьей - социально-психологической.

Итак, тема, по-моему, - это главная мысль или сумма мыслей, выражающих отношение автора к явлению, которое он отбирает для исследования и последующего изображения в своем произведении. Мне кажется, такое определение темы точно соответствует духу времени и состоянию современного читателя, кроме того, гарантирует высокий уровень доказательности и убедительности наших публикаций, их наполненность доводами и резонами и, самое главное, мыслью, если угодно, идеей, идейностью.

Небезынтересно знать, что понимал под "темой" А. М. Горький. "Тема, - писал он, - это идея, которая зародилась в опыте автора, подсказывается ему жизнью, но гнездится во вместилище его впечатлений еще не оформленно и, требуя воплощения в образах, возбуждает в нем позыв к работе ее оформления"²². Горький имел в виду "тему" беллетристического произведения, но мы, очевидно, не без оснований можем распространить это определение на журналистику. Обращаю внимание читателя на то, что главное в горьковском определении: тема - это идея! Не явление, всего лишь "отобранное" автором, как толкует "Энциклопедический словарь", а идея! Таким образом, механическому действию Горький предпочитал действия, освещенные мыслью.

Поворот темы. Начну с примера. В 1928 г. А. Д. Аграновский отправился по заданию редакции "Известий" в Сибирь. Там на его глазах неожиданно развалилась одна из первых коммун. Дело происходило в период, предшествующий всеобщей коллективизации, когда рождение каждой новой коммуны было великой победой и вся печать, все средства агитации были направлены на поддержку и пропаганду коллективных хозяйств. И вдруг - развал коммуны! О чем писать? Как писать? Какая "вырисовывается" тема на основании известного факта? Такие вопросы, предполагаю, стояли перед журналистом. Не пожалеем времени, чтобы прочитать несколько абзацев из материала, вскоре опубликованного в "Известиях" под названием "80 и 5000"²³:

"В дверь раздался оглушительный стук, и в хату ввалилось человек десять:

- Что такое?!

Хозяин вскочил на ноги, зажег светильник, и вот мы сидим, взволнованные неожиданным событием, и, перебивая друг друга, горячо обсуждаем случившееся

несчастье.

Да, несчастье. Минут пятнадцать назад выселок Алексеевский остался... без женщин. Уложив в дроги детей и кое-какой скарб, они, как по команде, разъехались во все концы необъятной сибирской степи: кто в Волчиху, кто в Романово, а кто в соседний округ, - и некому уже сегодня доить коров, кормить свиней и стряпать завтрак..."

Далее журналист пишет о том, как проходило организационное собрание, на котором был принят устав коммуны, как восемьдесят рук поднялись к потолку и закрепили навечно за коммуной имя "Пролетариат". И вдруг: "Бабы не ходят в коммуны. Они тоже голосуют, но... кнутами по лошадиным задам. Ах, бабы, черт возьми!" Мужики в полной растерянности, они толкуют и так и эдак, пока не встает секретарь коммуны Амос Ефимович и не говорит:

" - Ни, хлопцы, не тую воду дуετε..."

И он произносит на своем смешанном украинско-русском диалекте целую речь.

- Жизнь не стоит на точци замерзания...

Он горячо и страстно упрекает коммунаров в том, что "наши жены жили за нашими спинами", что они иногда ничего не видели хорошего, что, думая о коммуне "годами и годами", коммунары не подготавливали к этой думке жен, не просвещали их, не учили...

- Эх, хлопцы, - говорит он, - мы в два месяца побороли Колчака, а вы удужите женок своих за десять рокив. Сором!"

И вот к какому повороту темы приходит журналист, размышляя над фактом:

"Что весит больше на социальных весах: коммуна на 80 дворов или эти слова: "Спасибо вам, Антон Митрофанович, за ваше сердечное благодарность, но не беспокойтесь, сами прокормим детей. А если нет, тебе заставим..."

Негодовать ли, что в Каменском округе стало на одну коммуны меньше, или радоваться. наоборот, что в глухой Сибири появились новые женщины, которые поняли, наконец, что они тоже люди, что они тоже имеют право распоряжаться своим хозяйством, жизнью и судьбой?..

Неловко ставить так грубо вопрос, но что делать, когда проблема эта, несмотря на одиннадцать лет существования Советской власти, остается по сей день проблемой актуальной".

Потом журналист вспоминает другую коммуны – не на 80 дворов, а на 5000, где не только не было массового бегства женщин, но едва ли хотя бы одной из них пришло в голову оставить мужа. Но женщина в этом селении не имела права сидеть с мужем за одним столом, не выходила на базар, не смела разговаривать с посторонним мужчиной. Мудрено ли, что мужья записывали жен в коммуны, не только не спросив их согласия, но и не объяснив и не рассказав даже, куда записывают.

"И вот в свете сибирского случая, – спрашивает журналист, – можно ли сделать вывод, что полурабское правовое положение этих женщин – положительный фактор социалистического строительства. ибо женщины не удирают, а бегство сибирских женщин из коммуны "Пролетариат" – отрицательный фактор социалистического строительства, поскольку коммуна стала под угрозой развала?"

Не является ли бегство сибирских крестьянок явлением, пусть болезненным, но положительным, поскольку оно отражает их проснувшееся гражданское самосознание... Крестьянка, которая доросла до той степени сознательности, когда она может в любой момент порвать с мужем, курятником и коровой, – это ли не тот элемент деревни, в котором больше всего нуждается сейчас наша коммуна?"

Вот, собственно, и весь пример. Свежая, острая для своего времени и глубокая мысль автора обеспечила неожиданный поворот теме, что в свою очередь не могло не привлечь внимание общественности к событиям, происшедшим в далекой сибирской коммуне.

Да, никакой факт, даже кричащий. сенсационный, не может "повлиять на умы", если он не осмыслен автором, не снабжен размышлениями, доводами, резонами, не обеспечен темой. имеющей свой поворот. Сенсация сама по себе чаще всего рождает кривотолки, оставляет читателя в недоумении, не организует его отношения к событию, факту, а в итоге формирует не то общественное мнение, на которое рассчитывал журналист.

Не помню в своей практике случая, когда бы взялся за перо, соблазнившись "потрясающим" фактом, не попытавшись прежде трансформировать замысел в тему. Нет темы – и такое бывало, и я отказывался от факта без

сожаления. Потому что просто нечего было сказать читателю. Сенсация в журналистике – это гром литавров в оркестре, звучащем вне всякой связи с мелодией и содержанием.

"До" или "после"? Но представьте себе на минуту, что факт развала коммуны и причина – бабы бросили мужиков и отказались вступать в "Пролетарий" – стали известны автору еще в Москве, до отъезда в командировку. И больше он ничего бы не знал. Мог ли "поворот темы" родиться у журналиста еще до поездки в Сибирь? Могла ли явиться мысль встать на защиту женщин, их права выбирать себе судьбу? Могла ли возникнуть идея признать бегство женщин из коммуны положительным фактором социалистического строительства, хотя и влекущим за собой гибель коммуны, а рабское повиновение мужу и обстоятельствам – фактором отрицательным, хотя и сохраняющим коллективное хозяйство?

Полагаю, на основе того опыта и тех знаний жизни, общей ситуации и конкретного момента, которыми обладал автор статьи, "поворот" мог родиться. Больше того – должен был родиться. Именно до поездки. И тогда журналисту оставалось отправиться в Сибирь всего лишь "за материалом". За каким? За Амосом Ефимовичем – секретарем коммуны, говорящим на смешанном украинско-русском диалекте, за Татьяной и Алексеем, которые "цельный год вели любовную коммерцию", за "сами прокормим детей", за названиями деревень, за "жизнь не стоит на точци замерзания" и т. д. и т. п. Собственно, если разобраться, а что еще привез журналист домой, вернувшись из командировки? Детали, живую лексику, имена и фамилии реальных крестьян, несколько цифр и мысли, высказанные коммунарами. Но не "поворот темы", не главную идею, не концепцию! Материал бы понадобился ему, чтобы подтвердить свое предвидение, придать очерку достоверность и убедительность.

Работа журналиста складывается поэтапно. Замысел и факт, как известно, могут поменяться местами, но потом следует рождение темы, сбор материала, его обработка и так вплоть до написания. Но стоп! Где место авторской концепции: до или после сбора материала? Любой ответ на вопрос не бесспорен, хотя имеет принципиальное значение: он, думаю, во-первых, обнаруживает

верное или неверное понимание смысла журналистики; во-вторых, открывает или не открывает доступ к залежам главных секретов журналистского мастерства; в-третьих, решительным образом сказывается на качестве работы.

Но давайте вновь договоримся о терминологии. Что я вкладываю в понятие "авторская концепция"? если тема - это сумма мыслей, выражающих отношение автора к отобранному для исследования явлению, то концепция, по-моему, та же сумма мыслей. однако приведенных в систему - модель будущего произведения. Концепция - родная сестра темы, по возрасту младшая, потому что рождается позже, а по значению, по основательности старшая. Тему можно сформулировать без доказательств, а концепция непременно содержит обоснования. доводы, резоны. От замысла к теме - полшага, до концепции - полный шаг. Не знаю даже, что еще добавить... Пожалуй, то, что без темы ехать в командировку противопоказано, мы об этом уже говорили: факт, как и замысел, всего лишь повод для выступления в газете, и это, кажется, всем понятно. А вот можно ли, обладая темой, но не концепцией, ехать и собирать материал - вроде бы спорно.

Моя позиция такова. Исходя из задач, стоящих перед современной журналистикой. и полагаясь на опыт многочисленных коллег да и на свой собственный, утверждаю: концепция должна создаваться не после, а непременно до сбора материала. "Таковы мои склонности и мои взгляды, - писал Монтень, - и я предлагаю их как то, во что я верю, а не как то, во что должно верить"²⁴. Иными словами, лично я убежден - хотя и не навязываю никому своего убеждения и понимаю его спорность, - что в зависимости от того, как мы работаем - собираем ли сначала материал, обдумываем его и только потом "рождаем" концепцию или начинаем с модели, чтобы затем собрать материал и осмыслить его в рамках нашей концепции, - в зависимости от этого мы или журналисты, идущие по следам событий, или смело шагающие впереди, опережая события; мы или способны только на повторение уже известного, или можем говорить читателю нечто новое; мы или еще новички в газетном деле, или опытные документалисты, работающие профессионально.

Конечно, заниматься журналистикой по принципу "увидел и написал" можно.

Многие так и делают, да и я в том числе. Это куда легче, чем работать по принципу "предвидел, увидел и написал". Но последнее, безусловно, эффективнее. Практика доказывает.

Допускаю, что я слишком категоричен, хотя категоричность в данном случае всего лишь средство для заострения проблемы. Но теперь, "заострив", попытаюсь успокоить коллег, особенно тех, которые принимают концепцию за предвзятость. Их недоумение понятно: а как же, мол, быть с объективностью журналиста, как гарантировать правдивость его писаний, если мысленная модель создается еще до столкновения автора с реальной жизнью? Согласен: есть сложности. Но концепция действительно была бы предвзятостью, если бы ни на чем не основывалась: ни на жизненном, ни на социальном опыте журналиста, ни на его знаниях, информированности. Однако речь идет о вполне обоснованном остром предвидении, а не о тупой предвзятости - еще раз подчеркиваю это обстоятельство. Кроме того, кто же будет отрицать, что даже умное предвидение может быть откорректировано, подправлено реальностью, окажется оно в столкновении с так называемыми мешающими деталями. Но в том-то и дело, что всевозможные коррективы способны уничтожить как раз предвзятость, а не концепцию, которую они могут только уточнить и сделать более достоверной. Стало быть, немного смягчая категоричность, готов добавить к понятию "концепция" слово "предварительная", имея в виду то, что после сбора материала она станет "окончательной".

Нам еще предстоит разговор, посвященный механизму создания модели будущего очерка, и потому ограничусь пока тем, что сказал. Повторю в заключение, что концепция дает возможность газетчику идти к своему герою с мыслью, что, между прочим, вовсе не исключает - за мыслью. Да, и за мыслью! И тем не менее я отдаю предпочтение тому журналисту, который умеет искать и находить факты в подтверждение идей, рожденных им, а затем отданных людям.

Факты. Прежде всего надо сказать, что факт - упрямая вещь. В этой известной формулировке содержится нечто главное для нас, журналистов: качество факта, его упрямство, с которым нельзя не считаться, но и которым надо уметь пользоваться. Подобное качество диктует профессиональное

отношение к факту: ни в коем случае не прибавлять к нему, не убавлять от него, не трогать, не подтасовывать - всецело на факт полагаться.

Но обратимся к каналам, по которым приходят или должны приходиться к нам факты. Воспользуюсь опытом "Комсомольской правды", хотя и допускаю, что он далеко не исчерпывает всех вариантов. Надеюсь, однако, что пример даже одной газеты позволит проследить некоторые современные тенденции в "работе с фактом". Итак, каналы.

Во-первых, рассказ сотрудника газеты, вернувшегося из интересной поездки. Цель рассказа - информировать коллег о положении на местах, о подробностях события, о настроении людей, о достижениях и поражениях, об истории вопроса, о перспективе - короче говоря, обо всем, что рассказчик считает достойным внимания.

Не буду говорить о творческой атмосфере, царящей в аудитории, когда журналист, вернувшись из командировки, делится со своими коллегами впечатлениями, часть которых не войдет и даже не может войти в публикацию. Но в этом суть. Главное, что коллектив получает ценную информацию, которая наравне с фактом служит источником замыслов, а рассказчик апробирует на коллегах некоторые положения будущего материала. Выгода, таким образом, взаимная и бесспорная.

На моей памяти таких выступлений было немало, за один лишь 1974 год: рассказ В. Пескова, только что вернувшегося из Америки; выступление в том же Голубом зале редакции Л. Репина, участника научного эксперимента на необитаемом острове (его засыпали вопросами, связанными с психологией островитян, проявив неожиданный интерес к теме, которой он прежде не придавал особого значения); рассказ В. Губарева, вернувшегося из Индии П. Михалева, оказавшегося первым советским журналистом в революционной Португалии; размышления А. Юркова о положении на БАМе в период, когда сильны еще были так называемые фанфарные настроения, но после точного и аргументированного рассказа журналиста газета основательно сбавила тон и перешла на деловой.

Во-вторых, прямое общение журналистов друг с другом в неофициальной обстановке - то, что называется сидением верхом на редакционных столах. Цель

так же, что и рассказов в Голубом зале, но эффект значительнее, потому что больше взаимной раскованности, есть возможность не только сообщить факт, но и сразу его осмыслить, "прокрутить" и выйти на тему.

Не понимаю редакций, в которых царит клиническая тишина, где в кабинетах чинный порядок, где ходят медленно, говорят полупшепотом, а на стенах висят обязательства "выдать" столько-то строк в месяц, перегнав соседний отдел. Редакция – не контора, как бы мы ни иронизировали по поводу. редакция – это живое место, перекресток, где происходит вечное движение ног и мыслей, где набиваются в один кабинет изо всех остальных, чтобы поговорить, где культивируют "самовары", "от печки", "все наверх!" и т. д., сами названия которых, придуманные газетчиками должны способствовать журналистской деятельности, где идет творческое обсуждение номеров, планов и проблем, где устраивают "мозговые атаки", где с интересом и нетерпением ждут возвращения коллег из командировок, куда с радостью возвращаются. Только в такой атмосфере возможен продуктивный обмен информацией, фактами, мыслями, идеями.

В-третьих, регулярные встречи с "интересными людьми" – специалистами своего дела, ответственными работниками, представителями различных отраслей знаний, хозяйства, науки и техники, искусства. Главная цель – информация о делах, еще не вышедших за пределы опытов и лабораторий, о проектах и предположениях, о тенденциях развития, о далекой и близкой перспективе во имя правильной ориентации журналистов, работающих в газете над актуальной тематикой.

На моей памяти встреча с вице-президентом Академии наук СССР, академиком Ю. Н. Овчинниковым. Он говорил в Голубом зале редакции о положении в современной науке вообще, в биохимии в частности, об охране природы, о теории генетического и мутационного происхождения преступности, о генной инженерии и многом другом.

Такие встречи – постоянно действующий ликбез. Помню, возник однажды в редакции спор: нужен или не нужен ликбез для сотрудников, собирающихся писать на темы, связанные с соревнованием? Именно спор, потому что далеко не все считали необходимым иметь экономические знания, положим, для очерка

"о

каком-нибудь передовике". Решили: да, следует пригласить в Голубой зал крупных экономистов, чтобы они растолковали нам, что такое "план", "вал", "качество", "себестоимость" (мы все учились понемногу...), "материальное снабжение", "кооперированные поставки", "нормо-часы" и прочее, и прочее, в том числе и самое главное: зачем нужно соревнование при плановом хозяйствовании? Качество журналистской продукции находится в прямой зависимости от уровня наших знаний - утверждение, ставшее банальным, но еще, к сожалению, не овладевшее сознанием всех.

В-четвертых, чтение других газет и журналов - я уж не говорю о чтении вообще, необходимом журналисту как воздух. Без чтения мы становимся похожими на иностранцев, вынужденных молчать из-за незнания языка.

Каждая ежедневная планерка в "Комсомольской правде" включает в себя обязательное сравнение только что вышедшего номера газеты с номерами других центральных газет: где "мы их", где "они нас", что поправимо, а что упущено. Довольно часто газеты, используя прекрасные факты, "портят тему" бездарным исполнением, неточностью концепции, выбором не того жанра, неудачным поворотом, бездоказательностью, фактологической ошибкой, допущенной в тексте, и т. д. А можно ли доосмыслить факт, "дожать" тему, довести ее до ума. найти иной, мы часто говорим, "наш" поворот? Воспользоваться ли уже известным фактом или поискать новый? Все это и становится предметом обсуждения на планерках и редакционных летучках.

В-пятых, "жернова" - постоянно действующий (к сожалению, не с той периодичностью, с какой хотелось бы) творческий семинар молодых журналистов "Комсомольской правды". Ведут его по очереди опытные газетчики, но дело даже не столько в квалификации "ведущих", сколько в искреннем интересе "ведомых", которые получают редкую возможность выговориться, то есть реализовать одну из продуктивнейших форм самообразования.

На "жерновах" кроме некоторых теоретических вопросов разбираются главным образом газетная практика. Берется конкретное редакционное задание, полученное или уже выполненное сотрудником, и проигрывается от начала до конца весь путь рождения замысла и его воплощения. каждый участник семинара имеет право выступить со своим толкованием факта, со своей концепцией,

с

предложением той или иной тактики сбора материала, жанра, поворота темы и т.

д. Мы "перемалываем" факты, а иногда и косточки участников семинара. если

учесть, что "жернова" снабжены живой атрибутикой, например песочными часами,

в которых берется слово с неременным условием уложиться в один или два

"песка", если учесть, что позволительно "молоть любую ахинею" и смеяться

столько же, сколько быть серьезным. надо признать, что эффективность

семинара выше всяких предположений.

В-шестых, читательские письма - основной поставщик фактов, хотя лично я

к этому каналу отношусь весьма сдержанно, исходя из того, что преувеличивать

значение письма в газете так же опрометчиво, как и преуменьшать.

Не буду трогать классификацию писем по А. И.

Верховской²⁵:

письма-оценки, письма-жалобы, письма-информация и прочие, коснусь только

тех, которые содержат факт. Кстати сказать, писем-идей и писем-тем,

справедливо не упомянутых в классификации А. И. Верховской, чрезвычайно

мало, в газетной практике они буквально на вес золота.

Итак, письма-факты. Вариантов - множество. Одно письмо может отражать

целое явление, но бывает и так, что годовой поток писем с примерно

одинаковыми фактами не дает никаких оснований для газетного выступления.

Однако не в этом дело. Главное, что оценка фактов, содержащихся в письмах,

принадлежит не какому-нибудь "дяде", а нам, журналистам. Именно мы обязаны

"увидеть" нечто за фактом, "разглядеть", "угадать",

"предположить",

"почувствовать" - и все это совершенно невозможно без знаний, без

информированности, без социального опыта. Таким образом, мы возвращаемся "на

круги своя" - к разговору об уровне нашего профессионализма.

Желая в какой-то степени компенсировать недостатки в этом уровне,

редакция придумала "час письма" - форму коллективного обсуждения фактов.

Совещание, условно ограниченное часом, проводится один раз в две-три недели

под председательством заместителя главного редактора и с привлечением всех

"свободных мозгов" редакции. Цель - вынести на коллективное обсуждение

наиболее интересные письма, то есть содержащие интересные факты, с тем чтобы

нащупать тему, ее поворот, выработать концепцию, наметить тактику сбора

материала, определить жанр будущей публикации. Программа, как видите,

примерно соответствует программе "жерновов", но разница существенная: там - обучение, здесь - практическая потребность; там - без обязательных выводов, здесь - с обязательными решениями, принимаемыми председательствующим: положим, тема такая-то, в командировку выезжает такой-то, срок исполнения тогда-то. Это не мешает между тем добровольности посещения "часа письма", потому что ни одно исполнение не навязывается, всегда учитываются интересы конкретных сотрудников редакции, а сам ход обсуждения - достаточно профессиональный урок мастерства.

Итак, заинтересованный отдел выносит "свое" письмо на коллективное обсуждение. Кабинет заместителя главного редактора. На каждом стуле - по два человека. Читается письмо вслух, с выражением. Затем пауза. Затем первое робкое предложение по поводу темы и модели будущего очерка. Тут же "протест", и - новое мнение, высказанное чуть громче. Цепная реакция, заканчивающаяся мощной "мозговой атакой" и всеобщим удовлетворением. Организационный вывод. И - следующее письмо. "Тише, товарищи! - говорит заместитель главного. - У нас осталось всего полчаса!"

В итоге: факт осмыслен, замысел рожден, тема нащупана, концепция есть.

Как все это осуществляется практически, покажу на импровизированном "часе письма", сделав попытку продемонстрировать процесс создания концепции.

СОЗДАНИЕ КОНЦЕПЦИИ

От "холодно" к "горячо". В письме, пришедшем в редакцию, содержался следующий факт: на крупном сибирском заводе уличен во взяточничестве секретарь комитета комсомола. Взятки он брал, участвуя как представитель общественности при распределении квартир. Все. Фамилия есть, адрес, название завода.

Какова тема? С какой суммой мыслей может отправиться в командировку журналист, сотрудник молодежной газеты? Попробую предложить несколько вариантов:

"Брать взятки плохо" - мысль достойная, правильная, но очень уж тривиальная. Столько писано-переписано на эту тему, что стоит ли прибавлять еще один материал, увеличивая количество, а не качество опубликованного? "Почему человек стал взяточником?" - это уже интересней, хотя бы

потому, что мы не просто ограничимся констатацией факта, а сделаем попытку искать причины. Действительно, случайно или не случайно событие? Быть может, секретарь запутался? В чем же запутался, почему? Или какие-то люди его запутали – жена с непомерными требованиями или друзья в кавычках? Или обстоятельства? Но какие? А может, перед глазами молодого человека был чей-то "привлекательный" пример, оставшийся безнаказанным?

В принципе во всем этом можно разобраться. Но не забудем: речь идет о молодом человеке – раз, и речь идет о молодежной газете – два. Не обезличивается ли "наша" молодежная специфика, не теряется ли "наш" молодежный поворот? Если ставим вопрос о причинах взяточничества "вообще", с одинаковым успехом можно брать в "герои" и врача, обремененного семьей, и старого инженера, и торгового работника, и сотрудника жилотдела исполкома – а здесь комсомольский вожак, почти юноша?

Хорошо, подумаем, в этом направлении. Стало быть, молодой человек. Вероятно, лишенный жизненного опыта. И уже взяточник! Кто его "научил"?

Когда успел "научиться"? Не заразился ли он преступным желанием, как заражаются инфекцией, от тех людей, которые больны взяточничеством? Многие болезни нынче "помолодели", вот и коррупция тоже? А что, это достойно внимания! Тем более что заболеванию оказался подвержен не просто молодой человек, а комсомольский вожак.

Пожалуй, мы приближаемся к "нашему" повороту, но чего-то еще недостает, что-то еще не "дожато" – чувствуете? От "холодно" мы ушли, но должно быть "горячо".

В самом деле, размышляем дальше, откуда преступный соблазн именно у комсомольского руководителя? За какие такие льготы он мог бы брать взятки, если занят сбором членских взносов, организацией самодеятельности, воскресников и т. д.? Абсурд. Сама комсомольская работа бескорыстна по своей сути.

Но вернемся к письму: наш "герой" брал взятки при распределении квартир. Следовательно, у него был "голос" достаточно весомый, если он рисковал брать деньги, а затем выполнять свои преступные обязательства. Иными словами, наш секретарь обладал достаточным авторитетом? И в традиционном "треугольнике", обычно обсуждающем квартирные дела и состоящем

из представителя парткома, представителя месткома и представителя администрации, занял равноправную "четвертую сторону", будучи представителем комсомола? Если это так, рискнем предположить: на данном заводе роль и влияние комсомола выросли до такой степени, что секретарь "мог" брать взятки при распределении квартир и гарантировать исполнение своих оплаченных обязательств!

Это уже совсем "горячо". Последнее мыслительное усилие, и концепция готова. Она прозвучит так: "В условиях, когда комсомол наращивает свое влияние в обществе и приобретает все больший удельный вес, надо быть трижды внимательнее к подбору комсомольских кадров".

По-моему, отлично. Во-первых, несмотря на резко отрицательный факт, мы заметили за ним позитивное явление: повышающийся авторитет комсомола. Во-вторых, обнаружили "болезнь роста": возможность злоупотребления возросшим авторитетом и влиянием. В третьих, подсказали способ лечения: тщательный подбор кадров; подсказали бы больше, да больше пока сами не знаем. И наконец, в четвертых, создав концепцию, получили возможность целенаправленного сбора материала, долженствующего подтвердить нашу главную мысль.

Концепция поможет быть "зрячим" в командировке. Собирая "под" нее материал, журналист должен ответить на вопросы, которые прежде, при ознакомлении с письмом, ему и в голову не приходили. Например, действительно ли авторитетен комсомол на данном заводе? Чем именно? Какими делами он приобрел влияние на общественную жизнь коллектива? Является ли производным авторитет секретаря от авторитета заводского комсомола? Каким образом прошел в секретари "герой"? Какие изъяны в методике подбора комсомольских кадров сегодня болезненно мстят за то, что вчера их "не замечали"? Секретарь-взяточник - формальный вожак молодежи или действительно лидер? Они совпадают в одном лице? И т. д.

Значит ли это, что наша концепция непорочна и устоит при любых ветрах, как пирамида Хеопса? Нет, конечно. В принципе, думаю, как тема она устоит: комсомол в самом деле набирает авторитет, зарабатывая равенство и в решении бытовых проблем. Но в данном случае концепция способна и лопнуть. Вариантов

ее гибели можно назвать не меньше, чем вариантов устойчивости. Например, если вдруг выяснится, что "герой" не такой уж авторитетный человек, как предполагали, и комсомол на заводе вовсе не знаменит делами и влиянием, а была элементарная взятка по чьему-то наущению, и секретарь по слабости своей исполнял роль передаточной инстанции. Все возможно! Как быть тогда? Есть три выхода из положения. Первый: отказ от факта во имя сохранения темы. Это значит, надо набраться терпения и подождать (или поискать) другой фактический материал, подходящий к нашей концепции. Второй: переход на другую тему и концепцию с использованием данного факта. Перестраиваться следует на месте, и это плохо, но мы сами виноваты, потому что обязаны были, размышляя над фактом, предусмотреть несколько вариантов тем и концепций. Третий: остаться с выработанной концепцией. Хотя фактический материал "не лезет" в ее рамки. В этом случае, столкнувшись с "мешающими деталями", не избегать их, а так и писать: я, мол, думал, что комсомол на заводе вырос, приобрел влияние и случившееся - издержка роста, и тогда перед нами встала бы проблема подбора кадров. Однако фактическая ситуация оказалась иной, но это не должно помешать нам сделать выводы, к которым мы подготовились, продумывая нашу концепцию.

Подведем итог. У нашей концепции, конечно, могут найтись оппоненты, но я не готов спорить с ними, потому что ставил перед собой совсем иную задачу: продемонстрировать ход мыслей журналиста, размышляющего над фактом, показать трансформацию факта в тему и механизм создания концепции. При этом, чтобы не затягивать разговор, ограничился собственной интуицией, которая может оказаться либо ошибочной, либо недостаточной для решения вопроса по сути. В действительности, если бы мне пришлось заниматься этим делом, я бы прежде всего посоветовался со знающими людьми, посмотрел бы выводы социологов Горьковского политехнического института, которые исследовали в свое время проблему формального и неформального лидерства, нашел бы специальную литературу, как-то трактующую вопрос о комсомольском авторитете и влиянии на общественную жизнь страны. короче говоря, набрался бы знаний, а затем либо

отказался от концепции, либо упрочил ее настолько, что был бы готов ввязаться в спор с оппонентами. Однако разговор касается методологии журналистской работы, и потому не будем отвлекаться.

Варианты. "Прошу вас разобрать мое заявление по существу закона, - написал в редакцию старший лейтенант милиции М-дов, житель одного из городов средней полосы. - Мною выявлены грубые нарушения учебного заведения района, которые не соответствуют правилам воспитания подростков, в частности..." И далее М-дов сообщает правилам воспитания подростков, в частности..." И далее М-дов сообщает, что директора нескольких школ города перевели в вечерние школы несовершеннолетних детей, что, естественно, незаконно. Кроме того, в письме сообщается, что в районе совершенно бездействует "базарком", то есть базарная комиссия, из-за чего происходят нарушения правил торговли, совершаются хищения на стекольном заводе и ведется слабая воспитательная работа с молодежью.

Затем автор в нескольких словах рассказывает о себе: "Работаю участковым уполномоченным, являюсь отличником милиции, награжден двумя почетными грамотами, радиоприемником "Нева", фотоаппаратом ФЭД-3 и два раза денежной премией, никаких взысканий не имею за все 24 года и 3 месяца службы в МВД СССР". И наконец, квинтэссенция письма: "Обо всех нарушениях я докладывал руководству, но тов. П-ров вызвал меня к себе и вместо того, чтобы принять меры и реагировать, стал угрожать: "Кто вы такой, зачем вмешиваетесь?!" На основании изложенного тов. П-ров шантажирует меня и хочет избавиться. А на моем участке проживает 18 тыс. населения, работает более 50 тыс. рабочих, имеются школы, профтехучилища, больницы, фабрики и заводы".

Таково письмо, прямо скажу, безрадостное. Оно в наших руках, надо "реагировать". Так что же, в путь? Да, в путь по вариантам концепций и поворотов тем.

Вариант первый. Может возникнуть замысел написать о педагогической беспомощности учителей, в результате которой они вынуждены переводить несовершеннолетних учеников в вечерние школы, не умея с ними справиться и сознательно идя на обман с их трудоустройством (работа - непременное условие учебы в "вечерке").

Если из письма М-дова выделить именно эту тему, то необходимо получить ответы на следующие вопросы:

Почему беспомощны педагоги? Это результат их конкретной профессиональной непригодности? Или особенной запущенности детей? Или следствие "процентомании", пока еще торжествующей в наших школах? Или причина в слабости педагогической науки вообще? Какой тип педагога способен сознательно идти на нарушения положения о трудоустройстве несовершеннолетних, не считаясь с нравственными издержками явления, отражающимися и на детях, и на взрослых? Впрочем, может быть, само избавление школы от трудновоспитуемых подростков справедливо, только делать это надо без обмана, на законных основаниях и т. д.

Возможен такой подход к письму М-дова? Да. Но есть несколько "против", в которых следует разобраться.

Во-первых, автор письма оказывается как бы за пределами проблемы, он не нужен журналисту, не интересен ему и "вылетает" из будущего материала. Стало быть, М-дов превращается в человека, давшего адрес, - и это не вполне этично по отношению к человеку, который просит от газеты защиты.

Во-вторых, тема, связанная с педагогической беспомощностью подобных учителей, не нова. Следовательно, надо основательно подумать, актуальна ли она именно сегодня. И наконец, стоит ли за нее браться, опираясь на факты

сообщенные М-довым? То есть адрес-то есть, а писать нужно ли? Не рано?

Обращаю внимание на то, что сама прикидка возможности газетного выступления уже есть процесс выработки концепции, ее "нулевой цикл", ее первый этап.

Итак, не рано ли писать? Сам факт перевода детей в вечерние школы, возможно, и результат профессиональной беспомощности педагогов. Но у этой беспомощности могут быть объективные причины. Например, массовость в подготовке учителей отражается на их педагогическом уровне, что иногда усугубляется недостаточно квалифицированным преподаванием в вузе. Кроме того, в школах пока еще нет четкой программы воспитания, недостаточно внедряются в практику идеи Сухомлинского, Шаталова, Иванова и других педагогов.

Короче говоря, не угробим ли мы тему, взяв ее не с того конца - не с

причины, а со следствия? А если уж браться, то надо обнажать всю проблему, главные "хранители" которой не две или три провинциальные школы, а Академия педагогических наук, Министерство просвещения и соответствующие научно-исследовательские институты. Факт, сообщенный в письме, - всего лишь иллюстрация, и пока довольно туманная, не характерная, излишне "периферийная". Возможно, факт надо сохранить на всякий случай, проверив его с помощью элементарного телефонного звонка или "попутно", но специально ехать в командировку только во имя проверки нет смысла, тем более что мы теряем на этом "повороте темы" автора письма М-дова.

Вывод: даем отставку первому варианту как основному.

Вариант второй. Ход мыслей таков: "простой" участковый милиционер, а из-за чего конфликт с руководством? Из-за того, что он вмешивается в дела школьников и педагогов, в дела "базаркома", в работу с молодежью, наконец, в кражи на стекольном заводе, к которым, будучи участковым, а не следователем, не имеет прямого отношения. Иными словами, занимается явно "не своим делом", берет на себя обязанности "не по должности". Что им движет в таком случае? Характер? Непримируемость ко всему неправильному и незаконному? Почему и как образовался подобный тип человека? Допустим, что профессия милиционера за двадцать четыре года могла бы притупить у М-дова болезненное восприятие несправедливости примерно так же, как может притупляться у врачей чувство сострадания к больным и родственникам больного. но нет, конфликт М-дова с руководством свидетельствует о том, что он "закалялся" в процессе работы, не утратил непосредственности, сохранил даже какое-то наивно-пылкое отношение к окружающей его действительности. Феномен? Или есть логика, есть закономерность в становлении подобных человеческих характеров?

Это интересно. "Характер и профессия", "по должности или по сути"

- беря такой поворот темы, можно уделить основное внимание автору письма, его психологии, биографии, исследованию его характера, мотивов его поступков, как, впрочем, и психологии и мотивов его противников. Тогда придется по винтику разбирать механизм рождения равнодушного человека и поискать истоки явления. Стало быть, надо будет заранее порыться в специальной

литературе и даже в художественной, чтобы вникнуть в мотивы и психологию человека-борца...

Вывод: тема достойная, можно взять ее на вооружение.

Вариант третий. Как относятся к автору нашего письма те самые "18 тысяч населения", что проживают на его участке? Как воспринимают люди борьбу М-дова за справедливость и порядок, если учесть, что кое-кому эта борьба приносит или может принести неприятности, даже горе, переживание за себя и близких, перспективу пострадать из-за активной деятельности участкового? И между тем по законам высшей справедливости они, возможно, полагают М-дова правым и справедливым? Он "свой" для них или "чужой"?

Чрезвычайно любопытный поворот! Взять бы и обойти десятка полтора семей, уже "пострадавших" из-за М-дова, и столько же получивших "выигрыш" в результате его вмешательства, посмотреть, поддерживают люди своего участкового или протестуют против него? Если поддерживают, значит, у автора письма есть надежная опора, по крайней мере в борьбе с бездейственным руководством. Но если не поддерживают, если нет опоры, попытаться понять, почему в таком случае руководители вот уже двадцать четыре года терпят человека, настырно работающего на самом острие справедливости.

Вывод: и этот поворот можно взять на вооружение.

И пожалуй, достаточно. хотя далеко не исчерпаны все варианты, каждый из которых не доведен к тому же до полной кондиции. Но для нас важен ход размышлений, процесс создания концепции, важна методология работы.

Добавлю к сказанному еще два "узелка на память". Даже беря за основу "проблему", положим, хозяйственную, педагогическую или производственную, мне кажется, журналисты обязаны поворачивать ее к читателю этической стороной, раскрывать через людей и их отношения. потому что пишут не инструкции, а очерки.

Это значит, что, остановившись на первом варианте, то есть на беспомощности педагогов, невозможно обойтись без живых людей - без школьников, их родителей. педагогов, методистов, директоров организаций, куда формально зачислялись "на работу" подростки, и т. д. Так, спрашивается, почему мы решили, что автор письма окажется за пределами проблемы и будущего очерка? Другой вопрос, как удастся органически сочетать личность этого

человека и столь далекую от него проблему, как придать повествованию нравственный поворот, каким образом убедительно показать, что простой милиционер оказался сознательнее иных педагогов, не способных оценить безнравственность незаконных переводов детей из школы? Но это, как говорится, уже из другой оперы.

И еще один "узелок на память". Вряд ли можно рассчитывать на то, что будущий материал "на равных" вместит в себя все придуманные варианты: и тему педагогической беспомощности учителей, и поворот со "своим" или "чужим", и "профессию и характер", и прочее, до чего при желании можно было еще додуматься. Потому что любой очерковый материал, мне кажется, может держаться в газете только на одном стержне, на одном шампуре, на одной главной теме, другие должны всего лишь ее поддерживать, но не более. Присутствуя в очерке, они, возможно, украсят его, даже составят его богатство, но, как в дорогом колье, в очерке тоже нельзя перебарщивать с бриллиантами высокого достоинства. Пусть главный обрамляется маленькими, скромно расположившимися вокруг, и никто не обвинит автора в отсутствии вкуса.

А зачем, логичен вопрос, было выдумывать столько вариантов? Во-первых, они давали направления поиска, с тем чтобы, выбрав главное, именно на нем развить атаку. Во-вторых, обилие вариантов в принципе делает факт бесприотрадным: не "эта" тема, так "другая", к которой журналист психологически готов заранее, имея соответствующую сумму мыслей.

Собственно, в чем заключен истинный профессионализм журналиста? В умении, полагаю, не возвращаться из командировки пустым.

Удар в колокол. "Дорогая редакция! Пишу вам письмо и убедительно прошу помочь в решении вопроса, суть которого излагаю ниже. На территории нашего сельсовета проживает инвалид I группы по зрению Г-ский Александр Ефимович, который является инвалидом с детства. У него имеется четверо детей, четыре дочери, все они комсомолки. Возможно, неплохие производственники, внешне красавицы. Все они получили дома восьмилетнее образование, а Нина учится в техникуме. Воспитывал их отец, хотя и инвалид, а мать их скончалась в феврале 1973 г. Дочери приезжали на похороны матери, мать похоронили и

разъехали по своим местам, оставив отца одного. А он не может по состоянию своего здоровья приготовить себе пищу, ведь проживает один. Мне приходилось навещать часто его, так как дом ветхий. печное отопление не в порядке, представляло огнеопасное состояние, дом требовал капитального ремонта. Несколько раз Г-ского помещали в местную больницу с одной целью накормить его, помыть и обогреть.

Писал я письма дочерям Г-ского, чтобы они выехали и решили вопрос, где и с кем будет проживать отец. Дочь Анна прислала ответ, я его вам высылаю, но остальные пока даже не ответили. Конечно с Г-ским А. Е. жить трудно, так как за свои 67 лет он очень расшатал нервную систему. ведь слепой. Сельсовет пытался направить его в дом для престарелых, но райсобес отказал, поскольку у него есть дети. Как быть и что делать, ума не приложу. Высылаю вам адреса дочерей. Председатель сельсовета Ю. П. С-хин".

Письмо отпечатано на машинке, а подпись председателя скреплена печатью.

В этом же конверте:

"Юрий Петрович, здравствуйте! Ваш вызов я получила и была у следователя. Здесь я живу в общежитии, получаю только 60 рублей и забрать отца к себе у меня нет никакой возможности. Хотя бы была у меня комната, то забрала бы, а сейчас что я могу сделать? Возвращаться в разрушенный дом я не могу и не буду. Моя жизнь и работа здесь. Высчитывайте с меня алименты, так и следователь посоветовал. Вот и все, что я могу сделать. Анна".

На обороте письма Анны приписка и тоже с печатью: "Отпуск без содержания дать не могу в связи с производственной необходимостью (эпидемия гриппа). Заведующая яслями-садом" (подпись неразборчивая).

Такой вот печальный факт. Ход моих размышлений.

Нет, не берусь заранее определять вину детей в этой наисложнейшей жизненной ситуации. Не буду выносить приговор "за глаза", пока не разберусь в условиях. в которых дочери оказались, не выясню подробностей, не установлю степени их близости с отцом. Не судья я четверем женщинам на таком расстоянии и потому, еще не взяв билет на поезд, не стану настраивать себя ни "за" них, ни "против". Предположения хороши для исследования, а не для приговора.

Но вместе с тем хорошо известно, что для современного буржуазного общества в принципе характерно "похолодание" между людьми, даже близкими.

Его реальность для всех очевидна, а главной причиной все чаще называют издержки научно-технической революции. Обращаясь к современникам и выражая беспокойство за их судьбу, можно сказать: "Вы - живые и мыслящие существа... Неумолимое развитие машин превращает вас в автоматы, вы уже почти сделались автоматами!" Многие ученые мира считают, что в результате урбанизации, "индустриального галопа", все увеличивающегося потока информации люди стали испытывать колоссальные нервные перегрузки и им все труднее сдерживать стрессовые проявления. Что еще более усугубляется изоляцией людей друг от друга, потому что социальные контакты стали заменяться автоматами. Что количество контактов, возможно, и увеличивается, но люди стали "безразлично и неразборчиво терпимы" к их качеству. Что научно-технический прогресс ведет к очень быстрым изменениям вкусов, привычек моды, стиля жизни, за которыми далеко не все одинаково поспевают, - отсюда и трещины между родителями и детьми, между прошлым и настоящим, настоящим и будущим. Что у многих людей гипертрофически обострены эгоизм, тщеславие, меркантилизм, зависть, большое самолюбие, цинизм. Что грядет "эра потребления" или, как выразился один социолог, "шмуточный период развития человечества", при котором есть угроза, что духовные отношения между людьми могут замениться отношениями "вещными", по принципу "использовал - выбросил". Что молодежь, эта "ахиллесова пята" капиталистического общества, страдает особенно сильно и начинает жить "одним днем" и т. д.

А что в итоге "всеобщего похолодания"? Упадок нравственности и морали - таков глобальный и весьма пессимистический вывод буржуазных ученых, разумеется, он не годится для всех людей, поскольку они живут в разных социальных системах. Научно-техническая революция в условиях капитализма усиливает, обостряет, осложняет уже имеющиеся противоречия, и потому ее последствия выглядят столь трагично и безысходно. В нашем обществе антагонистических противоречий нет, и в этом смысле издержки НТР "усилить" и "обострить" ничего не могут, и тем не менее они действуют! Я бы сказал, сами по себе, в чистом виде, но действуют, хотя механизм их действия, разумеется,

решительно отличается от буржуазного и уровень причиняемого морального ущерба много ниже... У Е. Богата есть печально-веселый рассказ о том, как однажды он явился к своим лучшим друзьям просто так - посидеть и попить чаю! - и насмерть их перепугал, до такой степени они отвыкли от "простых" посещений да еще не предупрежденных телефонным звонком. По данным социологов Тартуского университета, только в одной семье из каждых десяти родители и дети проводят вместе свободное время: ходят в кино, в театры, на прогулки, в музеи, на стадионы. Лишь двадцать пять юношей из ста опрошенных называют свои отношения с отцами "удовлетворительными", то есть основанными на тепле, сердечности и взаимопонимании, и только сорок юношей полагают отношения с матерями "благоприятными". Даже самым близким родственникам мы звоним, бывает, по телефону "раз в год по обещанию", да и то когда нам что-то от них нужно.

Что делать? Ни мы, ни все человечество уже не имеет возможности во имя покоя "отменить" научно-техническую революцию, а в нашей действительности "отменять" ее просто неразумно, ибо НТР для социалистического общества - несомненное благо. Но и бездействовать тоже нельзя! Мы не имеем права затыкать уши и не слышать отзвуков явления. Именно в преимуществах нашего строя и нашего общества нужно искать и находить реальные силы, способные сгладить, нейтрализовать, уменьшить издержки, сопутствующие НТР! А в первую очередь надо забить в колокола, привлечь внимание общества к печальному по своим последствиям явлению.

В таком случае, размышляем дальше, не является ли факт, содержащийся в письме секретаря сельсовета, достаточным поводом для очередного удара в колокол? Безусловно, является! Если процесс "похолодания" остро протекает в городской семье, то в деревенской - тем более, потому что она консервативнее, патриархальнее, с сохранением "вы" к родителям, с умением сострадать чужому горю; и тем ей больнее, чем гипертрофированнее проявления издержек научно-технической революции.

Стало быть, непременно следует рассказать читателю историю данной семьи, пораженной "холодом". Самое страшное и горькое, вызывающее

недоумение, заключается в том, что каждый член семьи может оказаться по-своему прав. У каждого будут, по-видимому, свои оправдания то ли социального характера, то ли психологического. Это будет относительно надежная броня, защищающая равнодушие и потребительство действующих лиц печальной истории. Но от чего и от кого "защищаться" им? Друг от друга? Или от мнения окружающих их людей, которое, увы, может либо отсутствовать, либо неярко выразиться, либо оказаться несправедливым?

А как быть с рецептом, с позитивной программой? Что предложить конкретной семье и ее окружению взамен "похолодания"? Как утеплить отношения между людьми, каким образом найти мир, устраивающий и четырех детей, и слепого отца? Призывами? Угрозами? Убедительно нарисованной перспективой нравственного распада личности? Пожалуй. Можно взять социально-психологический аспект явления, не пожалеть художественных средств и красочно, зримо выявить нравственные потери сестер, отказавшихся от отца, а завтра - друг от друга. Но будет ли этого достаточно? Справедливо ли оставлять в стороне общество?

Надо еще посоветоваться с опытными, знающими людьми. Почему бы, например, не начать в газете серьезный разговор о введении дополнительных льгот работающим женщинам, тем более имеющим детей? Почему бы не развивать дальше внутрисемейную демократию? Почему бы особым законодательным актом не ввести так называемый родственный иммунитет, то есть разрешение родственникам не свидетельствовать против родственников в суде?

С такими мыслями, с такой концепцией я, пожалуй, согласился бы поехать в командировку по письму. Добавлю к сказанному "узелки на память". "Узелок" первый. Что дает нам созданная концепция (я имею в виду чисто практически)? Она помогает журналисту очертить круг лиц, с которыми он должен иметь дело в командировке. Дает возможность поставить перед ними заранее обдуманые вопросы, что решительно облегчит получение правильных ответов, среди которых журналист сможет выбрать типичные, вполне соответствующие его мыслям. Наконец, поможет очеркисту предложить позитивную программу, пригодную для решения не только конкретной ситуации, но и ситуаций аналогичных, то есть программу преодоления наметившейся тенденции к

"похолоданию".

Можно было бы продолжить перечисление "выгод", но не хочу сам себе перебегать дорогу, поскольку основательный разговор о практической ценности выработки концепций у нас впереди.

"Узелок второй. Откуда, спрашивается, берутся у журналиста мысли, что складываются в концепцию? Приходят по наитию? От большого ума? Полноте!

Во-первых, они вполне рядовые и обычные для любого информированного газетчика. Более того, обязательные для него. Во-вторых, набраться их вовсе не трудно. Надо читать, говорить с умными людьми, регулярно просматривать газеты, внимательно слушать коллег, кое-когда почитать специальную литературу.

Наконец, нужно найти какой-то способ фиксировать полученные сведения и систематизировать их. Единый рецепт в данном случае предложить трудно. Все очень индивидуально.

Мне известен журналист, который ведет тематическую картотеку и постоянно заносит в нее все, что рано или поздно может пригодиться в работе.

Несколько лет назад и я завел дневник, куда даже ночью не ленюсь записывать мысли и сведения, меня поразившие. Подобного рода фиксация нужна не для того, чтобы была шпаргалка "на черный день", а для того, чтобы отложить в голове знания хотя бы с помощью разового фиксирования. Приложить потом эти знания к конкретному редакционному заданию, право же, дело техники.

"Разрешите любить!" Последний пример выработки концепции:

"Редакция, разрешите любить! Или нет, лучше - верните любовь!

Ту любовь, о которой вы так хорошо пишете! Простите, я хочу сказать, что о любви писать вообще невозможно. Я буду писать о чувствах. Но вам нужны факты, что ж, факты есть.

Мне семнадцать лет, я ученик десятого класса. Далее: поступал на подготовительные курсы. Бросил. Занимался спортом - бросил. Увлёкся электроникой - бросил. Увлекался музыкой - бросил. Писал стихи - бросил. Любил - люблю!

Кто может запретить мне любить? Кто? Зачем они это делают, зачем срываются в душу, пытаются вырвать самое дорогое?!

Все началось с того, что я стал плохо заниматься, но как им объяснить, что я не могу больше, не могу! Довольно, сколько можно жить по маминой указке! Они никак не хотят понять, что мне не пять и не пятнадцать лет. Они

не принимают тех изменений, которые произошли во мне. В последнее время я чувствую, у меня появился какой-то цинизм мыслей, я стал более раздражителен и невыдержан, но ведь это же не основание говорить мне: мы хотим спасти в тебе человека, тебе надо поступать в институт, получать диплом и "право на жизнь", устроиться в хорошем городе инженером, а не гнуть спину рабочим, а ты еще о чем-то думаешь, о "какой-то" любви!

Меня это страшно взбесило, и я бросил учебу. А они злятся и смеются над моим чувством, постоянно оскорбляют ее и меня.

Что мне делать? Что?!

Ударить отца? Так я убью его. Как я их презираю! Я несколько раз убегал из дома, за что получил сенсационную известность. Меня ловили и возвращали назад. Во всем районе меня называют "шалльной турист".

Вы, конечно, скажете, что я делаю "не то": через каких-то шесть месяцев кончил бы школу, и тогда "свободен". Согласен. Но почему же за меня должна страдать она, ведь не могу же я ее не любить. Как смотреть ей в глаза после того, как встают на родительском собрании и при всех оскорбляют девушку, да так, как могут одни только взрослые! Зачем после всего этого я должен быть с ней рядом, в одном классе, за соседней партой?

Вы не поверите, но я был почти на всех предприятиях района: в карьере, на рудообогатительной фабрике, в туннельных проходках, но нигде меня не берут, ну, конечно, хотят "спасти человека"! Тут уж действует самый главный председатель райисполкома, он даже грозил мне, что если бы мои родители не были учителями, он нашел бы на меня управу.

Где же выход? Мне пришлось сказать ей: "Не люби, не надо, так будет лучше!" - "Ты трус! Ты боишься!" - выкрикнула она.

Редакция, верните любовь! Напечатайте это письмо. Пусть знает она, пусть знают все: я люблю ее, слышите, я люблю!!!"

Письмо анонимное: обратного адреса нет, подписано "Сергей Т.". Но найти автора в принципе несложно, так как анонимность прозрачная: город известен по штемпелю на конверте, юноша учится в десятом классе, родители - педагоги, в дело вмешивался председатель райисполкома, прозвище парня - "шалльной турист" - этого сверхдостаточно, чтобы расшифровать таинственное "Сергей Т.". Но стоит ли искать юношу, если он этого не хочет? - и такие вопросы приходится решать журналистам.

Отложим пока этот вопрос до выработки концепции. Какие же мысли навеивает прочитанное нами письмо?

Во-первых, мы сталкиваемся с вечной темой – темой любви, которой, как известно, все возрасты покорны, с одной стороны, а с другой – далеко не все возрасты одинаково относятся к тезису о покорности. Сколько писано об этом, сколько снято фильмов, сколько поставлено пьес! Школьник любит школьницу, родители против, вмешиваются педагоги – начало бродячего сюжета, одновременно старого и молодого, но неизменно трогającego читателя. На моей памяти, к примеру. двадцатилетней давности материал А. Каплера "Сапогом в душу", напечатанный в "Литературной газете" и наделавший много шума. Быть может, повторить? Время идет, появился новый читатель, ему неведомы прежние публикации, тем более повторять никогда не вредно.

Однако, и это уже будет "во-вторых", с течением времени меняется не только читатель, но и содержание проблемы. "Раньше голубей было больше, а гадили меньше!" – даже в этом суждении пожилой дамы я улавливаю некую общую справедливость "постановки вопроса".

Иное содержание любви – с чем оно связано? Полагаю, кроме прочего, с архисовременным явлением, называемым акселерацией. Откуда она взялась и надолго ли, никто толком не знает. Но факт остается фактом: происходит обгон интеллектуального роста физическим. Современные юноши и девушки, сохраняя "прежний" интеллект, по крайней мере по глубине его, физически так развиваются, что даже страшно становится. Из-за резко увеличенного потока информации и ее доступности им известно сегодня то, что в прошлом веке не снилось даже старцам.

Но более всего беспокоит в подростках продиктованное акселерацией стремление считать себя взрослыми: брать взрослую ответственность (а на каком основании?); по-взрослому решать (но чем решать?); по-взрослому любить, но так и не преодолев инфантильности и "детскости" чувств, не говоря уже о "детскости" забот, связанных, положим, с учебой. Физически и физиологически они, возможно, к этому готовы, а интеллект, психика отстают, и вот тут-то и может поломаться человек – как важно это понимать нам, взрослым!

Профессиональные охотники знают: от медведя надо убегать вверх по склону горы, потому что большой вес не пустит животного в гору. Известны случаи, когда дети, беря физические нагрузки взрослых, погибали от инфарктов, не выдержав собственного веса: сердечко-то слабенькое! Вот так же и психика подростка не всегда выдерживает, интеллект не всегда готов, и чувства, не задубленные опытом, часто "пропускают". Уверен: бедного Сергея Т. родители уже не раз показывали психиатру, а не успели – скоро покажут.

Если все так и это неизбежно, то как воздух необходима повышенная чуткость взрослых к детям, а она в силу "похолодания" как назло пониженная.

Вот в чем, по-моему, самое страшное противоречие.

Если все так, необходимо предельно бережное отношение к первым чувствам молодого человека, а оно, наоборот, предельно грубое, нетерпимое, без учета акселерации, о которой мы почти ничего не знаем; и хотя наша опека подростка вроде бы продиктована заботой о нем, основана по существу на равнодушии к ребенку.

Если все так, вдвойне необходимо умное, тонкое, грамотное воспитание детей, а оно, к сожалению, нередко безграмотное, примитивное, даже в таких семьях, где родители, как у Сергея Т., педагоги. Что же позволяют себе инженеры, бухгалтеры, слесари, трактористы, весьма далекие от педагогической науки?

Мы постоянно твердим подросткам, что они уже взрослые, что несут ответственность перед обществом. Мы делаем все, чтобы укоротить их детство, но, может быть, усугубляем тем самым действие издержек акселерации? Не лучше ли продлевать детство нашим детям, освободив их от ранней ответственности? Не лучше ли блокировать акселерацию вовсе не стремлением как можно раньше закрепить детей за профессиями, а созданием реальных условий для истинно детских забав, желаний, мыслей и чувств? Могу с уверенностью сказать, что Сергей Т., прожив на белом свете семнадцать лет и побывав за это время на всех предприятиях района, ни разу не лазил по веревочной лестнице, не играл в "Али-Бабу и сорок разбойников" или в "трех мушкетеров" и не испытывал потребности в нормальной дружбе с девчонкой из своего класса. Куда девалось это спокойное понятие "дружба", как и когда девальвировалось?

Вот примерно мысли, с которыми можно ехать в командировку по письму Сергея Т. Они полемичны? Способны вызвать читательские возражения? Вполне возможно. Не поленюсь в таком случае еще раз напомнить: мне важно продемонстрировать в данный момент не столько суть проблемы, сколько механизм формирования концепции, необходимость современного и относительно свежего подхода к любой теме, даже такой "вечной", как тема любви.

Теперь завяжем небольшой "узелок" на память. Дело в том, что изложенной концепции все же недостаточно, чтобы ехать в командировку и вплотную браться за сбор материала. Концепция должна быть обоснована в полной мере, а личного опыта и личных знаний журналиста обычно хватает для того, чтобы ее наметить. Следовательно, надо по уже намеченным маршрутам набираться фундаментальных знаний. Полезно, в частности, обращение к словарям, например к словарю "живого великорусского языка" В. И. Даля. Вот уж истинный клад для нас, журналистов! Словарь назван толковым потому, написал В. И. Даль, что он не только переводит одно слово другим, но и толкует, объясняет подробности значения слов и понятий, им подчиненных²⁶. Добавлю: и дает толчок для раздумий.

Попробую на примере письма Сергея Т. продемонстрировать полезность союза со словарем. Выпишем для начала несколько понятий, которыми мы пользовались, размышляя над письмом, в надежде на то, что Даль поможет нам проникнуть в их глубину.

Итак: "любовь", "похолодание", "акселерация", "ответственность" — достаточно? Признаюсь: рискую, потому что еще не знаю, что подарит нам Даль. Теперь — к словарю! "Любовь" — страсть, сердечная привязанность, склонность, вожделение — несколько толкований. А какое из них более всего подходит к нашему случаю? Кто может утверждать, что чувство семнадцатилетнего Сергея к однокласснице было "страстью" или "вожделением"? Быть может, всего лишь "склонностью" к ней, "сердечной привязанностью", что, по Далю, тоже "любовь"? И только стереотипное отношение взрослых к самому факту отношений юноши и девушки вызвало всеобщий ажиотаж и спровоцировало аффектацию Сергея? Подобный ход мыслей должен побудить нас к тактичному выяснению "качества"

Серезиной любви. А затем, возможно, мы получим основание сказать его родителям: "Уважаемые папа и мама, зачем вы понапрасну паникуете? Не трогайте сына! То, чего вы так боитесь, называется "привязанностью", которая либо пройдет, либо укрепитя, но для того и другого нужно время. Его хватит, чтобы Сергей закончил десятый класс и спокойно выбрал себе профессию. Но только не лезьте ему сапогом в душу!"

И еще у Даля: "Нет выше той любви, как за друга душу свою полагать"²⁷ -

новая краска для правильного толкования поступков Сергея.

"Похолодание" - среди прочего вдруг натываемся в словаре: остывание!

Выходит, если говорить о людях, они холодеют не только "со стороны", как от лютого ветра, но еще "изнутри" - остывають, растрчивая тепло. Что-то в них,

значит, было, да остыло! А что в таком случае было у родителей Сергея, когда

и как истратилось?

"Акселерация" - увь, у Даля нет такого понятия, оно слишком новое, да и слово иностранное однако в переводе "акселерация" означает "убыстрение".

Смотрим: "Убыстрить - дать чему-то более успешный ход". Успешный?! А мы невольнo относимся к акселерации только лишь как к несчастью.

Свежее

толкование Даля помогает найти в акселерации и нечто положительное, "успешное".

"Ответственность" - интересно, есть у Даля? Есть. Как производное от

слова "отвечать". Читаем: "Ответственность - долг дать в чем-то отчет". И

все. Кому отчет и в чем, неизвестно. Однако понятно, что Даль понимает

"ответственность" не как, положим, долг трудиться, а как долг дать отчет,

трудиться же вроде бы не обязательно. Ну что ж, посмотрим, в таком случае,

как толкуют понятие современные словари. Находим в "Энциклопедическом":

"Ответственность - государственная, гражданская, по обязательству,

солидарная..." - но опять без расшифровки, без упоминания социальной

ответственности и даже ответственности перед обществом. Выходит, отстал

словарь от жизни? Предположим. Как же нам теперь выпутываться из лабиринта?

Скажу так: прекрасно то, что мы в него попали, потому что немедленно

оказались в положении людей ищущих и думающих. Спасибо Дале.

Я попытался - надеюсь, не безуспешно - продемонстрировать полезность

(во всяком случае не вредность) углубления наших знаний с помощью словарей.

Всего лишь только словарей. Добавлю к сказанному, что обращение к опыту прошлого ничуть не мешает осовремениванию "вечных" понятий при условии, если сам журналист современен в истинном смысле этого слова, то есть находится в курсе самых последних теорий и представлений, живет заботами и проблемами сегодняшнего дня, не отрывается от действительности, не тонет в прошлом и не витает в безоблачном и слишком отдаленном будущем.

На этом готов считать наши размышления вокруг письма Сергея Т. законченными.

Теперь в путь?

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Мешающие детали. С мыслями в голове действительно не страшно отправляться в путь. Есть возможность заранее выработать тактику и стратегию сбора материала, вести поиск не разбросанно, а четко, целеустремленно, без суеты; обеспечить логику будущего повествования; наконец, попросту сэкономить время в командировке, действуя не по наитию, которое бывает обманчивым, а по плану, позволяющему тщательно и спокойно собрать "урожай" до последней крупинки. Короче говоря, выигрыш налицо.

А есть ли проигрыш? В свое время, говоря о создании концепции, я как бы разделил ее на две части, одну назвав "предварительной" и отведя ей место до сбора материала, а другую - "окончательной", подправленной жизнью. Зачем нужна первая? Чтобы планировать сбор материала. Зачем нужна вторая? Чтобы стать конкретной, объективной и правдивой моделью будущего произведения.

Так говорил я, уступая потенциальным противникам создания концепции до сбора материала. Но вот наконец пришло время задать вопрос: если обе концепции полностью совпадут, то есть материал, собранный журналистом, подтвердит "предварительную" настолько, что она превратится в "окончательную", будет ли это показателем высокого уровня журналистской работы? Да, будет: жизнь подтвердила то, что журналист предвидел, - в этом и заключается, наверное, истинное мастерство. Ну, а если "половинки" не совпадут? Если собранный материал "предварительную" не просто подправит, а полностью опровергнет "окончательной", подправленной жизнью. Зачем нужна

первая? Чтобы планировать сбор материала. Зачем нужна вторая? Чтобы статья конкретная, объективная и правдивая моделью будущего произведения.

Так говорил я, уступая потенциальным противникам создания концепции до сбора материала. Но вот наконец пришло время задать вопрос: если обе концепции полностью совпадут, то есть материал, собранный журналистом, подтвердит "предварительную" настолько, что она превратится в "окончательную", будет ли это показателем высокого уровня журналистской работы? Да, будет: жизнь подтвердила то, что журналист предвидел, - в этом и заключается, наверное, истинное мастерство. Ну, а если "половинки" не совпадут? Если собранный материал не просто подправит, а полностью опровергнет "предварительную" концепцию? Вероятно, это будет показателем низкого уровня журналистской работы. Вот почему я против деления на "предварительную" и "окончательную" концепции: даже из педагогических соображений не стоит закладывать в методiku журналистской работы возможность низкого уровня.

Однако это вовсе не значит, что концепция в принципе "неисправима". Собирая материал, газетчик может столкнуться с фактами, которые "не лезут" в его концепцию, мешают ей, портят ее стройность и отлаженность, нарушают ее внутреннюю логику. Отказаться от них, не принимать их во внимание и всеми силами охранять первозданность своей концепции - значит, мне кажется, проиграть, перечеркнуть все выигрыши, полученные от предварительных размышлений.

Нет, я не сторонник того, чтобы сдаваться в плен собственной концепции, превратив ее в нечто, сделанное из нержавеющей стали. Концепция - понятие резиновое. Она должна вмещать в себя любой материал, мешающий и не мешающий, должна вмещать в себя жизнь, становясь от этого только богаче, правдивее и убедительнее. "...Необходимо брать не отдельные факты, - писал В. И. Ленин, - а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения. ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом

преподносится "субъективная" стряпня для оправдания, может быть, грязного дела"28.

Так давайте присядем перед дорогой и поговорим подробнее о "мешающих деталях" (термин А. Аграновского). Сделать это надо сейчас, не откладывая, иначе, полагаю, будет поздно. Когда доберемся до технологии сбора материала, нам уже не придется делить факты на "лезущие" и "не лезущие" в концепцию, поскольку способы получения и тех и других едины.

Обращусь к примеру. Несколько лет назад в "Комсомольской правде" родилась рубрика "Социальный портрет". Она основывалась на физиологических очерках и очерках нравов, созданных в свое время Г. Успенским, В. Короленко, И. Буниным, но добавляла данные социологии. Чего мы хотели? Добиться максимума достоверности и убедительности и на базе реальных героев нарисовать синтетические образы-портреты современников.

Задача была не из легких. Сегодня вижу, что дело не вполне удалось и рубрику "Социальный портрет" следует называть, скорее, "Квазисоциальный", хотя в то время очерки товарищей по перу и мой очерк о шофере, опубликованные газетой, вызвали повышенный интерес у читателей. благожелательность критики и почти восторженный прием у коллег. Но речь не об этом.

Мне пришлось основательно готовиться к командировке. Создавая концепцию, перечитал немало специальной литературы, побеседовал с разными людьми и познакомился с данными социологических исследований. В частности, у меня вышло, что современный шофер-профессионал (не любитель) представляет собой мужчину в возрасте 30 лет, имеющего семилетнее образование, II шоферский класс, пятилетний стаж вождения машины, наезд не менее 30 тысяч километров, заработок 130 рублей в месяц (цифры приведены по данным на 1965 г., ныне они, естественно, изменились) и т. д. Подход, таким образом, был среднестатистический, а к результату надо было стремиться индивидуальному, не лишенному типизации, - ничего себе задачка!

Приехав в Саратов (а почему не в Смоленск? Но если бы в Смоленск, не миновать вопроса: а почему не в Саратов?), я обосновался с работником ГАИ у моста через Волгу, по которому шел нескончаемый поток грузовых машин, и стал

ловить своего высчитанного героя. конечно, мы образовали пробку, и не одну, нам пришлось выслушивать массовые "благодарности" шоферов, но в конце концов герой был найден, причем максимально приближенный к заданному. Михаил Федорович Пирогов (один из 4,5 миллиона мужчин-шоферов; между прочим женщин-шоферов тогда было всего 24 тысячи), 35 лет от роду, водитель бензовоза, имел семилетку за плечами I водительский класс, 19 лет шоферского стажа, 35 тыс. наезженных километров, 130 рублей месячного заработка и т. д. Разумеется, никакой живой человек не может уместиться в "среднестатистическом", и у меня были с моим героем существенные потери.

Увы, ничего не поделаешь! Но уж совпадения на фоне потерь были особенно ценными, их следовало беречь, как зеницу ока, для будущего очерка.

Так вот такая история приключилась с одним из ценных совпадений - со 130-рублевым заработком. Однажды я пришел к Пироговым, чтобы заняться арифметикой... Впрочем, процитирую для большей точности очерк:

"В воскресенье сажу дома у Пироговых в комнате, в которой почему-то преобладает красный цвет. Стол накрыт красной бархатной скатертью, такое же покрывало на телевизоре "Рубин", три красных ковра над тремя кроватями, и даже на дочери красного цвета платье, и Витька щеголяет в ярко-бордовом костюме.

Мы рассчитываем бюджет семьи. Михаил Федорович дает исходные данные: его заработок - 130 рублей в месяц, жены - 60, итого 190; на руки - 170, в год - 2040. С чего начнем? С еды? Нет. Пирогов предлагает иную систему подсчета. "Давайте, - говорит он, - прикинем все траты за минувший год, а что останется - и есть еда". Я догадываюсь, что, вероятно, так они и живут, в основном экономя, если уж приходится экономить, на пище. Именно поэтому есть в доме и швейная машина, и холодильник, и телевизор, и радиоприемник, и ковры на стенах.

Итак, что было куплено Пироговыми в 1966 году?

На "Рубин" мы кладем 150 рублей. хотя он стоит больше, но взяли в рассрочку. Один ковер - 90 рублей. Пальто жене и костюм хозяину - 150 рублей. Одежда детям - 60 рублей. Четыре новых стула - 24 рубля. Какие еще были траты? 140 рублей за Витькин детсад, затем годовая квартплата - 130

рублей (сюда входит газ, электричество, отопление - живут Пироговы хотя и в одной комнате, но "со всеми удобствами"). Потом вспоминаем, что дочь Нина ходит в музыкальную школу, учится на скрипке, - это еще 140 рублей. На культурные расходы - кино и клубы - Пирогов отпускает 100 рублей в год. Затем, после некоторых пререканий с женой Марией Никаноровной, он добавляет к этой сумме еще 156 рублей - по три рубля каждое воскресенье на пол-литра. (Она всплескивает руками, увидев цифру "156", да и сам Пирогов такой не ожидал.) В итоге мы получаем общую сумму расходов в 1140 рублей. На питание остается 900 рублей. В месяц - 75. В сутки - 2 рубля 50 копеек. На семью, состоящую из четырех человек?!

- Неудобно получилось, - соглашается Пирогов и вдруг неожиданно предлагает: - Знаете что, давайте вычеркнем ковер и пол-литра! Это даст нам 250 лишних рублей..."

Ну вот, мы на пороге "мешающей" детали, сейчас она "вылезет" и испортит мне среднестатистическую картину. уведет в сторону от типизации, и я потеряю столь дорогое мне совпадение. И если так будет дальше, от моего социального портрета останется банальный очерк нравов. Как быть, что делать?

Цитирую дальше:

"Вычеркивать я решительно отказываюсь, но в душе у меня зарождается некоторое подозрение. Пока хозяйка хлопчет с обедом (я был случайным гостем, но между тем мы ели щи с мясом, а на второе жаркое), я с пристрастием допрашиваю Михаила Федоровича, нет ли у него или у его жены дополнительных приработков. Ни по виду самого Пирогова, ни по виду его красивой и дородной жены, ни тем более ребятишек никак не подумаешь, что они ограничивают себя в пище. С другой стороны, Мария Никаноровна сказала, что картошку и овощи они закупают на год вперед в деревне, у них во дворе погреб: "Как-никак, а мы с машиной!" Но все же есть приработки или их нет?

- Ладно, не для печати, - говорит Пирогов железной рукой кладя veto на мою дальнейшую писанину в блокноте. Мой средний заработок не 130 рублей в месяц, а 170.

"Что же вы мне голову морочите!" - чуть было не воскликнул я.

Действительно, на следующий день мне дали в автоколонне официальную справку о заработке шоферов и против фамилии Пирогов М. Ф. стояла цифра "174". Он не смутился. "Вы с меня, - сказал он, - хотите писать лицо всех шоферов страны. Но все ли так зарабатывают? Мне приbedняться нечего, я живу открыто, и семья питается так, что перед соседями по квартире не стыдно. Но есть ребята, которые получают меньше. так вот, - закончил он решительным тоном, - или берите другого шофера, или вычеркивайте ковер с водкой!" Теперь я приведу официальные данные. Из 97 шоферов, работающих в одном отряде с Пироговым, зарплаты распределяются следующим образом: до 150 рублей в месяц получают 44 человека (из них только 6 водителей - меньше 100 рублей), а более 150 - 53 человека (из них 19 получают свыше 200 рублей в месяц). Таким образом, если действительно не приbedняться, можно сказать: деньги у шоферов есть."

Спрашивается, в чем дело? Почему такое противоречие со среднестатистическими 130 рублями? А фокус, оказывается, в том, что... Цитирую:

"Однажды Михаил Федорович сказал жене: "Буду приходить домой вовремя, буду меньше получать. Выбери!" Ответа не последовало. С тех пор Пирогов в середине каждого месяца прикидывал: какой будет заработок? Если меньше того, на который рассчитывал, он задерживался на работе дольше, делал лишние рейсы, или брал прицеп, или просил включить его в график на воскресенье. Фактически он сидел за двумя, а то и за тремя баранками. Считайте: собственно машина - раз, прицеп - два и полторы-две смены в сутки - три. Это очень трудно..."²⁹

Еще бы! Мне стало понятно, почему Пирогову некогда учиться, почему у него нередки скандалы с Марией Никаноровной, почему он так ревностно следит за техническим состоянием машины, своей кормилицы, и отчаянно ругает легкомысленного сменщика, действительно зарабатывающего пресловутые 130 рублей в месяц, и почему хитрит с начальством, а начальство - с ним, ведь сверхурочные законом запрещены. но обе стороны, будучи "счастливыми", сверхурочных часов "не замечали" и т. д.

Сделаем вывод. Хорошо ли, что очеркист не испугался "мешающей детали", не отсек ее и не выбросил вместе с ковром и поллитровкой, хотя она и грозила спутать одну из запрограммированных мыслей? Да, хорошо. А мысль, не бог весть какая, была: поскольку шоферы зарабатывают мало, их безусловную любовь к профессии надо объяснять вовсе не меркантильными соображениями, а тем, что машина дает ощущение физической свободы, относительную самостоятельность, скорость передвижения. общение с дорогой, смену впечатлений. Так что же? "Мешающая деталь" поломала эту маленькую составную общей концепции, разрушила ее? Ничуть. Скорее, подтвердила, укрепила и даже углубила. Зарабатывая не 130, а 170 - 200 рублей в месяц, шоферы тратили столько сил и трудились с такой нагрузкой, что давно бы бросили шоферское дело, если бы держались только за деньги. Стало быть, не отвергнув "мешающей детали", мы с ее помощью проникли в суть профессии поглубже, узнали много скрытых подробностей, окунулись в густой человеческий быт.

Убежден, верную концепцию никакие "мешающие детали" не в силах поколебать, и потому не нужно от них отказываться. Более того, если концепция верна, никакие детали не могут ей быть "мешающими". Ну, а если реальная действительность все же ломает предварительное представление, то грош ему цена, такому предвидению, туда ему и дорога. Как говорил Шерлок Холмс: "Побочные обстоятельства бывают иногда так же красноречивы, как муха в молоке". В нашем журналистском деле очень важно определить: где "молоко", а где "красноречивая муха", и ни при каких случаях, жертвуя молоком, не выбрасывать вместе с ним "красноречивых мух".

Нет, нельзя обманывать читателя, нельзя вводить его в заблуждение. Чем быть предвзятыми, лучше быть послевзятыми. В. Г. Белинский в свое время писал: "Часто путешественники вредят себе и своим книгам дурною замашкою видеть в той или другой стране не то, что в ней есть, но то, что они заранее, еще у себя дома, решились в ней видеть, вследствие односторонних убеждений, закоренелых предрассудков или каких-нибудь внешних целей и корыстных расчетов. Нет ничего хуже кривых и косых взглядов; нет ничего несноснее искаженных фактов. А факты можно исказить и не выдумывая лжи..."

стоит только обратить внимание преимущественно на те факты, которые подтверждают заранее составленное мнение, закрывая глаза на те, которые противоречат этому мнению"³⁰.

Итак, квинтэссенция: в тему, полагаю, нельзя врываться, в нее надо входить медленно и размышляя, в итоге должна создаваться концепция – мыслительная модель будущего произведения, свободная от предвзятости; предвзятость – плен для журналиста, концепция – его свобода; если концепция верна, для нее не существует "мешающих деталей", если ошибочна – все детали для нее "мешающие". Право же, не скажешь лучше А. С. Пушкина:

Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явились впервые мне –
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.³¹

Переведем на наш профессиональный язык: тема, впервые явившаяся журналисту, не мешает и не должна мешать его свободному роману, даль которого газетчик хоть и различает, но пока еще не ясно. Однако да здравствует главное – концепция – тот самый магический кристалл, с помощью которого и через который можно разглядеть любые дали документального повествования!

Прошу заметить: разговор о концепциях, предвзятости и "мешающих деталях" ведется отнюдь не ради красного словца. Он обнажает метод работы современного советского газетчика и суть выраженную в партийной объективности, освобожденной от предвзятости, этой родной сестры конъюнктурщины, но не освобожденной от трезвого, реалистичного и принципиального подхода к явлениям действительности.

Угол зрения. Мы много говорили о том, как выходить на тему, откуда ее брать, но пока еще не касались наиважнейшего вопроса, без ответа на который нечего и думать о сборе материала: какая имеется в виду тема? Любая ли? Ну понятно – актуальная, ведь мы газетчики. Понятно – значительная по проблематике, на то мы и публицисты, а публицистика по мелководью не плавает. Понятно – острая и как минимум имеющая свежий поворот.

А вот достаточно ли всем понятно, что тема, избираемая журналистом,

должна быть максимально приближена к его личности, соответствовать его знаниям, находиться в кругу его интересов и симпатий? Впрочем, что означает "должна"? Быть может, это вовсе не обязательно? Тем более что опытные журналисты, хорошо владеющие техникой, умеют "прикрывать" и свою антипатию к теме, и даже отсутствие собственных знаний по конкретной проблеме.

Иными словами: я "за" или "против" многотемья; "за" или "против" узкой специализации? Что дает, с моей точки зрения, большую эффективность: широта тематического охвата, но при выраженном дилетантизме журналиста, или узость тематики, но сопряженная с истинной глубиной?

Спор этот старый, хотя, казалось бы, чего тут ломать копыя? Идеально было бы при широте охвата да обеспечивать рекордную глубину. Однако как достичь такого идеала? Вот тут-то и проходит водораздел между спорщиками: одни считают, что ближайший путь к идеалу лежит через узкую специализацию, другие отдадут предпочтение широкой дороге многотемья.

Моя позиция сложнее, постараюсь со временем ее изложить, но одно для меня бесспорно: в основе любого творчества должны лежать фундаментальные знания. Мгновенной озаренности, как и гениального наития, хватает ненадолго, а чтобы целую жизнь прожить, да еще журналистскую, из сплошной суеты состоящую, из бесконечных заданий сотканную, из миллиарда строк сложенную, - какая уж тут озаренность! Работать надо из года в год, изо дня в день, из часа в час! Теперь-то могу, наконец, заявить в полный голос, что, ратуя за создание концепции, я ратовал прежде всего за фундаментальность знаний журналиста, как раз и выраженных в этих концепциях, за информированность, за основательность жизненного и социального опыта. В конце концов поставим вопрос и так: что первично в нашем деле - личностные качества, которые позволяют заниматься журналистикой, или занятия журналистикой, которые дают возможность накопить необходимые качества? У меня нет сомнений: только личность, непременно личность, она первична! Нельзя построить второй этаж, пропустив первый.

Прерву на этом повествование, отложив на время тезис о необходимости фундаментальных знаний, и обращусь к опыту известных журналистов "Комсомольской правды", ныне работающих, попробую разобраться, "кто" из них

"кто".

Василий Песков. Наверное, я посчитал бы его узким специалистом "по природе", если бы публикации на эту тему не имели такого нравственного воздействия на читателя. Кроме того, я не знал бы тогда, "к чему" отнести знаменитую серию публицистических материалов Пескова (написанных совместно с Б. Стрельниковым) "По Америке" и его яркие репортажи о полетах в космос, и острейшую статью, посвященную хозяйственной проблеме - развитию рыбного промысла в стране, и автобиографический очерк "Я помню...", повествующий о военных годах. Можно долго перечислять темы, которых коснулся в своем творчестве "узкий специалист" В. Песков, демонстрируя разнообразие.

В таком случае, быть может, избрать критерием качество публикаций? Но

кто возьмет на себя роль оценщика? Читатель? Хорошо. И вот, представим себе,

"Окна в природу", наиболее популярные у читателя, выходят на первое место,

что вроде бы позволяет нам отнести автора к числу "узких специалистов".

Но,

во-первых, никто читательского опроса по сему поводу не проводил, это всего

лишь наше "допущение". Во-вторых, известно, что популярность журналиста

иногда объясняют не столько качеством, сколько количеством его выступлений в

газете. Если так, то "Окна в природу", публикуемые со строгой

периодичностью, "забьют" прочие материалы Пескова, оттеснят качество, как

критерий на второй план и надежность нашего вывода об "узости" журналиста

будет ничтожной. Так, спрашивается, "узкий" или "широкий" специалист В.

Песков? Ответ уже на кончике языка, но не будем торопить себя с выводами.

Ярослав Голованов. Я бы сделал науку его "узкой профессией", тем более

что и по должности он - научный обозреватель "Комсомольской правды". Но куда

девать в таком случае знаменитую публицистическую статью Голованова

"Халтура"? И громкое, филигранно отточенное выступление, связанное с именем

фигуриста Горшкова? И публицистический очерк о председателе колхоза? И

"открытое письмо" министру путей сообщения, в котором поднимаются вопросы

сервиса на железной дороге? Однако не могу отрицать и того, что наука -

"конек" Я. Голованова, что в ней он как рыба в воде.

Иван Зюзюкин. Я бы считал его "узким специалистом" по школьному

воспитанию, по школам вообще и педагогам в частности - тому многочисленным

подтверждения в виде очерков, опубликованных, например, под рубрикой: "Люди, я расту!". Но что делать с материалом "Стратонавты", который, кстати сказать, логичнее "отдать" Голованову? И с прекрасной документальной повестью "На минном поле", опубликованной несколько лет назад в "Комсомольской правде"?

Инна Руденко. "Жена", "Женщины", "Просто правда", "Он и она" - тут уж, казалось бы, нет никаких сомнений: "специалист" по так называемой морально-нравственной теме. И вдруг - но вдруг ли? - философский материал о преподавании литературы в школе, "экономический очерк" о строителе Злобине и его методах, очерк об актере, исполнявшем роль Павки Корчагина в телевизионном фильме, - как говорится, не счесть алмазов!

Я нарочно начал с тех журналистов, кто даже в редакции имеет амплуа "узких специалистов", но если мы так просто их "развенчали", что говорить о Геннадии Вочарове, о Капитолине Кожевниковой, о Николае Боднаруке, о Татьяне Агафоновой, о Лидии Графовой, о Викторе Липатове, которые в "узких" никогда не ходили и "всеядность" которых просто поразительна! Да и я, грешным делом, ухитрился выступать в газете на темы моральные, нравственные, хозяйственные, связанные с воспитанием, научные, исторические, экономические, социальные, имеющие отношение к преступности - какой страшный разброс! Плохо ли это? Хорошо? И о чем свидетельствует?

Не отрицаю: есть в журналистике и "однотемники". В "Известиях", например, Юрий Фофанов, который специализировался по юридической тематике, в "Советском спорте" - Станислав Токарев, в "Комсомольской правде" - Анатолий Иващенко (сельская). Порывшись в памяти, можно добавить еще несколько фамилий. Но не следует обольщаться: даже "чистые однотемники" лишь до тех пор могут называться "чистыми", пока не заняты человековедением, пока не раскрывают проблемы через людей и их отношения, пока не воздействуют на эмоции и чувства читателей. Спортивные репортажи Павла Михалева в "Комсомольской правде" несли нравственный заряд, который не снился авторам иных очерков на морально-нравственные темы, а сегодня, с легкостью волшебной перейдя со спортивных рельсов на международные, этот журналист прекрасно

пишет о политике, закладывая в свои репортажи и статьи все тот же нравственный запал. "Чистый деревенщик" Георгий Радов был публицистом высокого ранга, демонстрирующим очень широкие интересы. Кажется, пришла пора подводить итог.

Что характерно для творчества перечисленных выше журналистов? Как ни парадоксально прозвучит мое утверждение, но - "узкая специализация" каждого!

Хотим мы или не хотим, а Песков все же "специалист по природе", Голованов - "по науке", Зюзюкин - "по школе", а я, например, - "по преступности" и т. д.

Но "узкая специализация" не мешает браться за самые разные темы, больше того - помогает! Почему? Потому что и Песков, и Голованов, и Зюзюкин, и Михалев, и все остальные, обладая фундаментальными знаниями в какой-то одной области, не замкнулись в ней, во-первых, и получили угол зрения на прочие темы, во-вторых. О чем бы ни писал Песков, в его материалах "сидит" забота обо всем живом и неживом, что нас окружает, мы постоянно чувствуем этот рефрен, он звучит у Пескова, как припев в песне. Какой бы темы ни касался Голованов, он подходит к ней как научный обозреватель - не только по методологии, но и по сути. Потому что сумма знаний журналиста - это его точка отсчета, это плацдарм, с которого он ведет наступление на самые разные темы, это фундамент под здание, которое он строит.

Разве мы против такой "специализации"? Думаю, против той, что заковывает журналиста в латы одной темы, являясь одновременно и фундаментом, и зданием да еще без окон и дверей. без доступа свежего воздуха. Потому что газетчик рано или поздно, но начинает задыхаться, у него появляется, как говорят врачи, резистентность - привыкаемость к лекарству, а в данном случае - к теме, он перестает чувствовать ее, начинает повторяться, переходит на штамп и в подходе, и в исполнении, скучнеет и даже тупеет, теряет способность рождать новые мысли, приводить новые доводы и резоны, короче говоря, вырабатывается.

В самом деле, если журналист написал достойный материал, способный разбудить общественную мысль, значит, он снабдил его достаточно убедительным набором доводов. А где взять новые доводы, если, не повторяясь, писать на ту

же тему через неделю или месяц? Психологически мы так устроены, что, однажды выступив серьезно, исчерпываем себя на весьма солидный срок. Читатель, как правило, этого не понимает и, откликаясь на наше выступление, забрасывает нас новыми и новыми фактами, шлет и шлет "аналогичные случаи", и все это впустую, напрасно, совершенно бесперспективно - по крайней мере в нашем исполнении. Как же не посочувствовать бедным "однотемникам", которые не день, не месяц и не год трудятся на отработанном пару! Мысли на деревьях не растут, вот и приходится бесконечно повторяться и цитировать себя, тиражируя прежние выступления.

А писать-то как раз надо, по-моему, так, чтобы повторение исключалось! Если журналист чувствует, что вслед за одним материалом он тут же готов сесть за второй на ту же тему, это значит, что он в первом не выложил, не исчерпал себя - и пусть не обманывается: его выступление было слабое. Один известный поэт, рассказывают, вошел однажды в бильярдную Дома литераторов, взял кий и гордо произнес прежде, чем ударить по шару: "Написал о любви. Закрыв тему!" Мы, журналисты, как бы иронически ни относились к словам поэта, должны тоже стремиться к созданию таких материалов, которые "закрывают" бы тему. По крайней мере для нас самих. По крайней мере на какой-то срок.

Нет, я не могу быть против "специализации", но я бы умер от тоски, приговори меня кто к пожизненной теме! Людям, занимающимся умственным трудом, не зря рекомендуют для отдыха труд физический. Спортсмены чередуют ритм тренировочного бега, чтобы не потерять интерес к тренировке. даже не знаю, какие еще требуются аналогии в доказательство того, что журналист должен менять тематику своих выступлений. Вспомним хотя бы о том, что свежий взгляд на незнакомую проблему обеспечивает взрыв идей: в большинстве своем они, возможно, и пустые, но после просеивания вдруг остается какая-то "мыслишка", которая может стоить десяти традиционных, родившихся в головах специалистов. Разумеется, я не призываю к невежеству, якобы облегчающему открытия, а говорю лишь о том, что фундаментальные знания журналиста в какой-то одной области дают ключ к своеобразному пониманию проблем,

связанных с другими областями. так, врачи, работающие над трансплантацией внутренних органов, приглашают для консультации и даже соавторства не коллег, а инженеров, ничего не смыслящих в медицине, но зато разбирающихся в устройстве насоса, в котором в свою очередь ничего не понимают врачи, знающие устройство сердца. Иными словами: "узкая специализация" необходима журналисту не для того, чтобы стать "однотемником", а для того, полагаю, чтобы с ее помощью, как с помощью бура, проникать в глубины новых тем, имея при этом свой собственный "угол зрения".

В этом смысле печально я гляжу на выпускников журналистских отделений и факультетов. Сколько лишних трудностей им придется преодолеть в сравнении с теми, кто приходит в журналистику, имея диплом врача, педагога, инженера, физика, юриста и т. д.! А еще лучше не диплом, а практику, дающую вкуче с дипломом те самые фундаментальные знания. о которых мы говорили. "Чистым" журналистам, увы, приходится специализироваться на ходу, уже работая в газете, а это сопряжено с целым рядом специфических трудностей: разнообразием заданий. при которых просто некогда насытиться знаниями, текучкой и т. п.

Если бы в каждой газете молодым журналистам предоставляли время на выяснение симпатий к темам, а потом год-полтора - на глубокое изучение проблемы, на "узкую специализацию", то это был бы самый короткий путь к формированию журналиста широкого профиля. Практика показывает, что таким путем прошли многие известные публицисты нашего времени. любой газетчик, если он того хочет, может приблизиться к идеалу, во всяком случае качественно измениться в лучшую сторону. За счет чего? За счет расширения тематики на основе "узкой специализации".

Полагаю, этим диалектическим выводом мы и закончим разговор о круге тем и эффективности журналистского труда.

Что дальше? Не пора ли, наконец, "закрывать чемодан" и реально приниматься за воплощение замысла? Тема есть, сумма мыслей - тоже, адрес - на конверте письма... Неужто опять какая-то задержка? Что же на сей раз? Пустяк: надо решить, стоит или не стоит ехать в командировку по данному конкретному делу.

...Гражданином быть обязан. Напоминаю: в свое время, работая с письмом Сергея Т., мы отложили до создания концепции вопрос о том, нуждается ли автор письма в конкретной помощи журналиста. Пришел момент ответить. Собственно говоря, ради чего следует ехать в командировку? Только для того, чтобы набрать детали и получить подтверждение концепции? А не лучше ли запереться в любом редакционном кабинете и ли у себя дома, вчитаться еще раз в письмо Сергея и написать очерк? Получится, возможно, насыщенный мыслями острый материал, который назовут в газете "безадресным", и он дело сделает: "разбудит" читателя и внесет свою лепту в формирование общественного мнения. Зачем в таком случае командировка, тем более что автор письма, вероятно, не желает раскрывать инкогнито?

Несмотря на правомерность такой постановки вопроса, ответ у нас давно заготовлен и угадывается: надо ехать! И не автору письма решать это; журналист, и только журналист вправе принимать решение: искать и ли не искать анонимщика, ехать или не ехать к человеку, укrywшемуся за какой-нибудь буквой алфавита. Но бывает, что инкогнито не прозрачное, все "концы" спрятаны в воду, тогда ситуация безвыходная: подняв руки вверх, газетчик остается дома. Другое дело - вопрос, связанный с обнаружением: приехав и обнаружив анонимщика, журналист обязан учесть мотивы его инкогнито, его желание или нежелание получить "известность" и в случае категорического отказа автора письма гарантировать ему написание того же "безадресного" материала.

Почему так? Да потому, что в обязанности журналиста, кроме прочего, входит делание конкретного добра. причем независимо от того, будет или не будет написан материал, будет или не будет он опубликован. Довольно часто авторы писем скрывают себя, ошибочно полагая, что если приехал корреспондент, жди теперь каждый номер газеты. Стало быть, тем более газетчик обязан за них решать вопрос о конкретной помощи.

Человеку плохо, так плохо, что он пишет в редакцию, и, даже пусть он укрылся за буквой "Т.", сам факт обращения в газету есть призыв о помощи. Можем ли мы оставаться равнодушными? Можем ли не протянуть ему руку, имея возможность ее протянуть?

Кроме того, что мы – журналисты, мы еще самые обыкновенные люди, и нам должно быть свойственно умение совершать нормальные человеческие поступки. Больше того, в зависимости от способности творить добрые дела мы либо состоимся как журналисты. либо не состоимся. Фиаско человеческие по законам высшей справедливости должно сопровождаться фиаско профессиональным – жаль, действительность иногда делает исключения из этого мудрого правила.

Вернемся к письму Сергея Т. Оно наполнено отчаянием, безысходностью – крик души семнадцатилетнего юноши. Отдадим дань излишней аффектации, свойственной возрасту, и гиперболизации негативной стороны дела – так выглядит картина с нашей точки зрения, а для Сергея она истинна, следовательно, чревата последствиями. Юноша на краю беды.

Ехать! – другого решения быть не может. Чем помочь и как, надо придумать на месте. Вовсе не исключено, что одного разговора с родителями подростка окажется достаточно, чтобы они оставили сына в покое. Или, возможно, наше официальное обращение к председателю исполкома, который, судя по письму, уже вмешивался в дело, приведет к тому, что напряжение вокруг имени Сергея будет снято. Разумеется, при этом нельзя забывать о наших профессиональных обязанностях, поскольку написание то ли адресного, то ли безадресного материала отнюдь не исключается.

Я говорил уже, что журналисты должны жить по принципу "рабочее состояние", то есть все должно идти в дело, в материал, на газетную полосу. Этот принцип не исключает, а предполагает конкретное добро, делать которое мы так же обязаны, как врач кидаться на помощь раненому человеку, даже не находясь в данный момент на службе. И не только в силу общих принципов гуманности, не только потому, что любой человек должен быть "хорошим", "отзывчивым", "добрым", хотя все это имеет к нам, журналистам, самое непосредственное отношение. Помимо общих мотивов требование делать конкретное добро диктуется нам мотивами профессиональными: гражданской позицией. без которой не может обойтись человек, носящий звание "журналист", необходимостью собственным поведением утверждать нормы социалистической нравственности и морали, стремлением к социальной справедливости. В народе

не зря полагают газету одной из "последних инстанций", а потому и жалуются в нее, когда исчерпаны на местах все официальные возможности. Нет, одним умом журналист не может быть журналистом: ему необходимо еще осознание своей почетной и ответственной миссии в обществе.

Помогать формированию общественного мнения? Будить у читателя мысль? Это, по-моему, зависит еще от того, кто формирует и будит, от того, какие мы

- искренние или фальшивые, циничные или прямодушные, с чистой совестью или с замаранной, добрые или добренькие, непримиримые или идущие на компромисс, и способны ли мы сами совершать поступки, к совершению которых призываем.

Мы не в детском саду и даже не в школе, где иногда приукрашивают профессию, имея благое намерение от нее не отпугнуть. И потому, ведя профессиональный разговор, скажем так: в каждой строке, которую мы пишем и публикуем, мы прежде всего самовыражаемся, стало быть, и саморазоблачаемся. Мы пишем так, какие мы есть, и читатель это прекрасно видит, чувствует, знает, улавливая по нашим словам, оборотам, интонациям нашу суть, он точно знает, каково наше истинное отношение к жизни, даже если мы провозгласим иное.

И он либо верит журналисту, либо не верит.

Он либо берет журналиста с собой в разведку, либо не берет.

Он либо идет с журналистом в разведку, либо не идет.

В этом смысле очень важна, мне кажется, атмосфера в газете, которую каждый из нас представляет. Заблуждается тот, кто думает, что журналиста уже ничто не воспитывает, не развивает и не тормозит в развитии - не только в профессиональном, но и в человеческом плане. Атмосфера принципиальности, понимания, демократизма, сочувствия. доброты, товарищеской заботы, исключая злость, зависть, наущничество, мелочность и беспринципность, делает нас такими, какими мы должны быть, если хотим достойно выполнить нашу святую миссию,

Итак, решая вопрос о том, ехать или не ехать в командировку по чьему-либо письму. мы по сути дела прикасаемся к существеннейшей проблеме журналистики: что на первом месте для нас - выступление в газете или достижение конкретного добра? Добра, за которым следует видеть борьбу за социальную справедливость в широком смысле слова, утверждение норм

социалистической морали и нравственности каждым нашим действием и поступком,
при этом даже без публикации материала?

Помню, в "Комсомольской правде" однажды была затеяна на газетной полосе
дискуссия: если тонут одновременно физик и рабочий. а у читателя есть
возможность спасти только одного, кого надо спасать? Посыпались
письма,
мнения разделились, нашлись доводы и за ученого, и за рабочего, а
потому
вдруг кто-то сообразил, что сама постановка вопроса безнравственна.

Так не будем повторять той же ошибки. Пожарник должен тушить
пожары,
врач - лечить, а журналист - писать. Если кто-то из вышеперечисленных
не
выполнит своих обязанностей, нет смысла в его
профессиональном
существовании. Но при этом каждый из них не может не совершать
добрые
поступки сверх всяких профессиональных "норм" и требований, а
потому
пожарник выносит из горящего дома не только девочку, но и ее любимую
кошку,
рискуя жизнью; врач оперирует в самолете или в подъезде дома, хотя по
"нормам" мог бы этого не делать; а журналист несетя за тридцать
земель,
чтобы помочь семнадцатилетнему юноше по имени Сережа, не помышляя о том,
что
важнее - глобальное выступление в газете на тему о
взаимоотношениях
родителей и детей по поводу ранней любви или душевный покой одного
Сергея.
Короче говоря, не надо ставить в очередь заботы профессиональные и
заботы
общечеловеческие. Одни вытекают из других. Что в нашем деле первично, а
что
вторично, не подлежит обсуждению.

Прерву на время повествование, чтобы рассказать историю,
однажды
случившуюся со мной. Это было в 1956 г. Я работал тогда адвокатом, но
уже
"пописывал". Как-то журнал "Пионер" отправил меня в командировку в
Саратов.
Остановился в гостинице, если не ошибаюсь, "Волна" (или "Волга"?),
материал
собрал на каком-то заводе и в один прекрасный день приготовился в
обратный
путь. Билет на поезд был в кармане, оставалось оформить документы на
выезд.
И вот там, у овального окошечка администратора, произошло
знакомство,
сыгравшее значительную роль в моей жизни, и, полагаю, не только в моей.

"Как жаль, что вы рано уезжаете! - что-то в этом роде
сказала
администраторша Марта Ивановна (я почему-то запомнил имя этой
славной
женщины). - Я очень хотела, чтобы вы помогли одному человеку!" -
Какому?" -

вероятно, спросил я, потому что Марта Ивановна выдвинула из-за своей спины мальчика лет двенадцати. Густые каштановые кудри, худенькая мордашка, возможно, печальные глаза – они просто обязаны были быть печальными: Борис – так звали подростка – был круглым сиротой, инвалидом второй группы (что-то с почками), а жил под Саратовом в доме чужих людей.

Так случилось, что он, по выражению Марты Ивановны, "приблудился" к гостинице. Его жалели. Когда один раз в месяц, как на побывку, он приходил к Марте Ивановне, весь обслуживающий персонал гостиницы его подкармливал, подшивал, подстирывал, старался как-то пригреть, а на дорогу мальчик получал подарки. На меня это обстоятельство произвело, помню, самое тяжелое впечатление: гостиница, которую я и, очевидно, все в ней живущие воспринимали как дом казенный и чужой, была для ребенка единственным источником тепла. В пятиминутной беседе с Мартой Ивановной выяснилось, что попытки устроить Бориса в обычный детский дом были напрасны: детей-инвалидов туда не брали. Ко мне, стало быть, одна просьба: устройте! За весь разговор Борис не проронил ни единого слова, только смотрел на меня, "столичного корреспондента", как смотрят верующие на икону.

На улице ждала вызванная машина, до поезда оставалось минут двадцать. Что делать? Увы, я не сдал железнодорожный билет, не задержался на сутки в Саратове и не пошел по начальству. Я попросил у Марты Ивановны листочек бумаги, написал на нем адрес "Пионера", собственную фамилию и сказал Борису: "Ты грамотный? Опиши все, как есть, а мы в Москве что-нибудь придумаем". И уехал.

Может, неделю я помнил о нем, может, месяц, а потом закрутился в делах и начисто о Борисе забыл – признаюсь в этом откровенно, как ни горько признание. Вероятно, все последующее было искуплением моего греха.

Как-то в юридической консультации, где я дежурил, раздался телефонный звонок. Сотрудница "Пионера" попросила меня немедленно приехать в редакцию. "Зачем?" Приезжайте, узнаете. В то время "Пионер" находился на шестом этаже старого здания комбината "Правда", в тихом закутке, который я быстро прошел, обнаружив все комнаты пустыми. Зато в кабинете главного редактора была толпа. Встав на цыпочки, я увидел в кресле Н. С. Ильиной, за ее редакторским

столом, "моего" Бориса. Он ел. Разорванная руками французская булка, печенье, конфеты и молоко. Сотрудники - это были в основном женщины - молча стояли вокруг и смотрели. Они уже знали, что Борис пешком пришел из Саратова. Он решил не "разводить бухгалтерию", не писать какие-то письма, у него был в руках адрес, и он пошел к "дяде Валерию Аграновскому". Характер не позволил ему пользоваться бесплатно попутным транспортом или зайцем ехать на поезде, и он три месяца пешком шел в Москву из Саратова.

Неделю, пока его устраивали в детский дом, он был нарасхват, по очереди ночевал у сотрудников журнала. Мне удалось получить его только раз. Спокойный, рассудительный, ничуть не сентиментальный. как ни странно, воспитанный, обладающий природным тактом, Борис был к тому же очень самостоятельным мужчиной, отказывался от рублей и пирожных и только в одной страсти не умел себя сдерживать - в страсти фотографировать. Хотя аппарата у него не было, все копейки он тратил не на мороженое, а на проявители, закрепители и фотобумагу. С немалым трудом Н. С. Ильиной удалось устроить его в Калининградский детский дом. По странному стечению обстоятельств профилирующим предметом была в нем фотография.

Вся редакция провожала Бориса. Он был причесан, умыт, одет во все новое, а за плечами у него был рюкзачок, в котором лежала новенькая "Смена" с полным набором проявителей и закрепителей.

Вот, собственно, и вся историю Бориса. Наверное, я рассказал ее не столь академично, как того требуют обстоятельства, но что поделаешь, рассказчик - тоже человек.

Перейдем к выводам.

В холле "Комсомольской правды" на обелиске высечены имена шестнадцати газетчиков, погибших в Великую Отечественную войну с удостоверениями корреспондентов, но как рядовые солдаты. Их смерть, жизнь и работа остаются примером для нас и в мирное время. Мы всегда обязаны помнить, что для журналистов никто не пишет "особых" законов, не придумывает "особой" морали. Мы должны и работать, и жить, принимая решения и как газетчики, и как рядовые советские граждане. Такой подход к нашей профессии - основа основ журналистики. Впрочем, вряд ли кто из нас воспринимает профессию иначе.

Нельзя забывать и о том, что в сравнении с другими рядовыми гражданами

мы, представители чрезвычайно острой профессии, несколько лучше вооружены: у нас всегда остается реальная возможность газетного вмешательства и разоблачения зла. Эта возможность - тоже оружие журналиста, тоже форма его активного вторжения в жизнь. Однако пользоваться таким оружием следует осторожно, то есть профессионально. Категорически нельзя позволять "личному" перехлестывать через край и сводить с помощью газеты личные счеты. Надо всегда стоять на принципиальных государственных и партийных позициях, постоянно ощущать ответственность перед обществом и помнить, что мы работаем в газете как представители и выразители общественного мнения. Вот почему сотрудники отдела писем, получив жалобы читателей, проверив их с помощью собкоров "на местах" или по телефону, составляют "сопроводилочки", в которых выражают свое отношение к факту, а затем пересылают жалобы в соответствующие инстанции. Нет ни статей, ни публикаций, и между тем "меры приняты"! Очеркисты, по-моему, тоже могут писать "сопроводилочки", звонить по телефонам и лично ходить по инстанциям независимо от того, намерены или нет писать материал, - разумеется, с санкции руководителей газеты или по крайней мере поставив их в известность. Граница между перспективой написания статьи и ее реальной публикацией весьма подвижна, что делает само вмешательство газетчика в какую-либо жизненную ситуацию действенным.

Приведу короткий пример. Ко мне обратилась в Горьком, когда я собирал материал об ударничестве на заводе "Красное Сормово", некая Валя М., работник заводоуправления: помогите с жильем! Супруг Вали, Владимир, пошел работать монтажником на строительство Сормовской ТЭЦ по объявлению, напечатанному в "Горьковской правде"; всем семейным в течение трех лет гарантировали получение квартир. Но миновали три года, и уже четвертый на исходе - квартиры нет.

В один из дней я заехал на ТЭЦ, и, по достоинству оценив визит журналиста, начальник стройуправления выдал официальный документ: квартира М. будет дана в очередном квартале. Потом я вернулся в Москву, занялся своими обычными делами, но в кондуите записал: "Квартира М. обещана в первом квартале". Миновало время, я позвонил из редакции начальнику

стройуправления. Как понимаю, он решил, что все забыто и потому был удивлен, услышав мой голос. Затем я подстраховал дело звонком из Москвы в горисполком, и через неделю в редакцию официально сообщили из Горького, что квартиру М. дали.

"Эпопея" семьи М. свидетельствует о том, что, если уж журналист берет за доброе дело, должен относиться к нему не как к мимоходному и "междупрочному", а как к занятию, требующему усилий и последовательности, настойчивости и ума.

Возникает вопрос: а почему бы в самом деле не выступить в газете по поводу квартирных дел семьи Вали М., не воплотить перспективу публикации в реальность? Разве мало в этой истории назидательного и полезного для всех?

Ответ таков: я бы, возможно, и выступил, будь у меня концепция. вникни я основательно в дело и разберись в деталях. Писать же, не ощутив в полной мере проблему, не стоило. Но я был занят ударничеством на "Красном Сормове", а следом по графику шла работа над очерком "Остановите Малахова!" - короче говоря, как ни велик был соблазн, но разорваться невозможно. Значит ли это, что, не имея возможности вмешаться в попутное дело серьезно, журналист должен вообще пройти мимо него? Конечно же нет! Он и тут должен проявлять настойчивость, помня при этом, что его упорство является всего лишь средством для достижения цели. Цель же - с помощью конкретного добра утверждать нормы социалистической морали.

"При исполнении". Я кладу в чемодан книгу. Непременно беру с собой книгу. Какую? Нет, не просто для чтения, хотя и это неплохо. Для работы. Принцип подбора книг бывает разный: географически-познавательный, смысловой и даже психологический. Отправляешься писать об ударничестве - и берешь томик В. И. Ленина со статьей "Как организовать соревнование?" Едешь, к примеру, на Дальний Восток, - почему бы не взять с собой чеховский "Сахалин"? Твой путь в колонию для несовершеннолетних, и в чемодан кладется "Трудная книга" Г. Медынского. Командировка на БАМ - очень кстати будет "Мужество" В. Кетлинской. Едешь разбираться в остром конфликте или на какое-нибудь трудное дело, связанное с чьей-то безнравственностью или

преступлением, - что поможет тебе обрести холодное перо при горячих мыслях?

Что даст душевное равновесие, когда ты работаешь "один на один", умерит твой

пыл в изложении обстоятельств, подскажет верную тональность в письме и в

поведении на месте? Мне лично - тургеневские "Записки охотника" или "Вечное безмолвие" Д. Лондона.

Журналист, собирающий материал, - это человек, идущий по следу.

Несмотря на то, что след может привести и к положительному, и к негативному

материалу, состояние газетчика на задании всегда приподнятое, нервы

напряжены, зрение обострено, слух настрожен, трата умственной и физической

энергии повышенная. Между тем всего час или сутки назад, оформляя

командировку и бегая по коридору редакции, мы были такими, "как все". Но

стоит нам оказаться в самолете, в поезде или в машине, как что-то меняется в

нашей психологии, в голосе, в походке, во взгляде, будто появляются

дополнительная сила и решительность, - почему? Потому, что мы находимся "при

исполнении". Конечно же, не сами по себе мы становимся сильными - мы сильны

газетой, которую представляем. Но и сколько дополнительной ответственности

тяжелым грузом ложится на наши плечи! Мы не можем позволить себе в

командировке ни одного необдуманного слова или поступка. Никаких

сомнительных знакомств. Ни вспышек злобы, ни вспышек радости.

Каким образом удастся сбрасывать с себя лишнее напряжение? Я достаю из

чемодана томик стихов:

Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.

Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка,
Моя постель, подушку мокрую
И край стены за книжной полкой.

Я вспомнил по какому поводу
Слетка увлажнена подушка"...

...Теперь, кажется, можно опять за работу.

СБОР МАТЕРИАЛА

Поведение. Собирая материал, мы были бы похожи на актеров, входящих в

образ по "системе Станиславского", если бы не одно пикантное соображение. Дело в том, что актерский талант - это прежде всего талант перевоплощения, который как бы независим от личных качеств исполнителя. Для того чтобы сыграть умного героя, актеру не обязательно быть интеллектуалом. В журналистике подобное невозможно. Нам никто не пишет текстов и не ставит мизансцен. Мы сами и режиссеры, и драматурги, и исполнители. И потому, собирая материал, все подчиняя этой цели, мы можем, думаю, прикинуться хитрыми, доверчивыми, подозрительными, мягкими, наивными и т. д., оставаясь при этом во всех случаях жизни принципиальными, честными, великодушными, порядочными. Именно такие качества, сочетаемые с любой временной маской, должны гарантировать и нам самим, и окружающим чистоту наших помыслов. И это все при абсолютной четкости наших идейных и мировоззренческих позиций, о сборе какого бы материала ни шла речь - положительного или отрицательного. Добавлю к сказанному, что журналист, какого бы ума и таланта он ни был, но действующий прямолинейно, обрекает себя на великие трудности, которые, увы, не всегда кажутся мне преодолимыми.

Можно ли сделать вывод из сказанного, что для достижения цели - сбора материала - "все средства хороши"? Нет, такого заключения делать не надо. Способность журналиста к перевоплощению только тогда хороша, когда он имеет дело непосредственно с источником сведений, но совершенно не годится, когда он общается с людьми, никакого отношения к сведениям не имеющими; способность к перевоплощению должна быть ограничена определенными рамками, тем более что журналист действует в командировке не только от своего имени, но и от имени газеты.

Со мной произошел однажды такой случай. Едва я перешел на работу в "Комсомольскую правду", как вскоре отправился в командировку в один областной город писать о строителях и наутро явился к управляющему стройтрестом. Попросил секретаршу доложить. Она доложила и сказала: "Посидите". Жду в приемной пять минут, десять, даже интересно стало - заиграл апломб. Наконец, через пятнадцать минут мне предложили войти. Еле сдерживая волнение, я сказал: "Мне ничего от вас не нужно. Визит мой

предполагался как визит вежливости. Но я обескуражен вашим приемом, а потому заявляю, что иду жаловаться в горисполком" (находились они по соседству). И, развернувшись, сразу направился туда. Пришел. Попросил секретаршу доложить. Она доложила и сказала: "Посидите, пожалуйста". И я просидел в приемной двадцать минут. Убеден, что управляющий предвосхитил мой поход. И правильно сделал. Отличный урок на всю жизнь! Конечно, мы, командированные, - люди занятые, ведущие счет времени, но и наши хозяева тоже не бездельники, этого нельзя забывать.

У журналиста не должно быть никаких престижных требований, он вполне может обойтись без люкса в гостинице, без стула в президиуме, без "особого" места в машине и т. д. Наше ровное, скромное, достойное, трезвое поведение - гарантия, с моей точки зрения. не только успешного сбора материала, но и его нормального прохождения на газетную полосу. Нельзя забывать, что на поведение журналиста в командировке может поступить в редакцию рекламация, и тогда его статья не выйдет - погибнет прекрасный замысел, верная тема и бесприоритетный факт. Возможно, кое-кто заметит, что все это азы журналистики, но таблицу умножения мы тоже знаем, однако нужно еще уметь ею пользоваться.

Тактика и стратегия. Общую задачу - стратегическую - мы решаем, думаю, в зависимости от привезенной концепции: она помогает очертить круг лиц, с которыми надо встретиться, и сумму сведений, которые необходимо получить. Что же касается очередности встреч и методов получения сведений, то эта задача - тактическая, ее диктует конкретная обстановка.

Приведу пример. Мне пришлось собирать материал для очерка под названием "Извините!", впоследствии опубликованного в "Комсомольской правде".

Факт был такой. Некий М-ский, главный врач санэпидстанции небольшого подмосковного города, имел постоянные трения с городским начальством, а в итоге был уволен с работы. За что? За то, что принципиально отказывался принимать объекты, построенные с нарушением санитарных норм.

Концепция (в сжатом виде). На людях типа М-ского, подчиняющихся только закону, не умеющих "входить в положение" и решительно говорящих лицам, требующим от них беспрекословного подчинения, непробиваемое "извините!",

держится настоящий порядок, хотя эти люди не всегда удобны для окружающих.

Стратегическая задача. Подтвердить концепцию суммой конкретных сведений. для чего: встретиться с теми, кому М-ский "мешал жить"; выяснить, почему они шли на нарушения законов, чем руководствовались и какими располагали доводами; осмотреть объекты, введенные в строй вопреки позиции главного врача: выяснить мотивы у родственников и друзей М-ского, а также узнать, легко ли, трудно ли жилось ему в быту; добыть доказательства неправомерной деятельности городского начальства, то есть незаконные акты о приемке объектов и т. д.

Тактическая задача. Начать с подробного разговора с М-ским; затем познакомиться с документами, находящимися в его распоряжении; потом явиться в горисполком к главному архитектору. у которого должны храниться все акты, и внимательно их просмотреть; обойти два-три жилых дома и поговорить с жильцами; повторить обход с участием городского начальства и М-ского, с непременным заходом в те же квартиры и т. д., заранее продумав способы получения сведений в каждом конкретном случае.

И вот, представьте, у городского архитектора натыкаюсь на акт о приемке 70-квартирного дома, в котором стоит поддельная подпись главного врача санэпидстанции; во всяком случае М-ский категорически утверждал, что как член приемочной государственной комиссии этого акта никогда не подписывал.

Документ "убийственный". Вместе с архитектором, держа под мышкой всю толстую папку, куда был вшит акт, немедленно отправляюсь к председателю горисполкома. Так и так, заявляю, полюбуйте и решайте, что будем делать.

Председатель горисполкома смотрит на часы и говорит, что время уже позднее, давайте, мол, завтра утром соберем совещание и разберемся детально. Возражений с моей стороны нет. На моих глазах папка препровождается в сейф, и я ухожу со спокойной совестью.

Утром следующего дня все "заинтересованные" в сборе, они сидят в кабинете председателя горисполкома и ждут меня. Начинается совещание. Председатель достает из сейфа папку, передает мне и предлагает высказаться. Я говорю о том, что, к сожалению, еще имеются факты прямого нарушения

закона... и с этим словами листаю папку, дабы продемонстрировать поддельный акт. Слева направо листаю, справа налево - акта нет! Поворачиваюсь к председателю и спрашиваю: "Простите, а где акт?" "Какой?" - спокойно говорит он, глядя на меня невозмутимым взором. "Да тот, - отвечаю, - который мы вчера с вами рассматривали здесь же, в кабинете, в присутствии архитектора!"

"Когда рассматривали? - спокойно вопрошает председатель и поворачивается к главному архитектору. - Разве мы что-нибудь вчера смотрели?" Архитектор недоуменно пожимает плечами: "Вы что-то путаете, товарищ корреспондент".

Участники совещания делают общее движение, как в театре при открытии занавеса. У меня темнеет в глазах, но я беру себя в руки. Стараюсь скрыть волнение, укладываю в портфель бумаги, ранее выложенные на стол. Делаю это медленно, чтобы собраться с мыслями. В кабинете стоит торжествующее молчание, все смотрят на меня. Я встаю. искусственно улыбаюсь. Потом слышу свой собственный голос: "Вы плохо знаете журналистов "Комсомольской правды", товарищи. Не такие мы простаки. Еще вчера вечером я снял фотокопию с документа, она у меня в портфеле. Но делать здесь мне больше нечего!" - и направляюсь к дверям кабинета. "Да что вы, что вы! - кричит председатель. - Мы пошутили! Товарищ корреспондент, вот он акт, пожалуйста!" Акт у меня в руках. И совещание продолжает работу...

Я чуть было не проиграл. Почему? Плохо продумал тактику. Мне бы хоть на секунду предположить, что возможно подобное, и я действительно снял бы фотокопию со злополучного документа.

Однако описанная ситуация влечет за собой еще один вывод. Тактический просчет журналиста не трагедия. как бы драматически ни выглядела картина. В конце концов обошелся бы я и без этого акта: доказательств неправомерной деятельности приемщиков зданий было достаточно, поскольку поиск шел в правильном направлении. А вот просчет стратегический грозит замыслу в целом.

Это и потеря всех доказательств, и невозможность докопаться до истины.

Методы. Из-под пера журналиста могут выходить два типа материалов: критические и положительные. Впрочем, деление это весьма условное, хотя бы потому, что положительные очерки нередко содержат элементы критики, критические - элементы позитивные, а с некоторого времени родилась формула

"критика положительным примером". Я уж не говорю о том, что даже "чистая"

критика не должна бить наотмашь, особенно тогда, когда мы ищем причины негативных явлений, ставим проблему, рассматриваем ее со всех сторон.

И тем не менее, говоря о методах сбора материала, я каждый раз буду

акцентировать внимание на том, какой материал имеется в виду: позитивный или

негативный. На стратегической задаче это обстоятельство почти не

сказывается, но с тактикой и поведением журналиста происходят, мне кажется,

некоторые метаморфозы.

Так, например, собирая материал с намерением "хвалить", мы,

естественно, оказываемся в ситуации, при которой чувствуем себя желанными

гостями тех, к кому являемся, а они становятся гостеприимными хозяевами.

Подобная психология сносит коррективы в общие принципы нашего поведения.

По-человечески теплея, мы позволяем себе расслабиться и расковаться: можем

пойти в гости к герою, с кем-то пооткровенничать, короче говоря, жить по

законам, не нами установленным. Однако при этом журналисту не стоит

забывать, что и позитивный материал не всем одинаково нравится. что и к

положительному герою может быть разное отношение ни в коем случае нельзя

терять над собой контроль.

"Доводим до вашего сведения, что ваш корреспондент такого-то числа во

столько-то часов распивал с таким-то спиртные напитки..." - письмо такого

содержания обычно приходит в редакцию раньше, чем журналист возвращается из

командировки. И если факт подкреплён доказательствами, у корреспондента

немедленно возникают всякого рода сложности с опубликованием даже

положительного материала. Мы очень уязвимы, несмотря на кажущуюся

защищенность, и поэтому должны бояться ничтожнейшего подрыва нашей

репутации, не давать к этому поводов. Ведь самое обидное, что одновременно с

нами становится уязвимым уже написанный и подготовленный к печати материал.

именно по этой причине лично я в поездках никогда и ни с кем не бражничаю,

не братаюсь, не пью, вожу с собой тубик с валидолом, как охранную грамоту, и

если особенно наседают, демонстрирую валидол, со значением потирая сердце, -

впечатляет.

При сборе положительного материала решительным образом облегчается

возможность участвовать в событиях, а не идти по их следам; писать изнутри, а не описывать снаружи. Сбывается извечная мечта журналиста: лично испытать, испробовать, увидеть, убедиться. Собираешь, положим, материал о работе водолаза, и тебе предоставляют возможность спуститься с героем на дно. Пишешь о пожарниках и терпеливо ждешь, когда у них будет реальное дело, на которое тебя непременно возьмут. Занимаешься со следователем, врачом, сталеваром, поваром, летчиком-испытателем, рыболовом и видишь их "при исполнении". Личное участие журналиста в событии в какой-то мере даже компенсирует недостатки его воображения. Во всяком случае, это, по моему, куда плодотворней, нежели со сверхвоображением шагать за своим героем по опустевшему полю боя.

Мне рассказывали, как однажды работникам чешского телевидения понадобилось снять небольшой документальный фильм о диспетчере шахты. Они приехали, наладили аппаратуру, установили свет, проверили экспозицию и начали снимать. Чувствуют, ничего не получается, хоть сворачивай съемку. Сидит диспетчер перед пультом в белой сорочке, в черном костюме и при галстуке, весь из себя значительный и, к сожалению, "неживой". И вдруг на пульте замигали аварийные лампочки, завывла сирена, заметались стрелки. Что случилось? В шахте на путях пропала вагонетка с двумя шахтерами. Какой уж тут фильм. если диспетчер отвечает за жизнь людей! В одно мгновение он сбросил с себя пиджак, свернул на бок галстук, вспотел, начал кричать в микрофоны. поднял на ноги поисковую группу. срывающимся голосом доложил руководству о пропаже, короче говоря. стал работать, а не позировать. И получился превосходный фильм. Все бы в этой истории было "мимо нас", если бы не одно существенное обстоятельство: вагонетку с двумя шахтерами "украли" работники телевидения, разумеется, не без согласия руководства.

Организовать событие, дабы увидеть героев в деле и полнее раскрыть их характеры, - задача для нас вполне реальная, если мы приехали "хвалить". Со спокойной душой мы рассказываем о своих замыслах, рассчитывая на помощь и понимание хозяев. А если еще удастся освободить их от подозрений, будто бы за легальной целью спрятана какая-то нелегальная, то вообще никаких

проволочек в работе.

Когда ж речь идет о сборе негативного материала, дело значительно осложняется. Мы оказываемся либо в состоянии войны, либо "вооруженного нейтралитета", но всегда в полной боевой готовности, и то же происходит с нашими хозяевами и "героями", которых, как видите, я вынужден на этот раз взять в кавычки.

Рассмотрим несколько ситуаций. Каждая из них влечет за собой применение своего метода сбора материала.

Ситуация первая. Начну с примера. Как-то в редакцию пришло письмо, в котором рассказывалось о секретаре райкома комсомола - человеке, десять лет проработавшем на одном месте и в одной должности. Автор письма, кстати анонимный, приложил множество фактов, свидетельствующих о деградации секретаря: взятки, присвоение государственных средств, зазнайство, пьянки, разврат. Разумеется, при этом крахом шла комсомольская работа в районе, отчетность была "липовой", а на тысячи состоящих на учете комсомольцев триста давно выбыли, но сохранялись для вида.

Ехать "в лоб" по такому письму неосторожно, бессмысленно. Только заикнешься о цели приезда, как разоблачительные и компрометирующие документы могут быть спрятаны или уничтожены, свидетели "предупреждены", то есть помехи в сборе материала окажутся решающими.

Что делать? Ответ напрашивается сам собой: найти прикрытие, какую-то версию, с которой можно явиться в район, не вызывая особых подозрений, а затем относительно спокойно "выйти" на факты, сообщенные в письме. Подобным прикрытием может быть, к примеру, кампания с обменом комсомольских билетов. Естественно ли выглядит желание корреспондента оказаться именно в том районе, где работает опытный, с десятилетним стажем, секретарь, чтобы написать о ходе обмена документов? Естественно. Логично ли будет, "наткнувшись" во время работы на "мертвых душ", через них "ввинтиться" в главную тему? Логично. А пока журналист "наткнется", он успеет сориентироваться, наметить и закрепить на месте потенциальных обличителей секретаря, добыть какие-то документальные подтверждения его художеств и, возможно, даже найти автора анонимки. Затем, убедившись в справедливости

обвинений, он может "поднять забрало", а в случае если обвинения не подтверждаются, молча уехать домой. так и не раскрыв карт, чтобы никого не волновать и не тревожить.

Метод "с прикрытием" применим тогда, когда есть к тому серьезные основания, когда иначе журналист рискует вернуться в редакцию без материала. "Крышу" следует придумывать, мне кажется, заранее и с таким расчетом, чтобы она, с одной стороны. надежно закрывала главную цель приезда, а с другой - не препятствовала возможности ее достичь, больше того - облегчала выход на главную тему, да так естественно, чтобы окружающие не обижались на утайку от них основной задачи.

Возникает щепетильный вопрос: как быть с руководством, в нашем примере - с обкомом комсомола? Миновать его и сразу явиться на место - в район, перед светлые очи подозреваемого секретаря? Не исключаю этого варианта. Потому что обманывать областных комсомольских руководителей мы не в праве, да и какие у нас для этого основания? Но и правду говорить раньше времени, прежде всяких проверок, тоже не хочется, дабы напрасно не смущать. Но есть еще один выход из положения. который, думается. предпочтительней: явиться с визитом вежливости, весьма приблизительно очертить круг тем, которые могут интересовать журналиста в "свободной" поездке по области, и, уходя, оговорить возможность более обстоятельного разговора на обратном пути, что, кстати, непременно следовало бы сделать, собрав материал о злополучном секретаре.

Ситуация вторая. В 1962 г., работая в "Экономической газете", я получил задание, продиктованное необычным обстоятельством: директор одного цементного завода запретил инженерам, рабочим и служащим предприятия читать один из номеров нашей газеты, распорядился снять его со стенда, расположенного на территории завода, изъял из заводской библиотеки и даже из личной подписки нескольких своих подчиненных. По всей вероятности, в этом номере "Экономической газеты" описывалось нечто, что соответствовало обстановке на заводе и не должно было, по мнению директора, будоражить умы людей. Обо всем этом сообщалось опять-таки в анонимном письме, в котором,

между прочим, еще говорилось, что дважды рабочие тайком вешали газету на стенд и дважды рассерженный директор приказывал ее снять.

Случай беспрецедентный. У меня не было особой перспективы описать его на страницах газеты из-за нетипичности, но разобраться в деле я был обязан, поскольку редакция не хотела оставлять событие непроясненным.

Каким же образом расследовать факт? Приехать и открыто попросить у директора объяснений, предъявив ему анонимку? А он возьмет и откажется. Мол,

все это клевета, ничего подобного не было. Чем опровергнуть? Искать

доказательства на стороне? У кого? Есть ли уверенность, что заводской

библиотекарь или сотрудник, из личной подписки которого была изъята

"Экономическая газета", подтвердят сообщение анонимщика? Если факт

действительно имел место, он - красноречивое свидетельство неблагополучной

атмосферы на заводе, отношения к критике, вернее, ее зажима, и то

обстоятельство, что вопиющий "запрет" излагался не в открытом, а в анонимном

письме в редакцию, лишний раз подтверждало бесперспективность поисков

доказательств на стороне. А придумывать "крышу" тоже вроде бы не имело

смысла, поскольку "ввинчиваться" в событие было трудно и долго, а времени

мне отпустили всего два дня.

Короче, я рискнул использовать метод "глупее глупого" (отнюдь не

убежден в точности его названия). Пришел к директору. дал ему прочитать

анонимку и сказал, что во всей происшедшей истории редакцию волнует прежде

всего проблема директорского авторитета. Мол, распоряжение изъять газету

исходило, вероятно, из каких-то существенных соображений - кто же посмел не

подчиниться директору, поставить под сомнение верность его приказа? Кто

вешал газету на стенд вопреки его указанию? Что за личность решила

жаловаться в редакцию? И так далее и все на тему: авторитет руководителя и

способы его поддержания.

Не исключаю, что директор подумал: ну и корреспондент - ума палата!

Однако на что я рассчитывал? На то, что, если директор действительно наложил

"запрет" на центральную газету, он не должен быть умным и тогда "клюнет" на

мой метод. Если же директор умный человек, он ни когда бы не вынес подобного

"запрета", факт, таким образом не подтвердился бы и мы оба посмеялись бы над

письмом анонимщика и над моим нелепым "ходом"?

Дальше все было, как по нотам: директор "клюнул". Я позволил себе быть глупее его, он в это поверил. В течение получаса мною были получены все необходимые сведения: из каких соображений был отдан приказ изъять газету, как отнеслась к распоряжению заводская общественность, кто проявил "высокую сознательность", а кто не проявил, какие личности подозреваются в тайном вывешивании газеты на стенды и даже кто может быть автором ректор сопровождал рефреном на тему: как тяжело поддерживать авторитет руководителя!

Дело было сделано. Несмотря на нетипичность примера. он позволяет сформулировать следующий позитивный вывод. Сдержанность, деловитость во всем - в поступках, в проявления эмоций, в оценках и т. д. - вот, с моей точки зрения. главное оружие журналиста. Не надо торопиться с высказыванием своего понимания ситуации и проблемы, своих предположений и догадок, как бы они точны ни были. Куда полезнее большую часть времени проводить в командировке по принципу: все вокруг умницы, один я что-то не понимаю!

Ситуация третья. Явившись на место, мы тут же предъявляем повод, по которому приехали, излагаем всю сумму предполагаемых претензий и действуем открыто. Сразу скажу, что считаю этот метод принципиально правильным, и если угодно, универсальным - в том смысле, что какой бы путь мы ни избрали, собирая материал, заканчивать его должны с "открытым забралом".

Во-первых, открытость наших действий есть свидетельство уважения к праву "противника" на защиту.

Во-вторых, защищаясь, "противник" излагает свои доводы, и это толкает нас в поисках контрдоводов на более углубленное и всестороннее изучение проблемы. Стало быть, мы получаем дополнительную гарантию от предвзятости, а, убедив себя, тем легче убедим читателя.

В-третьих, "открытое забрало" рождает у людей ощущение справедливости, снимает излишки недоверия к журналистам, что очень важно для установления контактов с собеседниками.

В-четвертых, этот метод решительно облегчает выработку позитивной программы. Вживаясь в проблему, получая все доводы "за" и "против", начинаешь видеть не схему, а реальность, рожденную не злой волей отдельных

людей, а объективными причинами. И тогда можешь позволить себе критику любой остроты. тем более если убежден в неправоте своих "героев", искренне болеешь за дело, знаешь его суть и способен дать позитивную программу.

Наконец, в-пятых, по-человечески неприлично возвращаться домой, молча увозя в блокнотах обвинения в адрес людей - трудных или легких, работающих или бездельников, способных или бездарных, но никогда не врагов! Наши приемы работы должны быть непременно чистыми, честными, рыцарскими: обвинение да пусть будет брошено в лицо, и перчатка да пусть будет поднята!

Может ли информация, так щедро полученная от нас заинтересованными лицами, осложнить прохождение материала на газетную полосу? Да, может, если редакционное руководство не проявит должной стойкости и принципиальности в ответ на телефонные звонки и телеграммы, предупреждающие опубликование материала; если наше поведение в командировке не было безупречным; если наши очерки окажутся недостаточно убедительными и доказательными.

На этом я прерву перечисление ситуаций, каждая из которых требует своих методов сбора материала. Всех ситуаций все равно не перечислить и на любой случай рецепта не дать. Важно другое: понимание того, что журналист должен проявлять в командировке гибкость ума, чуткость к условиям, в которых он работает, разнообразность тактики, изобретательность в подходах, артистизм в исполнении - иными словами, весь свой талант, дабы в каждой конкретной ситуации найти оптимальное решение и обеспечить сбор материала. Однако выбор средств для достижения цели не должен быть ему безразличен хотел бы, чтобы эта мысль прозвучала громче остальных.

Завязываю по сему поводу несколько "узелков на память", уже не разделяя сбор материала на положительную и негативную темы.

1. Довольно часто нам приходится решать одновременно две, казалось бы, несовместимые задачи: с одной стороны, обеспечивать поток материала в наш блокнот, причем материала убедительного, и для этого вскрывать конфликты, сталкивать людей, заставляя их открыто себя проявлять, а с другой стороны, максимально охранять душевный покой людей, с которыми имеем дело, не допускать кривотолков, пресекать скороспелые "меры" со стороны руководства и для этого, говоря образно, не тревожить раньше времени поверхность "озера",

"не делать волн". Как быть? Чем жертвовать? То ли душевным покоем людей во имя качественного сбора материала, то ли сбором материала во имя покоя людей?

Полагаю, чисто теоретическое решение такой профессиональной коллизии отсутствует. Однако, думается, во имя дела, справедливости следует освобождаться от лишней, подчеркиваю - именно лишней, щепетильности и от избытка, подчеркиваю - именно от избытка, благородства. В этом смысле допускаю аналогию со следователем, который выясняет у родственников обстоятельства насильственной смерти близкого им человека: обязанный быть предельно тактичным, следователь тем не менее не освобождается от необходимости установить истину.

Все дело, таким образом, в степени нашей тактичности, корректности и чуткости. Она должна быть продиктована конкретной обстановкой, реальным состоянием коллектива, в недрах которого собирается материал, и особенностями характера отдельных его членов. Все это журналист обязан, по-моему, знать заранее, а на "заранее" всегда необходимо время. Стало быть, если без ханжества отвечать на поставленный вопрос, надо прийти к такому ответу: журналисту нельзя врываться в тему, в нее следует входить медленно и осторожно, часто оглядываясь по сторонам, останавливаясь и все примечая, строя работу по принципу "тише едешь - дальше будешь". Тогда он обеспечит и сбор материала без дополнительных помех, и покой окружающих, и нормальное прохождение очерка на газетную полосу.

2. Когда тема связана с острым конфликтом и разоблачениями, лучше, считаю, ехать в командировку не в одиночестве, а вдвоем или даже с бригадой. На худой конец, если редакция не в силах проявить щедрость, надо обращаться к помощи коллег из местных газет или людей совершенно посторонних, при молчаливом участии которых проводить все сложные и ответственные разговоры, - разумеется, с согласия собеседников.

Что это дает? Ведь с одинаковым успехом можно опровергать как одного журналиста, так и в паре с другим и даже целую бригаду! Если человек надумает отказаться от своих слов. какая, казалось бы, разница, в чьем присутствии они произносились? Ан нет! - есть разница. Участие "немого"

свидетеля психологически воздействует на собеседника, помогает ему говорить правду, дает уверенность в том, что его позиция не будет искажена, и феноменальным образом мешает впоследствии отказаться от того, что он говорил. Почему так происходит - пусть объясняют специалисты-психологи, но факт остается фактом. Кстати сказать, на этом же держится институт понятых, в присутствии которых следственные работники проводят, положим, обыски: и для обыскиваемых, и для производящих обыск понятой - человек посторонний, незнакомый, и тем не менее его присутствие магически воздействует на участников процедуры, как бы гарантируя соблюдение закона "со всех сторон". Добавлю к сказанному: я заметил, что вера журналисту в его собственной редакции также значительно возрастает, если он действовал в командировке "при свидетеле".

И еще следует помнить, что наши "свидетели" - газетчики, работники прокуратуры или бухгалтеры - являются людьми "местными". Мы уедем, а они останутся! И наивно полагать, что их участие в сборе негативного материала вызовет любовь со стороны "потерпевших" и местного руководства. Стало быть, привлекая к работе таких товарищей, мы обязаны брать на свои плечи всю ответственность за их дальнейшую судьбу. Гарантировать защиту. Если в том будет необходимость. Иначе мы не вправе обращаться к "местным" за помощью.

3. А как быть, если собеседник требует сохранения в тайне разговора с журналистом, если он говорит "не для печати"? Я бы ответил на вопрос так. В принципе решать "для печати" или "не для печати" должен не собеседник, а журналист. Мы не заставляем людей говорить, и, уж коли они открыли рот, тем самым лишили себя права требовать от журналиста молчания. Тем более, если речь идет о вещах, имеющих общественный интерес. Разумеется, из правила могут быть сделаны исключения. Вот уж воистину "не для печати" интимные стороны жизни собеседника, его сугубо личные отношения с людьми, не вызывающие общественного интереса.

Другое дело - сохранение в тайне самой процедуры разговора. Тут мы, по-видимому, полностью во власти наших собеседников, больше того, предвосхищая их желание, сами должны обеспечивать условия для нормальной

беседы. Многие люди не умеют разговаривать в чьем-то присутствии, особенно в присутствии своих руководителей, даже если вовсе не намерены кого-либо разоблачать. Хвалить в глаза тоже небольшая радость. Для того, чтобы почувствовать себя раскованным, стать откровенным и непосредственным. ожить, внести в разговор нечто личное, родить мысль, выразить ее собственными, а не чужими словами - для всего этого собеседник должен остаться с журналистом наедине.

Стало быть, для работы нам необходимо отдельное помещение. Я не стесняюсь просить его у руководителей и не помню случая отказа, хотя и понимаю, что просьба вызывает подозрение и заставляет нервничать. Бывает даже так, что собеседник, едва покинувший журналиста, тут же приглашается в кабинет своего начальника для "допроса с пристрастием". И это все же лучше, чем "зажатый" разговор при участии вполне благожелательно настроенного руководителя.

4. Собирая материал, особенно негативный, я заранее составляю список лиц, встреча с которыми обязательна. Не нужна, а именно формально обязательна, хотя вовсе не исключаю совпадения в одном случае и нужности, и обязательности встречи. Это необходимо для того, чтобы будущая статья не подвергалась рекламации по относительно формальной, но, увы, всегда серьезной и принимаемой руководителями газеты причине, типа: "Ваш корреспондент не встретился с человеком, рекомендованным нами для прояснения ситуации!" и т. д.

Убежден, лучше не пожалеть в командировке нескольких часов, чем тратить потом дни, недели и месяцы на трудные объяснения по поводу того, почему "не встретился", "не прояснил" и "не выслушал". Тем более что такое наше поведение, особенно при сборе негативного материала, действительно неправомерно и справедливо оценивается как предвзятость.

Спасаясь от рекламации, с одной стороны, и обеспечивая всесторонность ознакомления с проблемой - с другой, я обычно предлагаю "героям" собственноручно составлять списки своих защитников и заранее предупредить меня о "врагах", да еще с указанием причин, по которым они стали "врагами". Затем добросовестно опрашиваю всех. Картина как на ладони. Реализовано право

"героя" на защиту. А будущая публикация обеспечена непробиваемыми доказательствами, приведенными со всех сторон.

Теперь о "визитах вежливости". Мы, полагаю, обязаны их делать, посещая руководителей коллективов и прочих ответственных товарищей, которые - среди журналистов нередко бытует именно такое мнение - всегда "защищают честь мундира". стараются "замазать или сгладить" картину и не желают "выносить сор из избы". Так это или не так - вопрос особый, не хочу касаться его мимоходом, он заслуживает весьма серьезного изучения. Но сейчас о другом: об абсолютной неприемлемости подобного априорного отношения к руководителям коллективов. Стоя на такой "платформе", мы обрекаем себя на дополнительные трудности при сборе материала. Да, нас могут любить или не любить, но с нами всегда считаются. Почему же мы, контактируя с руководящими работниками, должны априори исходить из недоверия к ним, а не наоборот? Надо, думаю, всеми силами стремиться к тому, чтобы превратить формальный "визит вежливости" в беседу по существу, которая даст полезную информацию, государственный взгляд на проблему, умную мысль, дельное соображение, реалистический подход. Я уж не говорю о том, что бесценность такой информации сочетается с величайшим моральным облегчением, которое мы получаем, поговорив с толковым и объективно настроенным руководителем, освободившись от предвзятого, несправедливого к нему отношения.

5. Бывает и так. что герой по каким-то причинам не желает быть героем, не хочет с нами говорить и объясняться. Настаивать или нет? Вопрос очень сложный, в каждом конкретном случае решаемый, вероятно, самостоятельно.

Если от беседы уклоняется положительный герой, я никогда его не принуждаю, пока не выясню причин отказа. В них, в этих причинах, может скрываться и какая-то существенная деталь, индивидуализирующая героя, и черта его характера, и даже тема, которую мы, нащупав, не должны упускать.

Так случилось с А. Черняевым, токарем завода "Красное Сормово". Он был всеми признанным передовиком, давал в месяц 200 нормо-часов вместо положенных 150, взял обязательство выполнить пятилетку за три с половиной года. Портрет Черняева постоянно висел на Доске почета, и мне совершенно

официально рекомендовали его в качестве героя материала. И вдруг Черняев выразил – цитирую по очерку³² – "искреннее недоумение по поводу того, что он должен быть героем статьи. Скромность? Да, безусловно. Человеческие качества Черняева были высокой пробы и мешали ему считать себя "достойным", хотя другие в его достоинствах не сомневались. Однако помимо скромности я увидел еще откровенное смущение. Было похоже, что не товарищей стеснялся Черняев, а самого себя. Какой-то внутренний конфликт терзал его душу..." Какой же? Я принялся настойчиво выяснять и в конце концов узнал, что Черняев мог давать ежемесячно не 200 нормо-часов, а порядка 500, но не давал, потому что его искусственно сдерживали! "В этом и кроется. – написал я потом в очерке, – секрет его смущения. Фактически, беря обязательство, он закрепил своей подписью то, что делал без подписи. Он как бы констатировал тот факт, что был хорошим рабочим, и торжественно обещал остаться им в будущем. Тоже немало! И все-таки недостаточно для душевного покоя Черняева. "Неудобный" вопрос возникал у него, как сейчас он возникает у читателя: ударничество – это сохранение человека в прежнем, пусть даже превосходном качестве или непреходящий его рост? Старший мастер участка Владимир Сергеевич откровенно сказал: "И до обязательства, и после Черняев на пахаря не походил. Как работал, так и работает". Портреты, красочные графики, президиумы, слеты – все это вдруг обрушилось на Черняева. а он искренне не понимал: за что? За одну только подпись?.."

Возникла тема, тема "пороха", который находится, увы, в "пороховницах", почему-то не используется предприятием, рождая нравственные издержки даже у таких прекрасных рабочих, как А. Черняев, – и все это стало понятно мне, когда я попытался выяснить причины его отказа быть героем материала. Потом по моей просьбе его просто-напросто обязали сесть передо мной на стул, а уж как мне удалось разговаривать Александра – вопрос особый. я еще вернусь к нему.

Хуже дело, когда отказ поступает от отрицательного героя или человека, с ним связанного. Тут даже "обязывать" невозможно: будет молчать! И между прочим, имеет на это полное право. В таких случаях я не настаиваю на

разговоре. Иногда позволяю себе "по-хорошему" заметить: мол, товарищ, наша беседа скорее в ваших, чем в моих интересах, и вы, а не я должны искать наших встреч. Писать, мол, я все равно буду, и, если вы не пожелаете сегодня воспользоваться своим правом на защиту, завтра рискуете опоздать!

Действует. Не всегда, но довольно часто. А почему? Представим себе на мгновение: к нам является корреспондент центральной газеты. чтобы разобраться в наших не очень приятных делах. Чисто психологически наш первый порыв - если не оправдаться. особенно в тех случаях, когда это сделать трудно, то отказаться от встречи, от разговора. Конечно, это глупо. Однако порыв-то естественный! И дело здесь вовсе не в примитивном страхе. Люди примиряются с наказанием, если знают, что оно заработано. Их страшат журналистское преувеличение, предвзятость, способные привести к незаслуженному, несправедливому наказанию, которое по сумме "грехов" как раз не следует.

Стало быть, одно из двух: или еще больше насторожить героя, сказав ему, что все равно мы будем писать, и он, сейчас не защитившись, потом никогда не оправдается, или попытаться снять его недоверие к нам, честно выложить всю сумму претензий, попросить список лиц, способных его защитить или смягчить вину, и гарантировать нашу объективность при сборе материала. И тогда он пойдет на разговор, если подчинится здравому смыслу.

Я сказал "одно из двух", хотя, конечно, жизнь богаче, она может свергнуть нас в самые различные ситуации, для выхода из которых придется пользоваться, положим, синтезом двух указанных способов или придумывать третий, четвертый, пятый - им нет числа.

б. В командировках мы часто попадаем под гласный или негласный надзор наших хозяев, точнее сказать, под их "опеку", то ли из соображений гостеприимства, о чем я уже говорил, то ли из соображений превентивных, то есть предупреждающих неожиданные ситуации. Мы ходим, работаем, едим в столовой вместе с "гидом" - человеком, как правило, милым и добрым, специально прикомандированным к нам руководителями коллектива. Так происходит и в тех случаях, когда мы собираем негативный материал, и в тех, когда позитивный. А вдруг нас кто-то невзначай обидит? А вдруг нам что-то

понадобится оперативно? А вдруг кто-то скажет нам "лишнее" - а где этого

"лишнего" не бывает? - и еще много всевозможных "а вдруг".

Что делать? Ведь работать нам при всей симпатичности "гида" в его присутствии очень трудно: ни откровенного вопроса задать герою, не поставив его в неловкое положение, ни откровенного ответа получить, ни посмотреть "что хочется", ни отказаться от смотрин того, "чего не хочется", а у "гида", как правило, своя программа...

Так вот я никогда не протестую и никогда не возмущаюсь, боясь обидеть своих хозяев, вызвать у них ненужные подозрения. недоверие к себе, неприязнь, которые очень осложняют работу. Зато на собственном опыте убедился: смирение журналиста приводит к тому, что хозяева скоро к нему привыкают. Люди на производствах, право же, все заняты, бездельников мало, а если и есть таковые, пригодные для роли "гида", то и у них личных забот по горло. Короче говоря. через какое-то время "гид", извинившись, исчезает, и мы оказываемся предоставленными сами себе.

Когда я приехал на "Красное Сормово", то в первый день, знакомясь с заводом, я был "сам-пят", на второй день - с единственным "гидом", и то лишь до середины дня, а вечером, гуляя по заводской территории, даже ухитрился заблудиться. Зато на третий день о моем существовании вообще забыли, я всласть работал, стараясь напоминать о себе только в крайних случаях.

Впрочем, если ситуация складывается сложно, и тема острая, и забрало мы подняли, тогда, по-моему, надо решительно потребовать у руководства предоставления журналисту самостоятельности. Обычно такого рода требования немедленно выполняются, и от гласной опеки не остается и следа. Но чье-то "ухо" нас все равно слышит, чей-то "глаз" постоянно видит, и забывать об этом категорически нельзя. Журналистика - довольно вредное производство. Учитывая это обстоятельство, мы должны пить молочко, и только молочко, чтобы спокойно работать в любых реально существующих условиях.

Вот, пожалуй, и все "узелки", которые я считаю необходимым завязать себе на память.

Техника. От техники сбора материала, проще говоря. от того, как мы работаем, зависит, полагаю, качество идущей в блокнот информации. Если журналист неряшлив, теряет, забывает, опаздывает или просто бездельничает на

глазах у людей, возникает всеобщее ощущение его несерьезности, необязательности и неважности дела, во имя которого он приехал. И те, с кем он общается в процессе сбора материала, оказываются перед дилеммой: сказать ли правду или соврать, дать истинный документ или липовый, явиться на беседу или не явиться, исполнить просьбу или пренебречь?

Дилемма, как известно, содержит два взаимоисключающих понятия, из которых надо выбрать одно. И это "одно" может быть не в пользу журналиста. Стало быть, нельзя давать ни малейшего повода думать, что наша работа не важна и не обязательна. Для того чтобы командировка привела к положительному результату, мы просто обязаны личным примером демонстрировать окружающим нашу четкость, собранность и серьезность, при этом решительно требовать того же от других. Это, мне кажется, единственное наше правомерное и всем понятное требование: не отдельного номера в гостинице, а прихода собеседника вовремя, не судака по-польски в рабочей столовой, а перепечатки нужного нам документа, не билета в местный театр, да еще в директорскую ложу, а рабочего кабинета для встреч с людьми, не проводов на вокзале с букетом цветов, а исполнения данных нам обещаний собрать актив, вызвать людей, пригласить специалистов.

У меня вошло в правило заранее составлять список лиц, с которыми намерен разговаривать завтра, с пометкой где и когда. Этот список своевременно передаю руководителям коллективов. Перед каждой встречей стараюсь подготовить план беседы, дабы обеспечить содержательность разговора, сэкономить свое и чужое время. Постоянно слежу за общим ходом сбора материала. то есть стремлюсь видеть не только составные проблемы, но и проблему в целом, для чего периодически "отхожу назад", как делают художники, чтобы оценить исполнение общего замысла: что есть, что упущено. что следует прорисовать четче, что можно сохранить так, от чего следует отказаться.

Здесь возникает один попутный вопрос, имеющий практическое значение: что лучше – перебрать материал или недобрать? По всей вероятности, это дело сугубо личное, поскольку одни любят плавать в море подробностей, не боясь

утонуть, а другие из-за неумения плавать предпочитают брод. Но что правильной? А. М. Горький писал в свое время Г. Фишу: "Нужно немножко недосказывать, предоставлять читателю право шевелить мозгом, - так он лучше поймет, большему научится"³³. Исходя из этой мысли, следует ли считать, что недобор материала и обеспечивает недосказанность? Казалось бы, если журналист недобирает, он сам, как вышеупомянутый читатель, получает возможность "шевелить мозгами", лучше понять и большему научиться? Наконец, его опыт, эрудиция и ассоциативность мышления не только компенсируют недособранность материала, но и, казалось бы, оттолкнувшись от нее, получают простор для проявления? Однако, с другой стороны, чтобы недосказывать читателю, надо знать, что ты недосказываешь, следовательно, собирать все-таки больше того, что намерен изложить.

Так что же предпочесть? Думается, в любых случаях не надо насиловать индивидуальность. Форменное несчастье наступает тогда, когда любитель брода оказывается с головой в подробностях, а умеющий плавать вынужден брести в материале по шиколотки. Лично я предпочитаю недобор, поскольку искренне уверен: жизненный опыт и фантазия в какой-то мере компенсируют пробелы. Однако на практике всегда перебираю материал, а потом мучительно и трудно расстаюсь с "излишками".

Вероятно, наш окончательный вывод должен содержать призыв к тому, чтобы мы в случае недобора материала умели компенсировать его своим опытом, знаниями и фантазией, а в случае перебора - сдерживать себя, "наступать на горло собственной песне".

И наконец, последнее. Для обеспечения четкости и ясности в работе нам нужно уметь систематизировать набираемый материал "на ходу". Это, конечно, возможно, когда мы имеем концепцию и точно знаем, чего хотим.

В чем практически выражается систематизация? Я, например, беседуя с героем, пытаюсь сразу же осмыслить отдельные куски разговора. Беседа, как правило, течет свободно, герой не заботится о последовательности (но это и не его забота), он говорит и о прошлом, и о будущем, перескакивает с одного аспекта на другой, вспоминает людей, участвующих в конфликте, разные случаи. Но я, ведя запись в блокноте, стараюсь хотя бы озаглавить составные его

рассказа. Примерно по такой схеме: "сторонники героя", "позиция противников", "Развитие конфликта", "герой как личность", "позитивная программа" – короче говоря, по схеме, вытекающей из концепции. Заголовки пишу на маленьких полях, специально оставляемых в блокноте, напротив соответствующей записи беседы. Вечером в гостинице, бросив взгляд на все "позитивные программы" или все "позиции противников", я относительно легко представляю себе состоятельность своей схемы на данный конкретный момент работы, ее сильные и слабые стороны и могу прикинуть, что еще надо дособрать, допроверить и додумать. Наконец, вернувшись в редакцию и приступив к написанию очерка, я решительно облегчаю себе окончательную обработку материала продумыванием логики повествования и всей конструкции очерка.

По черновикам классиков, писал В. Шкловский, видно, что уже в первоначальных набросках они разрабатывают сюжеты³⁴. "Первоначальным наброском" для журналиста является, полагаю, кроме концепции еще блокнот с записью бесед, и надо стремиться к тому, чтобы в этих записях уже были заметны наши "сюжеты".

Читатель, вероятно, обратил внимание на то, что я постоянно тяготею к "во-первых", "во-вторых", "в-третьих" и, говоря о мастерстве журналиста, раскладываю его "по полочкам". Увы, это так. Хотя почему, собственно, "увы"? Разумеется, жизнь богаче, сложнее и запутаннее любых наших классификаций, и не мы для нее конструируем "полочки", а она нам командует, сколько их и какие следует создать, для чего и когда. Но и вместе с тем нам нужно, если мы журналисты-профессионалы, готовясь к встрече с действительностью, заранее все продумать и рассчитать, запастись по возможности не только строительным материалом для будущих "полочек", но и целыми готовыми блоками, при этом без всякого стеснения и без боязни быть обвиненными в излишней расчетливости.

ИСКУССТВО БЕСЕДЫ

Принципиальные полжения. Всегда можно встретить журналистов, которые идут к собеседнику главным образом за фактом, цифрой, результатом. Типичная картина – человек с блокнотом, задающий вопросы: "На сколько процентов вы

перевыполнили план второго квартала? А третьего? Кто вам оказывал помощь? А кто мешал? Ваши обязательства на будущее?" и т.д. Не уловив духа времени, не оценив современных задач публицистики, не почувствовав качественно новых возможностей своих и читательских, иные журналисты все еще наполняют блокноты цифрами и результатами.

Кто говорит, что это плохо или не нужно? Речь о том, что этого мало и недостаточно. Обилие фактов и цифр в статьях создает лишь видимость публицистичности, но истинная публицистичность заложена, мне кажется, в том, чтобы вести читателя путем наших размышлений по поводу фактов и цифр.

Мы не только летописцы своего времени, не только регистраторы событий. Нам отведена более сложная и почетная роль - помощников партии в деле формирования общественного мнения. Нам дана возможность активно вторгаться в действительность. И коли это так, то задачам, перед нами поставленным, должна соответствовать и методология нашей работы. Встречаясь с собеседником, журналист должен знать, что спросить, потому что собеседнику есть что ответить. Истинный газетчик обязан идти к собеседнику, во-первых, с мыслью, и, во-вторых, за мыслью.

Таково, мне кажется, наше первое принципиальное положение.

Провозгласив его, мы тут же должны признать, что для выполнения задачи на высоком профессиональном уровне, для обеспечения нормального сбора материала нам необходимо четко представлять себе, каким образом, с помощью какой системы вопросов мы надеемся получить в блокнот мысли собеседника - следовательно, располагать набором методов, средств и приемов, облегчающих людям возможность думать и говорить. Детальный разбор этих методов и приемов нам еще предстоит, а пока скажу главное: только та, полагаю, беседа плодотворна, которая основана как минимум на интересе к ней собеседника. И это второе принципиальное положение.

Действительно, если мы, журналисты, можем позволить себе вопрос по обязанности, то ответ получим только при добровольном желании собеседника. А чем, кроме как интересом к беседе, это желание вызывается? Пробудить его - наша профессиональная задача. И для того чтобы успешно ее решить, сами журналисты как личности должны быть прежде всего интересны своим собеседникам.

Таково, по-моему, третье принципиальное положение.

Журналисту надо немало знать, во многом разбираться, всегда быть "в курсе", аккумулировать уйму различных сведений, уметь ими пользоваться, обладать подвижным мышлением, сообразительностью - все эти качества, некогда провозглашенные абстрактно, выходят сейчас на вполне осязаемую "прямую".

Как и актеры, журналисты за одну свою жизнь проживают множество чужих жизней, потому что о чем только им не приходится писать! Одно это обстоятельство дарит им завидное отличие от других профессий, которое легко становится преимуществом. Для любого инженера, врача, физика, плотника, космонавта и зверолова мы, журналисты, - люди "со стороны", люди "свежие", но никогда при этом не "чужие". Как ни экзотична какая-нибудь профессия. а журналистика кажется еще более экзотичной хотя бы потому, что мы "и с угольщиками, и с королями", как говорил В. Шекспир.

Как же не использовать в работе этот "природный интерес" к журналистике, который только и остается подтвердить нашим действительным, а не мнимым содержанием, нашей реальной, а не мифической способностью быть нужными, полезными людям. Мы еще блокнота не вынули, еще рта не раскрыли, вопроса не задали, а к нам уже есть неподдельный интерес собеседника! Не погасить его, поддержать - вот, собственно, и "вся задача".

Это четвертое принципиальное положение.

Перехожу к последнему - пятому. Кто не заметил, что людям свойственно исповедоваться - откровенно говорить о жизни? Это естественное человеческое желание можно реализовать в разговорах с родственниками, друзьями или знакомыми, но далеко не всегда получается "исповедь", потому что жизнь устроена сложно и не способствует прояснению истинных отношений даже между самыми близкими людьми, живущими под одной крышей. Носит человек в душе любовь или ненависть и может всю жизнь проносить, никогда не выявив их, не облегчив себе душу.

Говорить с человеком "со стороны" порой легче: в психологическом и социальном смысле он как бы отстранен от исповедующегося, он вроде и не чужой, но и не свой, ему скажешь - как отдашь, однако при этом не потеряешь. Не то, что родственник, говоря с которым надо думать, что отдавать, а что придерживать и как бы его не обидеть, не осложнить ему и себе существование,

не перегрузить лишними заботами - короче, множество privходящих мотивов мешают откровенному разговору. И совершенно чужой сосед в купе поезда дальнего следования - это тоже "другое". С ним откровенничать одно удовольствие, но выйдет он ночью на маленькой станции, растворится во тьме, и вся твоя исповедь пропала, и горе ненадолго облегчено, и радость не поровну разделена. А человек так устроен, что ему мало высказаться - он

хочет быть услышанным, хочет доброго участия, совета, помощи, сочувствия. Многие журналисты могут припомнить "исповеди", ими услышанные.

Припомнив, они непременно скажут, что откровенные разговоры получались только в тех случаях, когда люди им верили, ни секунды не сомневаясь в их высокой человеческой порядочности, в доброте их намерений, в их способности доверять и доверяться. Стало быть, чтобы помочь людям реализовать естественную потребность в откровенном разговоре, журналист должен быть человеком в высоком смысле этого слова.

И это, я полагаю, последнее, пятое принципиальное положение.

Технология. Рецептов, как говорить с людьми, нет. Есть только опыт, но на чужом опыте строиться - как на земле, взятой в аренду. И тем не менее, призвав читателя к осторожности, изложу свои приемы работы.

Кому-то из великих принадлежит мысль: человеку дано всего два года, чтобы научиться говорить, и целая жизнь, чтобы научиться слушать. Не правда ли, это вроде про нас? Хоть бери и пиши на журналистском знамени: истинный критерий профессионализма! Мол, если ты постиг наисложнейшее умение слушать - ты состоялся как журналист, не постиг - учись, когда-нибудь постигнешь и состоишься. Так вот я с большим сомнением отношусь к этому критерию. Потому что жизнь меня убедила: нет более верного способа разбудить интерес человека к беседе, чем собственная разговорчивость. Еще мой отец, надеясь на то, что Анатолий будет журналистом, говорил: "Идешь на первое интервью, не давай собеседнику рта раскрыть! Во второй вечер уже можешь не только говорить, но и слушать, и вот тогда разговор выйдет", Действительно, позже я убедился: в тех случаях, когда я первым заговаривал и первым раскрывался, я мог рассчитывать на взаимность собеседника. Когда же прибегал к нелегкому умению слушать, беседа не клеилась.

О чем же говорить нам, журналистам, при первой встрече? Думается, если коротко, то о жизни. Важно начать, и начать естественно, ни в коем случае не подыгрывая собеседнику, не примеривая к нему свое настроение, не боясь опростоволоситься, не следя за выражением его глаз, - говорить только о том, что действительно волнует, смешит, тревожит, что занимает наш мозг в данный конкретный момент. Можно начать с жалобы на нелегкую журналистскую жизнь, с того, что надоело мотаться по командировкам, если и вправду надоело; или начать с города, в котором живет собеседник, со своих впечатлений о нем; или пофилософствовать о погоде, которая определенно взбесилась, потому что зимой поливает нас дождем, а летом вдруг посыпает снегом; или припомнить последнюю работу в кино В. М. Шукшина; с рыбной ловли на мормышку; с разницы между "Жигулями" и "Москвичом-412" - одним словом, с чего угодно, но вовсе не для того, чтобы поразить собеседника энциклопедичностью своих знаний. а для того, чтобы раскрыть ему себя, свое состояние, свое отношение к жизни, свою мысль, действительно гвоздем сидящую в голове. В конце концов можно начать даже с объяснения своей корреспондентской задачи. не скрывая при этом сомнений, если они есть, в возможности ее выполнить.

Это не должен быть монолог, его необходимо переводить в беседу, но не торопясь, без насилия над собеседником. Пусть он с недоумением смотрит на журналиста и даже выскажется вслух: мол, извините, но вы действительно корреспондент? Почему же тогда не спрашиваете?! "А нынче, - надо ответить, - все наоборот. Нынче больной приходит к врачу и сам рассказывает, чем он болен и как надо лечиться". "Вот это точно!" - обрадованно поддержит собеседник, и только с этого мгновения, быть может, и возникнет долгожданный контакт, почувствовав который журналист наконец переведет дух.

В беседе должны принимать участие не манекены, а нормальные люди, журналисту надо уметь проявлять в себе "человеческое". Разумеется, он может позволить себе "разговорчивость" лишь при условии психологической раскованности, при убежденности в том, что интеллектуально по крайней мере равен собеседнику. Однако всегда ли есть такая уверенность? А ну, как мы беседуем с академиком? Или просто с заведомо умным человеком, например со

старым, умудренным опытом рабочим, который видит нас насквозь? И как быть с перепадом знаний. как правило, реально ощутимым, когда журналист встречается и говорит с представителями различных профессий? Нам никогда не стать физиками, беседуя с академиком Г. Н. Флеровым, не постигнуть всех тонкостей кладки кирпича, говоря с Н. С. Злобиным, то есть решительно невозможно "на равных" полемизировать почти с любым собеседником, что, кстати сказать, естественно. Однако как же избавить себя и собеседника от ощущения неловкости, которое непременно возникает в процессе разговора? Как сохранить достоинство, если в глазах героя ты по знаниям его "ремесла" профан?

В 1964 г. я напросился в командировку к физикам Дубны: группа академика Флерова открыла 104-й элемент таблицы Менделеева. Помню, когда я приехал и явился в приемную Г. Н. Флерова, там уже была дюжина корреспондентов. Стоя в живой очереди, я с ужасом наблюдал, что происходит. Журналисты входили в кабинет академика, получали от него уже отпечатанный текст, написанный научным обозревателем ТАСС, и ровно через пять минут возвращались назад. Не скажу, чтобы уж очень довольные, но и не сильно опечаленные.

"Что делать?" - мучительно думал я, все ближе продвигаясь к дверям. - Как привлечь внимание академика, чтобы получить для газеты хоть несколько "лишних" слов? Очередь неумолимо двигалась, и вот передо мной распахнулась дверь. Я вошел. Г. Н. Флеров сидел за письменным столом и довольно мило улыбался. Стопкой лежали отпечатанные на гектографе тассовские тексты, я их сразу заметил. "Присядьте", - сказал Флеров. Я представился. Сел. "Мне нравится ваша газета. Если вас интересуют подробности открытия, прошу!" - и академик протянул мне сообщение ТАСС. "Простите, а сколько человек в группе авторов*" - спросил я сдавленным голосом. "Там написано", - ответил Г. Н. Флеров.

И все! Я мог со спокойной совестью ретироваться. В школе мои знания по физике выше "тройки" не котировались. Между мною и академиком лежала пропасть. Однако выход, как известно, надо искать на дне отчаяния! И я сказал: "Только один вопрос, Георгий Николаевич! - Академик кивнул. - Скажите, почему вы атом рисуете кружочком. а не ромбиком или запятой?" - и

показал на доску, висящую за спиной Г. Н. Флерова, а он тоже посмотрел на доску, испещренную формулами, потом на меня, и на лице его появилась снисходительная улыбка врача-психиатра, имеющего дело с необратимо больным человеком. Он сказал: "Почему кружочком? А так удобней, вот почему! Берешь и прямо так и пишешь - кружочек!" - Позвольте, - сказал я, - но запятую легче рисовать!" - Вы думаете? - заметил Г. Н. Флеров и на листочке бумаги нарисовал сначала кружочек, а потом запятую. - Пожалуй, - согласился он. - В таком случае по аналогии, вероятно, с планетарной системой..." В его голосе уже не было ни снисходительности, ни даже уверенности. Он определенно задумался! "Помните, - сказал он, - как у Брюсова? И может, эти электроны - миры, где пять материков... Хотя. конечно, аналогия с планетарной системой не вполне корректна, поскольку атом не круглый. скорее всего эллипсообразный, но даже этого никто не знает. Хм! Почему же мы рисуем его кружочком?" Он встал, прошелся по кабинету и нажал кнопку звонка. Вошла секретарша. "Попросите ко мне Оганесяна, Друина и Лобанова, - сказал Г. Н. Флеров. - И еще Перелыгина!"

Через несколько минут его соавторы по открытию явились. Академик хитро поглядел на них, а потом сказал мне: "А ну-ка повторите им свой вопрос!" Я повторил. "Товарищи, - сказал я, - почему вы атом рисуете кружочком, а не ромбиком, крестиком или параллелепипедом?" И у них сначала появилось на лице нечто похожее на улыбку врача-психиатра, однако минут через десять они уже яростно спорили, забыв обо мне. Им было интересно!

Вечером, приглашенный Г. Н. Флеровым, я сидел у него дома в коттедже, потом побывал в лаборатории, излазил весь циклотрон, перезнакомился с девятью авторами открытия, задержался в Дубне на целый месяц и написал в итоге не информацию в газету и даже не статью, а документальную повесть.

С тех пор, защищаясь от "знающих" собеседников, пользуюсь самым безотказным оружием: открыто признаю свое незнание. Это кажется мне достойнее и полезнее, чем скрывать невежество. А если мое признание удастся сделать в форме, вызывающей интерес собеседника или по крайней мере его улыбку, я могу считать себя победителем.

Представим себе, журналисту некто говорит во время беседы: "Эх, хорошо

бы вам, товарищ корреспондент, зайти в наш ОКС! Вы бы наверняка убедились, что...", и журналист не перебивает, не спрашивает, что такое ОКС, а строчит в своем блокноте, полагая, что потом как-нибудь выяснит, сейчас вроде был неловко обнажать незнание. А собеседник между тем уже перечисляет недостатки этого загадочного ОКСа, принципы его работы и собственные предложения. как его перестроить. Увы, журналист полностью отключен от плодотворной беседы, он автомат, механически записывающий каждое слово говорящего. Всего лишь секундное малодушие помешало ему узнать, что ОКС - это отдел капитального строительства. Сколько дельных вопросов умерло, не родившись, сколько толковых ответов и мыслей прошло мимо блокнота, сколько умного содержания выпало из разговора! Когда все это наверстывать?

Нет, я не боюсь заявить собеседнику даже в том случае, если что-то и понимаю в предмете разговора: "Прошу вас, считайте меня первоклашкой". Потому что, если мне будет предельно ясно объяснено существо дела, я с большим успехом смогу рассказать о нем читателю.

Ю. Тынянов, выступая однажды перед учеными и журналистами, собравшимися в одной аудитории, говорил о том, что если ученых что-то и тянет к журналистам, так это скорее всего дилетантизм последних. "Во всем, Фелица, я невежда, но на меня весь свет похож..." - напомнил Тынянов знаменитую строку Державина.

Мы, журналисты, действительно чаще дилетанты, чем знатоки, и по сравнению с нашими собеседниками воистину невежды. Но на нас действительно "весь свет похож"! Чего же стесняться? Тем более что именно мы, и никто, кроме нас, и вряд ли кто лучше нас способен рассказать "всему свету" о богатствах, лежащих в закромах замечательных собеседников. Стало быть, негоже нам скрывать свое незнание, уж коли мы претендуем на роль посредников между людьми знающими и "всем светом". Нам расскажут - мы расскажем, мы поймем - и все поймут!

И все же искусство беседы - дело до такой степени индивидуальное, что давать излишне категорический совет очень опасно, тем более в журналистике, особенно богатой на самые различные ситуации.

Так, например, возможны случаи, при которых как раз необходимо

"притворство знанием", точнее говоря. журналисту следует сделать вид, что он уже информирован, хотя на самом деле - нет. "Вы конечно, слышали о нашей неприятности с кронштейнами?" - сказал мне между прочим собеседник. когда я собирал материал на "Красном Сормове". Я был бы любителем, а не профессионалом, если бы сделал большие глаза и ответил: "Первый раз слышу!" Тогда бы я действительно услышал об этой неприятности в первый и последний раз, потому что собеседник немедленно прикусил бы язык. Но я спокойно подтвердил: "Конечно, конечно..." - и даже изобразил на лице элементы сочувствия. Хотя язык собеседника полностью не развязался, но и не был прикушен. А позже, имея весьма скудное представление о неприятностях с кронштейнами, сидя в другом кабинете и беседуя с другим человеком. я мог легко и ненавязчиво оперировать небольшими своими знаниями, надеясь на то. что они обогатятся. "По всей вероятности, - сказал я, - получилось то же, что и с этими злополучными кронштейнами?" Тут уж новый собеседник не скрыл удивления: "Вы уже информированы?! На второй день пребывания?! Откуда?!" - "На то мы и журналисты", - улыбнулся я. "Надо же! - сказал собеседник. - у нас комиссия неделю работала, да так и уехала, ничего не узнав про кронштейны. И слава богу, потому что неприятность, как вы знаете, грошевая, а протокол - принципиальный..." Блокнот трещал от записей.

Следовательно, с одной стороны, не надо, думается, скрывать незнание, а с другой - полезно делать вид, что знаешь больше того, что рассказал собеседник. Вполне диалектично, потому что главный вывод оттого и называется "главным", что лежит за пределами конкретных ситуаций: надо проявлять гибкость ума!

Разговор с каждым без исключения собеседником я продумываю заранее и также заранее в блокноте, на отдельном листочке, под номерами и в логической последовательности выписываю сведения, которые намерен и надеюсь получить в процессе беседы. Положим:

Такие-то биографические данные.

Мнение о таком-то человеке.

Подробный рассказ об эпизоде, происшедшем тогда-то.

Размышления о таком-то явлении в местном масштабе и вообще.

Предложения, позитивная программа и т. д.

Затем придумываю и, придумав, тоже записываю конкретные вопросы, с помощью которых надеюсь получить сведения.

Разумеется, для этого мне нужно заранее представлять собеседника и знать его возможности. Знаком ли он с человеком, который меня интересует?

Был ли свидетелем нужного мне эпизода? Способен ли размышлять о явлении? Не

бессмысленно ли говорить с ним о позитивной программе? Наконец, какой он по

натуре: горячий, спокойный, умный, веселый, злой, благодушный.

самолюбивый,

воспитанный? – от всего этого зависит качество и характер вопросов, которые

я должен ему задать.

Значит, еще до беседы надо проделать какую-то работу, дабы "проявить"

будущего собеседника. Не могу не вспомнить в связи с этим одного человека,

которого без преувеличения знали все московские журналисты, – М. Розова. Я

познакомился с ним двадцать лет назад, когда работал в журнале "Юный

техник", главным редактором которого был В. Н. Болховитинов; и если М. Розов

в ту пору уже добрался до нас, стало быть. вся газетная и журнальная

иерархия Москвы была им пройдена. Так вот, он был слесарем, ходил с авоськой

в руках, набитой бумагами, и носил с собой идею "рембригад". "Десять услуг

за одну!" – был его лозунг, который он решительным образом пропагандировал и

пробивал. При жэках, говорил Розов, должны быть созданы на общественных

началах бригады из жильцов, представителей разных профессий: стекольщиков,

полотеров, сантехников, плотников, электромонтеров и прочих умельцев. Семье

плотника нужно натереть пол? – пожалуйста, полотер к их услугам.

Вставить

стекло? – стекольщик. исправить унитаз? – сантехник и т. д. Но если кому-то

понадобится плотник, он тоже обязан сделать "услугу". И получается десять

услуг за одну! Такова примерно идея Розова. но я рассказал о ремонтных

бригадах попутно, главное же – метод, с помощью которого идея

пропагандировалась. Сам М. Розов назвал его "методом отбора кадров", но

открыл это название много позже, лет через десять, когда уже стал совершенно

седым, забросил слесарничество, надел белую рубашку с галстуком, заменил

авоську на большой желтый портфель из свиной кожи и профессионально занялся

пропагандой своих "рембригад".

Что же это за метод? Явившись в "Юный техник", Розов не пошел сразу к главному редактору. а постучался ко мне, рядовому литсотруднику. Просидев со мной два или три часа, не пожалев ни времени, ни доводов, ни эмоций, он полностью убедил меня в верности идеи, а абсолютной жизненной необходимости "рембригад", без которых я уже не представлял себе дальнейшего существования. Затем он взял меня за руку и сказал: "Теперь веди к своему непосредственному начальнику". Моими "непосредственным" был И. Лаговский, заведующий отделом "Юного техника", и мы пошли к нему. Розов чувствовал себя спокойно и уверенно, потому что знал: сейчас Лаговский его выслушает, потом спросит мое мнение, а я уже полностью принадлежу Розову. Через полчаса мы уже втроем - Розов, Лаговский и я - сидели в кабинете у заместителя главного редактора М. В. Хвастунова. В каких-то десять минут мы "отобрали" Хвастунова у Болховитинова, и, когда пришли к главному редактору, он был "без войска".

По какой далекой аналогии я вспомнил "метод отбора кадров", говоря о том, что надо собирать сведения о людях, с которыми мы намерены беседовать, не знаю. Во всяком случае с кем бы я ни разговаривал, стоит мне вспомнить М. Розова, как я начинаю интересоваться людьми, которых знает мой собеседник. но с которыми мне только предстоит встретиться. "Вы упомянули, - говорю я. - Петрова. Это который играет на кларнете?" - Что вы! - мягко отвечает собеседник. - Он, как женился, сразу бросил". - "Чего так?" - Да жена его в клубе работает, они там и познакомились, и характер у нее - ох, ревнивый! Однажды из-за кларнета у них история вышла..." - только успевай открыть заслонку: водопад сведений! И в блокнот рядом с фамилией Петрова, с которым еще предстоит разговор, ложатся данные, дающие возможность построить беседу с ним в верном ключе.

Ну а если человек является для разговора сам, без приглашения? Или когда беседа возникает спонтанно и нет сведений? Даже в этих случаях я не тороплюсь. Задаю для начала несколько ознакомительных вопросов: где работает, к чему имеет отношение, кого из уже знакомых мне людей знает, какого мнения о последнем нашумевшем событии в городе - короче говоря,

стараюсь немного отодвинуть суть дела, по которому мы встретились. А иногда, извинившись, делаю паузу на пять - десять минут, чтобы сосредоточиться, сбросить с себя посторонние мысли и подумать о содержании предстоящего разговора.

У собеседника, мне кажется, всегда должно быть ощущение, что журналист не бродит в потемках, а точно знает, что ему нужно. Это ощущение обеспечивает успех.

Вопросы я стараюсь ставить так, чтобы они не были лобовыми. Потому что вопрос "в лоб" не требует от собеседника размышлений, и к тому же отвечать

на него не интересно. Положим, нужны некоторые биографические данные:

- Будьте любезны, расскажите свою биографию.

- Я родился 14 октября 1940 г. в селе Березовка, Ярцевского района.

Школу окончил в 1956 г. Затем поступил...

Скучно, никаких мыслей, собеседник поглядывает на часы. и этот взгляд не ускользает от внимания журналиста.

Другой вариант того же вопроса:

- Вспомните добрых людей, которые вам попадались в жизни, а потом и тех, кого лучше бы не вспоминать.

Тут уж собеседник вздохнет, и закурит, и сделает долгую паузу, и, я

убежден, начнет говорить, и все необходимые журналисту биографические

сведения окажутся в его рассказе:

- Был дед у нас в деревне, до самой смерти в лаптях проходил, хотя

вокруг уже на каблуках топали, но он из принципа: мол, город городом, а

деревня чтоб чистая была, незагрязненная. Так вот однажды - а я ведь не

городской. всего двенадцать лет как из села уехал, - случилось мне вернуться

в мою Березовку, в мой Ярцевский район, и около сельпо встречаю того деда...

Все, что относится к биографии человека, я никогда не собираю "от

рождения". Только, условно говоря, "рванным методом". А потом, если возникает

надобность, всегда можно соединить.

- Вам приходилось кого-либо спасать?

- Спасал ли кто-нибудь вас и от чего?

- Если вам снятся сны, какие преимущественно? Или по крайней мере

несколько раз повторявшиеся? А почему?

Ответ на любой из этих вопросов непременно потянет за собой сумму

биографических данных.

Еще пример не "лобового" вопроса собеседнику. Положим, надо получить

сведения о профессиональных заботах человека. Можно спросить:

- Расскажите, пожалуйста, как вы работаете.

- Да ничего работаю, - в девяносто девяти случаях из ста ответит собеседник. - Нормально. План на сто три даю, с качеством - не жалуются, заработок - сто восемьдесят без вычетов.

И все. Ни одной живой детали, ни мысли, ни чувства. И что дальше делать

журналисту - неизвестно, хоть заново повторять вопрос. Но можно и так:

- Давайте вместе сосчитаем, сколько шагов вы делаете за день работы?

- А зачем?

- Да, говорят, чем больше шагов мы делаем, тем лучше сердце работает!

Одним словом, считаем. И здесь будет все: куда шаги, зачем, и хорошо ли

это, плохо ли, и как отражается на плане, и не горит ли из-за шагов

качество, и стоит ли количество шагов увеличивать или сокращать, и как

зависит от них зарплата - вся картина профессиональной деятельности

собеседника налицо, а журналист уже не может его остановить.

Еще пример. Положим, мне нужно подсчитать бюджет собеседника, выяснить

его материальное положение. Так и можно задать вопрос:

"Расскажите,

пожалуйста, о своем материальном положении". Кто попробует из читателей

мысленно ответить на него, тот поймет, как сворачивает скулы от нашей

журналистской прямолинейности.

В очерке "Студент"³⁵ я обнажил прием, которым, кстати, пользуюсь

довольно часто: "В двадцать пять конвертов я мысленно вложил по десять тысяч

рублей новенькими купюрами, роздал конверты двадцати пяти студентам, словно

я Крез, и сказал: "Тратьте!" Игра игрой. но лишь двоим удалось разделаться

со всей суммой целиком, и то потому. что они догадались купить "Волги",

хотя, мне кажется, студенту больше подходит мотоцикл. Остальные моты и

транжиры, не использовав и половины денег, подняли руки вверх".

Вот как распорядился десятью тысячами мой главный герой, студент

четвертого курса радиофизфака Горьковского университета Лебедев: "Ни секунды

не медля он сказал: "Во-первых, я всем объявлю, что у меня есть шальные

деньги!" Это значит, весь курс получит приглашение на банкет в ресторан.

Затем Лебедев купил бы матери стиральную машину с центрифугой, отцу - "что

он пожелает", сделал бы подарки родственникам, а себе - книги. Потом поехал

бы в какую-нибудь страну, например во Францию, взяв с собой некую студентку

третьего курса. "Это обошлось бы в два раза дороже", - заметил я. "В три", -

спокойно поправил Лебедев, не дрогнув ни единым мускулом".

Добавлю от себя, чтобы особенно много не цитировать, что по ходу дела, тратя мифические деньги, мой герой полностью и безо всякого принуждения "раскрыл" свой гардероб. Это дало мне возможность написать потом в очерке, что, прожив в Горьком около месяца, я видел Лебедева в одном и том же костюме, в котором он ходил на занятия. валялся на кровати, если не замечала мать, и пошел бы в ресторан на банкет. Что у него еще было одно пальто цвета маренго, по поводу которого все та же "парижская" студентка сказала, что оно "ужасное", пара свитеров и, наконец, ботинки сорок пятого размера, про которые, очевидно, и поется в студенческой песне: "Мне до самой смерти хватит пары башмаков".

Главное, что дал этот прием, - вывод, который я мог сделать с предельной четкостью, суммируя все "траты": мои студенты - народ не меркантильный, но в то же время с явно заниженными потребностями. Я уж не говорю о том, что кроме гардероба и Лебедев, и его товарищи раскрывали передо мной свои характеры. свое отношение к "презренному металлу", свои жизненные планы и надежды. Множество живых человеческих деталей и подробностей, узнанных мной в процессе игры, нашли потом отражение в очерке. потому и называю я вопросы типа только что продемонстрированного "вопросами-кладами".

Таковыми же "кладами" можно считать вопросы ситуационные в отличие от статичных. Собственно говоря, игра с десятью тысячами рублей - типичный ситуационный вопрос: он ставит собеседника в положение, которое заставляет действовать, что-то предпринимать, забыв при этом, что сидишь в кабинете за столом перед журналистом, который пишет в блокноте.

- Скажите, если бы вас уволили с работы, что бы вы делали?

Первая реакция - буквальная: "Как это - уволили? За что? Когда? И кто?"

Дело свое собеседник знает, претензий к нему нет, на работу не опаздывает, скандалит редко и не без повода - недавно, например, поругался с таким-то из-за того-то, но наверху вроде бы разобрались, выводов не сделали...

"Ах, абстрактно? Ну если абстрактно, другой вопрос. Уволили бы, памятник бы им поставил!" Потому что истинное призвание собеседника совсем не то, чем он занимается, а сцена! Да-да, вот уже восемь лет играет в самодеятельном

оркестре народных инструментов на кларнете. Ушел бы наконец в профессионалы, и на душе было бы легче, и денег побольше...

- Если бы вам подарили лошадь?

- Лошадь?! А что, остроумно. Только где ее разместить? Квартира хоть и большая. но на пятом этаже и без лифта, да к тому же, говорят, лошадь вниз по лестнице ходить не умеет. Пришлось бы передарить тестю, он продал бы "Москвич", купил брочку и возил пассажиров от вокзала до рынка, у него эта черточка имеется, он клубнику разводит на продажу, недавно собаку отвез на дачу - сторожить...

- Если бы вам дали Государственную премию?

- А дали бы... она сколько, пять или десять?... Взял бы! Чего скрывать?

Поехал бы в командировку. как всегда, толкачом. и тут же тебе - номер в гостинице. Лауреат! А то приедешь, и первые три ночи спи в холле, на раскладушке. Последний раз даже в здание не пустили, а вымотался до предела.

Поручение было ответственное: план горел, поставка задерживалась, и директор сказал, что если не "толкнуть", предприятие останется без тринадцатой...

- Если бы вас заставляли бросить жену?

Хоровод мыслей у собеседника: а почему, собственно, ее надо бросать, кто может заставить? И поток сведений: когда и как познакомились, как замечательно живут, кому бы пришла идея их рассорить, по какой причине...

Живая жизнь! Попробуйте получить ее в журналистский блокнот, задавая статичные вопросы типа: "Ваше отношение к работе? Чем занимаются ваши родственники? Как у вас обстоит с честолюбием? Как относится жена к вашей профессии?"... Многие из этих вопросов, переведи их в статичный план, даже в голову не придут журналисту!

Я очень часто задаю собеседникам ситуационные вопросы. Вместо

"лобового": "Скажите, какой у вас вкус?" - и сам бы не стал отвечать на подобный вопрос, будь он мне задан! - спрашиваю: "Что бы вы подарили такому-то в день его рождения? А такому-то? Вместо: "Ваше отношение к вещам?" - говорю: "Скажите, если, не дай бог, случится у вас дома пожар и можно будет вынести только три вещи, что бы вы вынесли?" Собеседнику, как правило, даже интересно задуматься над тем, о чем он прежде никогда не думал. Он сам себя познает!

В пору, когда я работал над очерком "Остановите Малахова!", у меня

состоялся с главным героем, отбывающим наказание в колонии, такой разговор (цитирую по публикации):

" - Представь себе, - сказал я, - что ты маг-волшебник и тебе дается право совершить три любых чуда. Настройся, соберись с мыслями - и твори!

- А зачем?

- То есть как "зачем"? Неужто тебе не интересно помечтать?

- Да ведь все равно не исполнится.

- А вдруг?

Андрей задумался. Я с любопытством ждал, пытаюсь угадать диапазон его желаний: вероятно, от немедленного освобождения из колонии до всеобщего мира на земле?

- Тэ-э-эк, - сказал Андрей. - Три чуда, говорите? Любых? - Я сделал царский жест, означающий: чего душе угодно. Его глаза немного ожили, потом в

них появилось нечто плотоядное, и он потер руки. - Значит, так.

Перво-наперво я хочу полное государственное обеспечение до конца жизни: чтоб

квартира, чтоб деньги, дача, машина - чтоб все!

- Работать при том?

- Вы что?!

Я выглядел, наверное, большим чудаком, но не унимался:

- Тогда, может, учиться?

- Чему? Как тратить деньги? Ну, вы и скажете...

- Понял. Переходи ко второму чуду.

- Второе... - Он сделал интригующую паузу. - Пусть будет долговечье!

- Прекрасно. Кому, если не секрет?

- Как кому? Разве другим тоже можно? - Я пожал плечами, боясь спугнуть

его бушующий эгоизм: мол, ты волшебник, тебе и решать. И Андрей решил: -

Тогда еще бабе Ане: живи, сколько хочешь!

- А матери с отцом? - спросил я, но он не услышал вопроса.

- Над третьим чудом, - сказал Андрей, - буду думать. А то еще прогадаю.

- Я спрашиваю, отцу бы с матерью дал долговечье?

Он вновь "не услышал", и мне стало грустно: Малаховы получили то, что

сами вложили в сына.

- Третьим чудом будет - встретить хорошую девушку!

- Ну, вот и прогадал, - сказал я. - И так встретишь.

- Ой ли? - произнес Андрей с далеко не юношескими интонациями в голосе.

- Разве отец мать "встретил"? А баба Аня тоже, по-вашему, "встретила"?

Алкоголика-то? Не, тут без чуда не обойтись, уж я-то знаю!.."36

Вероятно, нет нужды подробно расшифровывать нашу беседу. И без того ясно: оказавшись в положении "мага-вошебника", Андрей ухитрился вложить в три "чуда" и яростный эгоизм, и трезвый расчет, и психологию потребителя, и

горький жизненный опыт, основанный на примере старших, и даже отплатил векселя, предъявленные ему в свое время родителями. К моменту нашей встречи он уже год сидел в колонии. Я думал, что новая жизнь успела хоть "разбавить" его старые представления, чуть изменить прежние взгляды, - но нет, заложенное еще в семье оказалось крепким и устойчивым.

Но более всего меня поразил вывод, с предельной отчетливостью вытекающий из второго "чуда" Андрея: Малаховы воспитали в своем доме чужого для себя ребенка, не пожелавшего им не то чтобы вечной, но даже долгой жизни. А казалось бы, "маг-волшебник", "три чуда" - игра!

"...Девять солдат науки, девять авторов, девять непохожих друг на друга человек; я говорил с каждым из них и каждого просил дать характеристику восьми остальным. Получилось, как в шахматном соревновании по круговой системе: каждый "сыграл" со всеми по одной партии. Я чувствовал, что все они испытывали при этом какую-то неловкость, но убедился в предельной справедливости и даже беспощадности их оценок. Они уважали друг друга, если не сказать больше, но больше я говорить не буду, потому что они не терпят сентиментальности. Если кто-то и отмечал в ком-то недостаток, то по сумме восьми характеристик этот недостаток либо смягчался, либо даже переходил в достоинство. "Упрям как осел", - сказал категорически один. "Упрям и упорен", - сказал другой. "Усидчив", - сказал третий. "Настойчив", - сказал четвертый. "Напорист", - сказал пятый. "Потянет любую работу", - сказал шестой. "С железным характером", - сказал седьмой. И последний закончил: "Ему можно доверить все!" Гамма красок, спектр оттенков..."37

Это кусочек из документальной повести "Взятие сто четвертого", посвященной физикам Дубны. Метод, условно называемый мной "шахматным турниром", хорош, когда собираешь материал о микроколлективах: заводской бригаде, экипаже самолета, соавторах открытия. театральной труппе, учебном классе и т. д. Короткие характеристики, взаимно розданные членами коллектива, дают мне, во-первых, те самые предварительные сведения о людях, с которыми впоследствии я веду разговоры, и, во-вторых, сами по себе

довольно часто используются в очерке при описании отношений внутри коллектива.

Но к краткой характеристике, так сказать, "назывной", я прибегаю только в "шахматных турнирах". Во всех прочих случаях добиваюсь расшифровки. Положим, мой Лебедев, характеризуя другого студента, сказал: "Он очень независимый, для него не существует авторитетов". - "Докажите!" - немедленно предложил я. "А как доказать?" - "Очень просто: начните свою характеристику со слова "однажды". Ведь если я напишу в очерке "независимый", читатель мне не поверит!" Лебедев, помню, задумался. "Ну, хорошо. Однажды он опоздал на лекцию и вошел в зал, когда триста человек уже писали, а лектор вещал. И тогда он, громко топая подкованными ботинками, прошептал на свое место. Годится?"

Слово "однажды" воспринимается мной как ключ к кладовой, где лежат прекрасные жизненные детали, лучшие доказательства любых характеристик.

Не могу исключить из техники разговора и вопрос-"провокацию" - по типу

"украденной" работниками чешского телевидения вагонетки с людьми.

Готовясь к

вопросу. беру лист бумаги, незаметно от собеседника пишу несколько слов,

затем переворачиваю написанное текстом вниз и говорю, не моргнув глазом:

"Скажите, это правда, что вы скряга?" Нет предела возмущению собеседника: "Я

скряга?! Да кто вам сказал такую глупость! Зайдите ко мне домой, посмотрите,

как я живу: у меня один костюм, а у детей - по три! Транзистор? - Есть! Жене

и дочери по батнику? - Мне не жалко! В театр? - Только в партер!

Зарплата? -

В серванте, который не запирается! В записке, вы не поверите, оставляю

пятерку! На работе скидываемся - никогда не считаю. Это, наверное, Сарычев

вам сказал, так я с ним из принципиальных соображений в компанию не вхожу:

он форменный алкоголик! Но чтоб я хоть раз кому на подарок или в долг не

дал... Вот Сарычеву - не дам!.."

Когда собеседник исчерпан, я прошу его перевернуть лист бумаги и

прочитать, что там написано: "Уважаемый имя-рек, не обижайтесь, никто мне о

вас плохо не говорил, это всего лишь журналистский прием". - "Ну даете! -

может сказать собеседник. - Выходит, у каждой профессии свои хитрости?"

И вообще спор как метод беседы. по-моему, чрезвычайно плодотворен. Я

никогда не тороплюсь согласиться с собеседником, даже если всей душой на его стороне. Он злится, негодует, поражается моему непониманию, растолковывает, приводит все новые и новые доказательства, нервничает - ничего: и ему, и мне надо потерпеть во имя общего дела. В конечном итоге все инциденты оказываются исчерпанными к обоюдному удовольствию

Верить или не верить собеседнику? Как определить, говорит ли он правду или вводит нас в заблуждение? Здесь, очевидно, многое зависит от нашей интуиции, от суммы сведений, которыми мы располагаем о собеседнике, от его внешнего вида и манеры говорить, от степени его независимости - набор данных, влияющих на уровень нашего доверия, вряд ли исчерпаем. Но принципиальное решение вопроса, мне кажется, не в этом перечне. Позволю себе рассказать историю, случившуюся однажды со мной и послужившую хорошим уроком.

Я работал тогда адвокатом и на первом же самостоятельном деле изрядно обжегся. Мне пришлось выступать в защиту восемнадцатилетней девушки, которую обвиняли в "покупке заведомо краденого" по статье 164 части II тогдашнего Уголовного кодекса. Как ее защищать я по молодости лет и совершеннейшей неопытности не представлял, поскольку вина моей подзащитной казалась явной: во дворе собственного дома она купила у мальчишек за четверть цены дамскую шубу. Коллеги говорили, что на суде мне надо "пять минут поплакать в жилетку", то есть "бить" на молодость подзащитной, на то, что преступление совершено ею в первый раз, и т. д. И вот в таком состоянии я поехал в тюрьму говорить с несчастной. Начал с откровенного вопроса: "Вы знали, что шуба краденая?" - "Клянусь вам, - ответила девушка, - я скорее умерла бы, чем купила, если бы знала!" От адвокатов у подзащитных не должно быть секретов. Я это знал, но понять, что может случиться иначе, мне суждено было позже.

Я тщательно готовился к слушанию дела: изучил материалы, придумал и продумал четкую линию защиты, выстроил под нее систему доказательств, а свою речь написал заранее. Я был готов к суду, как молодой летчик - к первому самостоятельному полету, врач - к первой в жизни операции, музыкант - к первому сольному концерту. то есть был собран, взволнован, не очень уверен в себе, но абсолютно уверен в невинности подзащитной.

Дальнейшее могло бы показаться читателю оригинальным вымыслом, если бы не друзья, коллеги и родственники, которые пришли слушать мою первую защитительную речь и на глазах у которых все случилось. Процесс сначала складывался удачно: я цепко допрашивал свидетелей, со скептической улыбкой слушал "убийственные" вопросы прокурора, нивелировал их своими контрвопросами, а потом мы говорили речи. У меня не было нужды заглядывать в конспект, я ораторствовал почти экспромтом и, как мне казалось, умно, горячо и, самое главное, убедительно. Закончил так: "Однажды в Голландии судили хлебопека за то, что он убил свою жену. Его признали виновным, приговорили к смерти, но после его казни выяснилось, что жена преспокойно живет в соседнем городе. С тех пор во всех судах Голландии учредили специальную должность "напоминателя". Когда судьи вставали, чтобы уйти в совещательную комнату, "напоминатель" громко произносил им вслед: "Помните о хлебопеке!" Я тоже говорю вам, товарищи судьи: "Помните о хлебопеке!" Мой голос, вероятно, звенел чистым, искренним звоном: "Помните о хлебопеке! Помните о том, что эта девушка невиновна!" И я сел под гробовое молчание потрясенного, как мне думалось, зала.

И тут послышался громкий плач. Рыдала моя подзащитная. К своему несчастью и к моему немалому изумлению она оказалась единственной из всех присутствующих, которая по достоинству оценила мою речь и глубоко ее почувствовала. И потому, рыдая, сквозь слезы воскликнула: "Я знала, знала, знала, что шуба краденая!"

Ей дали год лишения свободы. а я с тех пор очень боюсь быть убедительным в ущерб тем, кого защищаю. Кроме того, я понял, что единственный способ оградить себя от всяческих недоразумений - это исходить только из того, что подтверждается объективно. Как говорил один мудрый, опытный адвокат, "выслушай все стороны, взвесь обстоятельства, а потом еще раз их взвесь и приходи к выводу, что нужно вновь выслушать все стороны". Этот принцип, на мой взгляд, полезно было бы взять на вооружение журналистам.

Чем пользоваться газетчику: блокнотом, диктофоном или памятью? Дело, думаю, сугубо индивидуальное. Я, например, пользуюсь блокнотом. Не доверяю

своей памяти. Пишу сразу, параллельно рассказу собеседника, не стесняясь, иногда даже не поднимая на него глаз, если некогда. Способ, конечно, несовершенный, сковывающий собеседника. Но потом к нему привыкают. Я заметил: даже входят в ритм. Пишешь - собеседник говорит, прервался - и тут же он умолкает. В тех случаях, когда конкретный кусок рассказа мне не нужен, а сбивать собеседника с ритма вроде не удобно, я не перестаю писать в блокноте, но заполняю его описанием внешнего вида рассказчика, манерой говорить и прочим, что, кстати сказать, мы часто забываем фиксировать, а потом с великими трудностями восстанавливаем по памяти, если не теряем.

В блокнот есть возможность писать самое важное и самое главное. Можно сразу, по ходу записи, сортировать материал, производить первичную обработку. Память тоже это делает, но все же, согласитесь, с большими потерями. А диктофон в этом смысле туп. Но я против диктофона еще и потому, что он пугает, сковывает, настораживает собеседника больше, чем блокнот. От наших записей в крайнем случае собеседник всегда может "отпереться", а вот попробуй от пленки! Кроме того, журналист, пользующийся диктофоном, напоминает художника, рисующего натуру с цветных фотографий. Ведь пленка все равно нуждается в прослушивании и переписке, с нее очерки не сочиняют. Впрочем, кулик всегда хвалит свое болото, а как его хвалить, не ругая соседние? Диктофон - современное оружие современного журналиста, против научно-технического прогресса не пойдешь, каковы бы ни были твои симпатии.

Допускаю ситуацию, когда записывать невозможно: в пути, на ходу, на морозе. Делаю тогда в блокноте символические пометки типа закорючек, которые помогают впоследствии вспомнить и записать необходимое. Наконец, и собеседник далеко не всегда разрешает пользоваться авторучкой: как только вытащишь, мгновенно замолкает. В таких случаях я прибегаю к "уводу в сторону" и к "ложным записям" - методам, известным в журналистике и многими применяемым. Как правило, это бывает во время бесед с негативными героями.

Что значит "увод в сторону"? Положим, дело происходит на ферме, потенциальный герой - председатель колхоза. Идет разговор, блокнот и

авторучка спрятаны. Собеседник достаточно откровенен, руки у журналиста "чешутся". Дошли и в беседе, и в реальности до станка. где находится

корова-рекордистка. Вот тут-то и пришло время "уводить в сторону".

- Сколько она дает литров? А в прошлом году сколько давала? А сколько даст в будущем? Как ее зовут? Какова жирность молока? Спокойный у нее характер? - Короче говоря, уйма фактологических вопросов. И наконец: "Вы не возражаете, если я запишу?"

Собеседник, естественно, "не возражает", какие у него, собственно, основания противиться записи элементарных сведений, и журналист вынимает блокнот. Время от времени подбрасывая все новые вопросы фактологического характера, он преспокойно записывает и то, что несколько минут назад не внес в блокнот из-за решительного протеста собеседника.

Аналогичным образом можно "уводить в сторону" и начальника цеха ("Простите, на каком принципе действует этот станок?"), и тренера по гимнастике ("Какова технология переворота назад с доворотом на девяносто градусов?") и судью ("Объясните, пожалуйста, что такое дееспособность и презумпция невиновности?") и т. д.

Скажу в заключение, что, конечно, сколько журналистов. столько и методов работы. Однако я убедился: все молодые и начинающие газетчики работают в основном по-разному, а старые и опытные - одинаково, с небольшими отклонениями. Полагаю, это естественно: жизнь надиктовывает самый рациональный путь, и все мы рано или поздно на него выходим. Жаль только, если очень поздно.

ОБРАБОТКА МАТЕРИАЛА

Научный подход. Ну вот, кажется, все позади. Концепция, представим себе, подтвердилась. Запас мыслей не только не уменьшился, но и пополнился. На дне чемодана лежат блокноты с записями бесед. Журналист бросил последний взгляд на суетливый перрон, поплывший мимо вагона. Командировка окончена. Вот тут бы и родиться первому вздоху облегчения. Тут бы и наступить покою, явиться бы маленькому удовлетворению от проделанной нелегкой работы. Увы, все наоборот: именно сейчас журналист почему-то взволнован, его начинают обуревать сомнения и неуверенность. Он ощущает сумбур в голове и, как

человек, меняющий не груз, а только руку, его несущую, тяжело вздыхает.

Прошу простить повторение элементарной мысли о том, что сбор материала не начинается нашу работу и не венчает ее. Это всего лишь один из этапов журналистской деятельности, за которым следует очередной, и вовсе не механический, а тоже творческий этап обработки материала, что, к сожалению, далеко не все хорошо понимают.

Итак, нам нет передышки. Вернувшись домой, мы не сваливаем привезенный материал в стол в надежде на то, что он отлежится там, "успокоится" и только тогда пойдет в дело, - нет, без малейшего промедления мы продолжаем работу над ним. Прежде всего необходимо осмыслить и обработать материал. Что это значит? Это значит отобрать и систематизировать факты, цифры, собственные впечатления. Это значит подумать о композиции, сюжете, монтаже.

Не могу представить себе современного публициста, способного перешагнуть этот важнейший этап, умеющего сразу приступить к письму, да еще с желанием создать не "шедевр с поземкой". "...Словам надлежит подчиняться и идти следом за мыслями, а не наоборот..."³⁸ - еще в XVI в. писал Монтень. Если мы действительно хотим воздействовать на современного читателя, то должны вести его путем наших размышлений, для чего как минимум выстраивать факты логической последовательности, отражающей ход наших мыслей. Иными словами, думать надо! "В литературе, - говорил А. М. Горький, - идет та же самая работа, что и в науке"³⁹. Освобождение от этой работы я совершенно серьезно ассоциирую с освобождением от журналистики.

Для нас, мне кажется, так же важен монтаж, как он важен в кино и на телевидении.

Для нас так же важна композиция, как она важна для художников и композиторов.

Для нас так же важен сюжет, как он важен для беллетристов. Потому что сюжет - это не просто совокупность событий. но и средство познания действительности. способ раскрытия проблемы, раскрытия через действие, через сопоставление фактов и цифр, авторских впечатлений и ощущений, через противоречия между фактами, через анализ поступков героев - примерно так писал В. Шкловский в "Заметках о прозе русских классиков"⁴⁰. Мы вполне можем принять эти положения "на себя", поскольку современная художественная

документалистика живет по одним законам с поэзией, изобразительным искусством, кинематографией, беллетристикой, драматургией.

Л. Гинзбург, говоря о достоинствах нынешней документальной прозы, вспомнил "Третий рейх" К. Гейслера - книгу, как он сказал, целиком составленную из одних цитат, но выстроенных в соответствии с идейной концепцией автора, а потому воздействующей на читателя именно так, а не эдак⁴¹. Кто-нибудь сомневается еще в том, что сам отбор фактов уже есть позиция автора, что с помощью сюжета выражается мысль, суть проблемы, авторская направленность? Сомневается ли кто-нибудь в том, что авторская концепция, словно каркас здания, должна заполняться фактами-квартирами, внутреннюю планировку которых чрезвычайно важна?

"Искусство и гений (одаренность) заключается в том, чтобы найти все в самом своем сюжете и ничего не искать вне своего сюжета"⁴² - этими словами Вольтера я закончу доказательство того, что отбор и систематизация материала, приводящие к выстраиванию сюжета, внутри которого и следует искать все, и нам, журналистам, необходимы.

Система. Ну а практически как это делать? Я бы сказал: как угодно, лишь бы делать! Одни журналисты отбирают и систематизируют факты в уме, мысленно строят сюжеты, монтируют события, рисуют композицию. Так или иначе, а тратят на это время, отнюдь не считая его потерянным. Во-первых, потому что это не месяцы и не недели, а чаще всего часы. Во-вторых, потому, что отбор и систематизация материала органически переливаются в процесс написания, являясь по сути его началом, ничего не крадут у этого процесса, только дарят ему, и дарят щедро. Наконец, в-третьих, успех публикации, по-моему, куда чаще предопределяется обработкой материала, нежели слепым и случайным "попаданием" в цель, которую публикация предусматривает.

Другие журналисты, не доверяя собственной памяти, проводят эту работу письменно. Я отношусь к ним. Мой метод трудно кому-либо рекомендовать: он изнурителен и дотошен, и все же расскажу о нем для иллюстрации.

Прежде всего, вернувшись из командировки, я сажусь за машинку и решительным образом перепечатаваю блокноты. Во время этого делаю первую отбраковку материала. Больше в блокноты не заглядываю. Стало быть, то, что

осталось, неперепечатанным, погибает. Абсолютно уверен: шелуха. Однако я жаден, и многое из шелухи все же просачивается. "Все эти мелочи в высокой степени важны, - предупреждал в свое время А. М. Горький, - но надо суметь тщательно отобрать наиболее характерные"⁴³. Я не умею. Правда, впереди еще один фильтр, так что есть надежда.

Механически ли перепечатаваю блокноты? Нет, это был бы сизифов труд.

Одновременно с отбором фактов осуществляю их систематизацию.

Возьму для примера поездку в Калининград, где я собирал материал для очерка о работе универмага. Исписал три или четыре блокнота, точно не помню, дело было шесть лет назад, и блокноты не сохранились. Зато остался перепечатанный материал, который я называю "разработкой". Она содержит 69

страниц на машинке через один интервал. Факт, событие или эпизод, зафиксированный мной в блокноте, перепечатан с подзаголовком - своеобразной смысловой рубрикой. Всего их семнадцать. пять "личных", посвященных главной героине, молодой продавщице Галине Филимончик: "Черты биографии", "Материальное положение", "Мечты", "Характер", "Личная жизнь, интересы". Остальные двенадцать рубрик "общие", например: "Смысл работы продавщиц", "Психология", "Искусство торговать", "Фонд директора" и т. д. В разработке под одной рубрикой может скопиться в итоге три, пять, десять фактов или эпизодов, которые все вместе дают представление, например, о психологии продавщиц, или характере главной героини, или об условиях работы и отдыха девушек из универмага. Прочитую несколько кусочков из разработки, в точности скопировав манеру и внешний вид систематизации:

Психология. На мой вопрос, пошли бы девушки-продавщицы работать официантками, ответ был не то чтобы отрицательный - мол, все профессии хороши, но: "Вы знаете, как они считают?! Сорок и сорок - рупь сорок, рупь сорок и сорок - два сорок. Пиво пил? Пил. Бутылки бил? - Бил. Гони семь двадцать!"

Характер. Плакать Галина не любит: подушка, сказала, у меня сухая. Но горько бывает, и в таких случаях она не раскрывается, как другие, не призывает людей в свидетели, не ищет сочувствия, а, наоборот, замыкается, становится похожей на тот цветок, который от холода собирает лепестки и

"скукочивается", как она выразилась.

Взаимоотношения. Продащиц много, более ста пятидесяти человек, да еще текучка – в год шестьдесят новеньких. Всех не запомнишь. Во всяком случае по фамилиям. Девушки называют друг друга по именам, а для уточнения еще прибавляют отдел. Это звучит примерно так: "Да это Оля сказала, Мужская обувь!" Отдел добавляется даже не через тире и не в скобках, а рядом, до слуха доносится: "Таня Головные уборы", "Вера Стеклянная посуда", как у Ф.

Купера – Соколиный Глаз.

Черты биографии. Когда вспоминает Галина Сморгонь, перед глазами ее – домик родительский с небольшим садом, в котором цветут яблони (белый налив и ранет, антоновка почему-то в Сморгони не приживается), груши (знаменитая бэра, твердая и коричневая), поросенок в сарае да куры. Домик этот расположен не на окраине, а в самом центре города, у парка, и мимо него по улице проходит раз в полчаса автобус без номера, потому что зачем ему номер, если и без того все знают, что идет он от вокзала до больницы.

Искусство торговать. Знание товара – великая вещь! И при этом знание моды и покупателей. Придет, к примеру, на базу "грамотная" продавщица, и ей там "всучивают" белые женские замшевые туфли сорокового и даже сорок первого размера. Брать или не брать? Конечно, брать! Их за милую душу раскупят мальчишки-пижоны, только им для облегчения эту обувь надо поставить в мужской отдел.

Условия работы. "Жесткая у нас дисциплина, – сказала Валя Пташкина из парфюмерии. – Все восемь часов на ногах, даже сесть нельзя, когда нет покупателей, да и не на что садиться. А часовых в армии и то через каждые два часа сменяют..."

Искусство торговать. Обычно так: покупатель попросил – ему продали, не попросил – не продали. Разве это "мастерство"? Сделать план на дефиците и дурак сможет! К сожалению, учеба продавщиц идет под лозунгом: чего нельзя или не нужно делать. Нельзя ругаться с покупателем, нельзя излишне красить глаза и т. д. А что нужно, чтобы стать мастером дела? Увы, неизвестно. Хотя бы кто рассказал девушкам, что улыбка – не цель, а средство продать товар!

Взаимоотношения. Спрашиваю Тамару Хлопчатобумажные ткани, каково ее

мнение о подругах-продавщицах. Отвечает через паузу удивительно точными словами: "Каждая себя стоит".

Искусство торговать. Я так и спросил старшего мастера производственного обучения Тамару Ивановну Дидечко: "Откройте мне Тамара Ивановна, хоть один настоящий секрет торговли, который бы я не знал, поскольку я покупатель, а не продавец. Задумалась. Покачала головой. "Вроде бы, - сказал, - таких секретов нет". А жаль! Ведь в каждой профессии есть свои профессиональные секреты! У шоферов их - тыщи, у каменщиков - сотник, у парикмахеров - десятки, даже у писателей есть секреты мастерства"! А тут - торговля. можно сказать, искусство: они должны быть знатоками человеческих (покупательских) душ, психологами ораторами, воспитателями... Увы, Тамара Ивановна призналась мне, что тонкостей девочкам "не дает", а больше нажимает на "общие места": будьте культурными, будьте внимательными, отвечайте на вопросы. не грубите не сорите. Короче, наука торговли складывается из суммы заклинаний, а вот как их осуществить - неизвестно. Парадокс!

Но будет. Я открыл разработку на середине и прямо подряд процитировал эти куски. Из них в очерк, напечатанный в "Комсомольской правде" вошло, быть может, строк десять - двадцать, но не в этом дело: перепечатка блокнота - первая обработка материала. Главное, что эти кусочки, словно готовые кирпичики, только и ждут мгновения, чтобы их поставили на свое место в очерке. Разумеется, они еще сырые, но в роли полуфабриката вполне приемлемы.

Кроме того, разработка дает возможность "увидеть" весь материал, представить себе его основательность. Проглядев, положим, насквозь все эпизоды под рубрикой "Черты биографии" или все "Психологии", то есть мысленно сведя отдельные смысловые и тематические кусочки в единый большой кусок, я получаю возможность определить и "взвесить" направления будущего очерка, подобрать доказательства какой-то мысли, а потом подумать, нужны или нет самостоятельные главки. Была концепция, под которую я собирал материал, и что же? Концепция устояла? Теперь вижу: да.

Волнение улеглось. Сумбур прошел. Как рыба в воде, я купаюсь в материале, прекрасно его зная. Я почти готов писать. "Почти", потому что

факты и сведения еще не уложены в той логической последовательности, которая укрепляет авторскую позицию. В конце концов можно было бы принести в газету

разработку и положить на стол редакторам. Что бы они сказали, прочитав? –

"Материал есть, но он не организован". Как часто говорят нам в редакции эти

слова, даже когда мы приносим "готовые" очерки"! И как они роняют наш

авторитет! Чем, собственно, такие очерки отличаются от разработок? Да ничем!

Материал есть, но, увы, "не уложен". И мы начинаем "укладывать", по

два-три-четыре журналиста – сдать очерк "с первого предъявления". Разве это

невозможно? Для этого, думаю, необходимо еще одно действие: организация

материала по предварительно составленному плану.

Я понимаю, так трудно творческому человеку смириться с так называемой

холодной обработкой материала, предусматривающей составление плана будущего

очерка. Тем более что иные из нас, еще учась в средней школе, привыкли к

другому порядку: сначала писали сочинение, а потом по готовому тексту

кое-как "лепили" план. Однако подобное отношение к журналистской работе, мне

кажется, ошибочно, потому что облегчает возможность не думать, не

размышлять, не подчинять себя, а вместе с собой и читателя логике.

План – это веревочка, протянутая от замысла к воплощению. Держась за

нее, мы никуда не сбиваемся, шагаем уверенно к цели и ведем за собой

читателя самой короткой дорогой к тому, во имя чего пишем материал. А. М.

Горький говорил, имея в виду именно очерк: "...надо поставить себе

определенные рамки, нужно иметь какой-то чертеж, ясно представлять себе

форму того, что хочешь сделать"⁴⁴. Как же иначе можно сдавать материал

"с первого предъявления"?

Но я прервусь, потому что чувствую: еще чуть-чуть – и в моем голосе

появятся угрожающие нотки, мол, без составления плана не видать журналисту

того, сего, пятого и десятого, – и это было бы несправедливо. Многие

газетчики прекрасно работают без "холодной обработки", работают легко и

просто, а достигают даже большего, чем "плановики". Вот бы, кстати, хорошо и

им поделиться своим опытом, чтобы молодые журналисты, примерив оба костюма,

взяли вноску тот, что по плечу и по характеру! Я нашел у Горького такое

признание: "Плана никогда не делаю, план создается сам собою в процессе работы, его вырабатывают сами герои. Нахожу, что действующим лицам нельзя подсказывать, как они должны вести себя"⁴⁵. Однако Горькому принадлежат и такие слова: "В общих чертах план, конечно, есть, я только не пишу его на бумаге"⁴⁶. Так или иначе, но окончательный вывод просится сам собой: журналист может работать и по плану, и без него, но только не насилуя собственную индивидуальность. Однако надо попробовать! Право же, не зря Гораций утверждал: "Когда суть дела обдумана заранее, слова приходят сами собой"⁴⁷.

На том и покончим с обработкой материала.

ПРОЦЕСС ПИСЬМА

Проблема первого абзаца. Представим себе: руки у журналиста уже чешутся, чернила кипят, бумага "стонет" от нетерпения, материал в истоме - можно писать! Однако начну с откровенного признания: ненавижу письменный стол! Для меня истинная мука сесть за него и взять в руки перо. От мысли, что рано или поздно придется это сделать, содрогаюсь, как от удара током. Какое счастье, что существует этап обработки материала: до письма еще вроде бы далеко, и можно заставить себя разобраться в блокнотах. Всего лишь почитать. Кое-что перепечатать. Чуть-чуть подумать. Самую малость...

Именно на этот период и приходится "раскачка". Постепенно втягиваясь, через час, через сутки или двое погружаешься в работу. и уже ничто не может оторвать тебя от некогда ненавистного письменного стола. Материал - как на ладони. План - крепкая веревочка к цели. Можно "строчить"!

И вот тут-то возникает пресловутая проблема первого абзаца. Танталовы муки! Уж очень редки случаи, когда первый абзац дается без боя, без трепки нервов, без сомнений и поисков, легко и естественно. Сколько иронически-грустных советов приходится выслушивать журналистам по этому поводу: "Что может быть проще: начинай сразу со второго абзаца!" "Пиши первый, потом второй, а первый спокойно вычеркивай!" и т. д. Помню, когда я был на военных сборах в авиационной школе и в один прекрасный день, как и мои товарищи, "вручил" свою жизнь кусочку мануфактуры, то есть парашюту, сам

инструктор серьезно сказал нам, уже готовым к прыжку и стоящим у самолета:

"Главное, без волнений. Если не откроется основной парашют, открывайте запасной. Не откроется запасной, тоже не беда: придете на склад, и вам обменяют оба".

Первый абзац довольно часто не "открывается".

Тому. полагаю, несколько причин, и прежде всего психологическая. Дело в том, что у иных молодых журналистов (как, впрочем, и у некоторых, уже вкусивших успех на газетном поприще) нередко возникает страх: а вдруг читатель, пробежав глазами первые строки очерка, отложит газету в сторону?

Видите ли, скучно ему покажется! Это значит - провал?! Не-е-ет, надо как-то

заставить его читать дальше! Взять за "живое"! Чем-нибудь ошарашить!

И начинаются мучительные поиски интригующего начала - мучительные, потому что они, как правило, совершенно не органичны теме очерка. Например: "Над городом уже спускались сумерки, когда вдруг странная тень мелькнула в свете уличного фонаря. Чей-то голос позвал: "Тонька, это ты?" И сердце Антонины сжалось от дурного предчувствия..." Написав такое, молодой журналист обычно ставит жгучее многоточие (за которым подчас скрывается не мысль, а безмыслие) и впадает в уныние: ах, плохо, ах, глупо, и все равно редактор сократит, и что-то надо взамен придумывать! А все потому, что героиня очерка "Тонька" - заводской рационализатор, передовая женщина, и торопится она домой после заседания БРИЗа, где принималось ее очередное рацпредложение, а дурное предчувствие у нее оттого, что муж опять будет ревновать к изобретателю Клейменову.

Еще пример: "Что вы наделали! - воскликнул Мохов, схватившись двумя руками за голову. - Теперь меня задавят!" И он, нетвердо ступая, пошел прочь..." Расшифровываю: Мохов - прораб, а "наделала" на его участке передовая бригада, выполнив норму на 140%, и теперь Мохова "задавят", увеличив производственный план очередного квартала.

И еще пример, последний: "Нет, просто не укладывается в голове, не могу поверить, что такое возможно, да еще в наше время, мне кажется, это сон, какое-то кошмарное наваждение, но это так, это случилось, от этого не уйти..." Что случилось?! Что не укладывается в голове журналиста? Что

кажется ему кошмарным наваждением, да еще "в наше время"?! Муж оставил жену

с ребенком и подал в суд на раздел жилплощади. Ни больше ни меньше.

Я мог бы бесконечно долго цитировать "жутко" интригующие начала

банальнейших по своей сути очерков, но довольно - тенденция обнажена.

Однако опытные и в некотором роде маститые журналисты, тоже

переболевшие в молодости "потрясными началами", спокойно отказываются от них

и при этом пользуются неизменным успехом у читателя. Они давно уже поняли,

что, во-первых, современный читатель если и "клюет" на интригу. то очень

скоро ее раскусывает, и тогда нет предела его раздражению. Они знают, кроме

того, что многие читают газетные материалы не с первого абзаца, а с подписи

и, если видят знакомую, уже зарекомендовавшую себя фамилию журналиста,

прочитывают все.

Наконец, в-третьих, опытные литераторы убедились, что все же есть нечто

способное мгновенно возбудить читательский интерес, - это свежая,

оригинальная или острая мысль, органически соответствующая теме

повествования, и информация, дающая повод для размышлений. Вот первые строки

нескольких произведений:

"Человечество не хочет жить без великих людей: в ту неделю, когда умер Микеланджело, родился Галилео Галилей (Я. Голованов. Этюды об ученых. М., 1970, с. 41);

"Наверное, не все мы представляем себе, что значит сейчас быть хорошим инженером. Чтобы договориться о таком, на первый взгляд элементарном определении, нужно кое-что еще выяснить. Прежде всего, какова роль инженера в нашем обществе?" (А. Смирнов-Черкезов. Связь вещей. М., 1970);

"Настоящий летчик-испытатель должен свободно летать на всем, что только может летать, и с некоторым трудом на том, что, вообще-то говоря, летать не может". Это изречение, давно ставшее в авиации классическим, принадлежит летчику-испытателю Сергею Александровичу Корзинщикову" (М. Галлай. Третье измерение. М., 1973, с. 9);

"...Древняя матросская поговорка: "Плавать по морю необходимо..."

Некогда море для человека было бесконечным, безбрежным, неясным и потому постоянно манящим: а что там дальше, за горизонтом? В далекие времена, когда никто еще не знал, что Земля - это шар, была отлита строка человеческой

мудрости. полностью поговорка пишется так: "Плавать по морю необходимо, жить не так уж необходимо". Глубина мысли состоит в том, что люди всегда дороже жизни ценили познание окружающего мира" (В. Песков. - "Комсомольская правда", 7 марта 1974 г.);

"Людей какой профессии больше всего на свете? Молва гласит: врачей. А вот статистика всех времен буквально вопиет против этого утверждения" (И. Зюжюкин. - "Комсомольская правда", 3 марта 1968 г.).

Обратите внимание, слова-то какие "скучные": "человечество", "роль инженера", "познание окружающего мира", "статистика", "утверждение"... Но не боятся авторы, не прибегают к мнимо спасительным "вдруг" и "однажды ночью" - спокойно и неторопливо развивают свои мысли, уверенные в том, что читателю не будет скучно и он дойдет до конца.

Хватит примеров. "У кого тощее тело, - писал Монтень, - тот напяливает на себя много одежек; у кого скудная мысль, тот раздувает ее словами"⁴⁸. Даже известные литераторы, уже имеющие в качестве визитной карточки имя, и то, думаю, сомневаются в том, что читатель навсегда ими завоеван. Имя не индульгенция на вечную и прочную читательскую любовь. Один безмысленный очерк, да еще с нелепым интригующим началом, потом второй, третий - и рассерженный читатель сделает переоценку ценностей. Пожизненно присваивается только худая слава, добрую надо постоянно подтверждать. Чем? Мыслью, а не интригующим началом, только мыслью!

Но вот, представим себе, что журналисты откажутся от борьбы за престиж, не будут завлекать читателя пустыми интригами, станут заботиться о содержании материалов, о наполнении их мыслями и информацией - что тогда? Проблема первого абзаца перестанет существовать? Нет, думаю, не перестанет. Потому что мы мучились, мучаемся и всегда будем мучиться в поисках верной тональности, которая как раз и зависит от первого абзаца. Любой очерк пишется в едином ключе, он не терпит случайной, неоправданной, заранее продуманной смены температур, он всегда однороден по стилю, по манере, по тональности. Она-то и закладывается на весь материал первым абзацем, этим черенком, который дает жизнь всему дереву. В первом абзаце, словно в живой

клетке, если рассматривать ее относительно всего организма, должен содержаться код, в котором были бы заложены главные свойства всего произведения.

Конечно, это дается нелегко, но с мучениями достойными, оправданными, не чета которым поиск "вдруг" и "однажды ночью". Здесь трудности совершенно другого рода: они обусловлены заботой об убедительности материала, об его доходчивости, о более сильном воздействии на читателя. Констатацию трудностей можно найти у многих литераторов, я нашел, к примеру, у А. М. Горького: "Труднее всего - начало, именно первая фраза. Она, как в музыке, дает тон всему произведению, и обыкновенно ее ищешь весьма долго"⁴⁹. А вот о том, как сократить время поиска, - ни слова. Вероятно, журналист должен сам почувствовать, какого звучания требует тема. Со стороны можно только сказать: угадал или не угадал.

Приведу несколько примеров из собственной практики. Мне и самому интересно посмотреть на себя с точки зрения моих возможностей искать тональность: никогда прежде об этом не думал.

Под рубриками "Социальный портрет" и "Человек среди людей" в "Комсомольской правде" некогда публиковались очерки-исследования - спокойные, в большей степени рассудочные, нежели эмоциональные, долженствующие с первых же строк вызывать у читателя задумчивое настроение. Задумчивое? Ну что ж, посмотрим...

Очерк "Семья Поляновых": "Начну с того, что каждая семья, конечно, лучше других понимает, какой ей сор выносить из избы, а какой нет. Дело это тонкое, чужой человек в нем не разберется. Будь он хоть семи пядей во лбу. Правда, иногда мы живем так, что соседи знают о нас больше, чем мы сами. Но одно дело - соседи, другое - читатель. Вот и ломай голову, как писать о Поляновых?"

Очерк "Студент": "Студент - состояние временное. Я тоже был студентом. Однако, ринувшись в вузовскую тематику, вдруг почувствовал смущение. Оказывается, современные студенты совсем не те, с которыми, я учился каких-нибудь пятнадцать лет назад. Стало быть, опираться на собственный опыт нельзя. Это - с одной стороны. С другой - я неожиданно убедился, что многие

нынешние вузовские проблемы, как две капли воды похожи на "наши".

Для контраста - очерк "Синяя борода" из Чебоксар" с таким началом:

"Руки за спину, уважаемый читатель: я буду знакомить вас с подлецом".

И еще одна тональность - в очерке "Обелиск". Повествование ведется от имени грустного человека, оставшегося в живых и вечно преданного памяти погибших товарищей:

"Он любил чай и сам ходил по воду с брезентовым ведром. Однажды, возвращаясь, он лез через бруствер, и осколок попал ему в грудь. Уже мертвый, он так медленно сползал на дно траншеи, что мы успели принять ведро, не пролив ни одной капли. Могилу мы вырыли шагах в тридцати от дороги, чуть ближе к Неве, на пологом склоне холма. Воткнули кол, чернильным карандашом написали имя, отчество и фамилию и еще "Батя" - так звали его в нашей батарее. Он был старше нас, даже старше капитана Белоусова, и мы считали его стариком. А сегодня я и сам понимаю, что сорок пять еще не возраст. Потом мы вскипятили воду, выпили его чай и снялись с места. В тот день нас бросили в прорыв. Это было осенью сорок третьего года, а когда через двадцать лет я вернулся в эти места, тоже была осень".

Удивительное дело, но я ловлю себя на том, что, представляя кусочки из собственных очерков, даже в этих представлениях невольно ищу тональность, которая могла бы соответствующим образом окрасить читательское восприятие цитат. Как я это делаю, объяснить не могу, и достигаю ли эффекта - не знаю. Композитор тоже оказался бы в затруднении, если бы его спросили, почему в начале сочинения за нотой "ре" он ставит "ля", а не "соль-диез". По всей вероятности, творческий процесс не всегда легко объясним, он часто базируется на интуиции, на предчувствии, на угадывании, зависимых от индивидуальности автора. Поиск тональности, вероятно, и есть та составная творческого процесса, которую ни рецензировать, ни объяснить невозможно. Допускаю, что некоторые журналисты - возможно, и я тоже - тяготеют к какой-то определенной тональности. Что это? Черта характера? Стилистая особенность? "Почерк", раз и навсегда выработанный, по которому мы различаем авторов, говорим об их индивидуальности, их "лице"? Различать-то, различаем,

но дело, мне кажется, в том, что индивидуальность журналиста проявляется прежде всего в умении найти "свою" тему, в своеобразии авторского подхода к ней. Аналитический подход, рациональный, исследовательский или эмоциональный, ощущенческий, несколько облегченный, но зато яркий - вот что диктует определенную тональность, вот что вырабатывает стиль автора, делает его самим собой.

Но я твердо уверен: при любых подходах к решению тем нам категорически нельзя пользоваться формальными приемами, создавая "нужную" тональность. Количеством восклицательных знаков еще никто не смог компенсировать внутренней холодности, никому еще не удалось многоточием прикрыть свою безмысленность. Синтаксис дается журналисту в помощь, а не в качестве главного оружия.

Итак, к чему мы пришли? К тому, что мучительные поиски первой фразы мнимы, если носят престижный характер, если основаны на грубом недоверии к читателю, и истинны, если связаны с желанием найти верную тональность произведения с тем, чтобы выйти на самую короткую и прямую дорогу к чувствам читателей. вызвать их эмоции, воздействовать не только на их разум.

Здесь я оговорюсь: проблема первого абзаца не самая важная в написании материала. Я начал с нее потому, что она хронологически первая. Сел журналист за стол. Взял ручку. Над чем задумался? Над первой фразой.

Но, как известно, "в начале было слово..."

Проблема языка. Журналисты - не мимы, газета - не сцена, читатель - не зритель: кому это не понятно?

Слово - наше оружие!

Мы очень разные люди, даже нет смысла доказывать это обстоятельство. Но слова, которыми мы пользуемся, - это, как ни крутите, все те же "семь нот", не нами придуманных и, кстати, выверенных веками. Они вполне обеспечивают и полифонию звучания (доказательством чему служат многочисленные произведения классиков журналистики), и, к сожалению, какофонию тоже. "По отношению к очень многим нашим писателям, - говорит Горький, - нужно сказать, что с русским языком они обращаются варварски и знают его плохо"50. Уж в чем, в чем, а в этом вопросе мы, журналисты, писателей на первое место не выпустим.

Между тем широта и неоднородность читательской аудитории накладывают

полный запрет как на серость изобразительных средств, так и на вычурность языка: нас читает не избранная публика, а миллионы "газетных глотателей". "Писать крепкими, тугими словами, - говорил Горький в беседе с молодыми очеркистами, - рассказать так, чтобы все было просто, ясно, - вот к чему нужно стремиться"⁵¹.

Но как стремиться? Где находить "тугие" слова? У кого учиться простоте и ясности изложения? Попытаюсь ответить на эти вопросы, хотя должен заранее предупредить: ничего нового мне сказать не удастся, я всегда лишь напомню старые истины.

Прежде всего, убежден, надо читать классиков, и читать профессионально. Это значит: не просто следить за развитием сюжета, но и замечать, как авторы оперируют словом, за счет чего достигают большей выразительности, как строят повествование, когда и где роняют свои знаменитые бутылочные осколки, поразительно озаряющие всю картину.

Авиационные конструкторы, как известно, прежде чем построить собственный самолет, до винтика разбирают чужой, предпочитая наслаждаться не столько красотой свободного полета машины, сколько линиями на чертеже.

"Вы окажете самому себе хорошую услугу, - писал Горький одному молодому литератору, - если поймете, что решающую роль в работе играет не всегда материал, но всегда - мастер. Из березового полена можно сделать топорище и можно художественно вырезать прекрасную фигуру человека"⁵².

Прекрасно "вырезали" такие выдающиеся стилисты, истинные мастера слова, как Бунин, Лесков, Чехов, Мопассан. У них есть чему поучиться журналисту. Мягкости языка - у Чехова, и еще его умению писать короткими фразами, без вводных предложений. Речевому языку, языку "говора" - у Лескова, сделав настольной книгой его "Очарованного странника". Бунин, по мнению Горького, "очень удобен для очерка сухой точностью своего языка": его рассказы написаны так, будто он "делает рисунки пером"⁵³. Филигранность, отточенность, ювелирная выверенность языка Мопассана общеизвестны. К сожалению иные из нас, сверхпоглощенные содержанием его произведений, этого не замечают. Надо иметь определенное мужество, чтобы, ограничивая себя в чисто читательском удовольствии, профессионально относиться к творчеству великих мастеров.

Язык народа – клад для литератора. Но у каждого ли из нас кладоискательское чутье? Есть ли вкус к поиску? Умеем ли мы ходить "в народ"? Часто ли пользуемся мудростью предков, заглядывая в книги и словари?

Как родниковая вода отличается от той, что течет из-под крана, так и литературный язык не похож на разговорный: он без "местных примесей", без натурализмов, без искусственных добавок в виде жаргона, лишен случайного, временного, фонетически искаженного. Беречь его чистоту, хранить от загрязнения такими словами, как "буза", "шамать", "мура", "волынка", – наша святая обязанность. Это – с одной стороны. С другой – не следует, мне кажется, забывать, что первоисточником литературного языка все же является разговорный. Он постоянно рождает новые слова и понятия, особенно бурно – в эпоху социальных революций и научно-технического прогресса. Воздвигать непроницаемые и вечные барьеры между языковыми стилями было бы неправильно, да и невозможно: прорыв таких слов, как "комиссар", "паек", "карточная система", "космонавт", "мероприятие", неизбежен.

Если невозможны барьеры, то, стало быть, параллельно процессу обогащения языка идет процесс его засорения. Что требуется от нас, журналистов, не без активной помощи которых осуществляются оба процесса? Прежде всего разборчивость и сдержанность в употреблении уже существующих слов и понятий. Мы должны способствовать только обогащению и решительно препятствовать засорению родного языка. Но и "зеленая улица" словам, которые прошли через мощные очистительные сооружения времени!

Кроме того, нельзя забывать, что словотворчество продолжается и мы, газетчики, ближе других находимся к возможности реально творить. "Стиляга", "звездная болезнь", "эхо войны" и другие понятия, рожденные "Комсомольской правдой", "обтекатели", так своевременно пущенные с легкой руки "Известий", – все это, быть может, и льстит авторам, но и ко многому их обязывает – в том смысле, что "родить" новое понятие куда проще, нежели потом "изъять" его из обращения, когда вдруг выяснится, что оно лишено социальной глубины, поверхностно-ярлыковое, неточное по смыслу, искажающее не только язык, но и нравственные представления общества. "Речь, пекущаяся об истине, – писал

Сенека, - должна быть простой и безыскусственной"54. Стало быть, прежде чем давать новым словам газетную жизнь, надо тщательно измерить их глубину, взвесить последствия как социальные, так и нравственные и наконец, учесть их фонетическое звучание и степень художественности. Какое емкое, многопластовое, точное, яркое представление дает слово "комиссар", и сколько сомнений возникает, когда читаешь или слышишь "волосатик"!

Однажды в "Комсомольской правде" решался на совещании вопрос, не присвоить ли читателям, пишущим в газету, имя "читкоры" по аналогии с "рабкорами" и "селькорами": читатели-корреспонденты? Думается, дали бы имя - привилось, уж очень хлестко звучит: читкор! Но после бурных дебатов все же воздержались, сохранили старое "читатель", главное достоинство которого в том и состоит, что оно - старое.

Что еще делает журналистов мастерами, способными к "художественному вырезанию"? Я думаю, умение сохранять индивидуальность своих героев. "Искусство начинается там, - писал Горький, - где читатель, забывая об авторе, видит и слышит людей, которых автор показывает ему"55.

При элементарной и, казалось бы, кристальной ясности этого требования иные из нас, к сожалению, куда чаще пренебрегают им, нежели пользуются. Не о том сейчас речь, что говорят наши герои на газетных страницах, а о том, как говорят! Нет, не бедным или богатым языком, образным или примитивным - не своим, а нашим, вот в чем беда! Как-то Е. Шевелева, тогда еще молодой литератор, обратилась к Горькому с вопросом, как быть, если вода кажется ей стальной, а ее герою - жемчужной, написать, как он думает или как она?

Горький разъяснил: "Вы обязаны смотреть его глазами... Если вы начините его своими собственными взглядами, то получится не герой, а вы"56. Просто? Проще некуда. Неужели Е. Шевелева заранее не понимала, что ей ответит писатель?

Понимала. Однако соблазн заменить чужое восприятие своим, авторским, был настолько велик, что, наверное, еще теплилась надежда: а вдруг Горький

"разрешишь"? Вдруг скажет: "Ваша "стальная" вода точнее и лучше "жемчужной", а потому - пишите, дозволено!" Так нет: "Вы обязаны смотреть его глазами..."

При этом Горький напомнил о Достоевском, герои которого говорили "напряженно

и всегда от себя". И еще добавил, что автор "портит свой материал, когда, насилуя социальную природу своих героев, заставляет их говорить чужими словами..."57.

Вот тут-то, по-моему, и пробивает час разговорного языка, тут-то и находит он свое применение в литературе, в том числе и в журналистике!

Мужик

у Л. Н. Толстого в "Плодах просвещения" произносит:

"двистительно". И

Толстой, "поймав" это слово, сохраняет его, не "подстругивает", поскольку

оно важно ему для речевой характеристики персонажа. А мог бы заменить

"двистительно" на "действительно"? Конечно. Но что осталось бы от мужика?

Практически совет Горького молодым литераторам выглядит так:

"...в

высшей степени полезно... записывать слова, которые наиболее поражают своей

легкостью, изящностью, необыкновенной гибкостью..."58. Этот совет самым

непосредственным образом касается и журналистов.

Далеко не все советы даются "наперед", они не менее ценны, если

подтверждают правильность того, что мы уже делаем. Очень многие журналисты.

вернувшись из командировки, с удовольствием перечитывают, а потом применяют

в материалах слова и обороты своих героев, записанные в блокноте.

Я тоже делал попытки записывать и применять в очерках речевые

особенности героев в надежде, что они обогатят образ. Положим, очерк

"Шофер": жену Марию Никаноровну мой герой называл "бабулей", она, по его

выражению, иногда "жалилась" начальству; дочь Нину звал "пацанкой", а сына -

"пацаном"; про машину с грузом он говорил, что на улице "за глаза" никогда

ее не ставит; пассажиров окрестил "негосударственным грузом"; говоря о том,

что шоферов сейчас очень много, выразился так: "С количеством вышла у нас

неустойка, стали мы друг к другу хладнокровней"; на вопрос, как относится к

начальству, ответил: "Не в полной мере любви"; поработать за маленькие

деньги для моего героя - значит "съездить и справить удовольствие"; машину

свою он знает, "как собственную руку: когда в ней что болит и когда пора

стричь ногти"; в заднем мосту приспособил цилиндрическую пару и сказал через

"е" "Модерн!"; об отношении шоферов к деньгам сказал: "Мы народ простой:

скупиться не скупимся, но и кидать не кидаем"; сравнивая газетную информацию

с той, которая идет от знаменитых шоферских разговоров на дорогах, заметил,

что "разговоры разговорами, а у печатного слова своя цена". А вот несколько оборотов, принадлежащих его жене, Марии Никаноровне: "одно плохо, что дети не промежу между нас с Мишей, а все со мной да со мной"; "Овощи – это его сухота, как-никак, а он с машиной!"; "В наших расходах Миша меня никогда не учитывает, в нем этого нет".

Не знаю, хорошо ли, плохо ли услышал я своих героев, умело передал их язык или скверно, но стремление было.

Кстати, техника применения "живой речи" у нас, журналистов, тем более у публицистов, несколько иная, нежели у прозаиков. Мы относительно реже пользуемся прямой речью, начиная с тире и щедрого абзаца, – и места жалко, и, кажется, вроде бы теряем в публицистичности. Чаше мы вводим чужие речевые обороты в собственный авторский текст, взяв их в кавычки и как бы иллюстрируя факт существования героя, его манеру выражать свои мысли. Я, например, пытаюсь делать это так:

"Шоферу, как никому другому, тяжело садиться за парту. По дороге в гараж полетел баллон – и пропущен урок в школе, приходится краснеть перед учителем, который, конечно, "тебя не ругает, а упрекает, а для взрослого человека упрек – что для пацана порка".

Даже не упомянут герой в этом отрывке, не "введен" в текст, лишь кавычками отмечена его фраза, но у читателя, надеюсь, нет сомнений в том, кому она принадлежит. Разумеется, и в публицистике возможна прямая речь, и не забыли мы, как ставить тире перед абзацем, но я говорю о дополнительной возможности сохранять речевую характерность героев, экономя при этом дорогую газетную площадь.

Независимо от того, как обстоят дела с работой над языком у современных литераторов, слова А. М. Горького и сегодня звучат для нас нелишним предупреждением: "С языком вообще происходит то же самое, что с нашими костюмами. Мы не так одеваемся, как должны одеваться. Нужно одеваться ярче. К чему эти серые и черные пиджаки?"⁵⁹

Я понимаю эти слова не как призыв к "серебряному звону", к лакировке действительности, а как заботу о сочности, образности, силе языка. Мол, не обязательно пой тенором, дорогой товарищ газетчик, можешь петь басом, то

есть бичевать недостатки, ругаться, спорить, но только ругань твоя не должна быть серой, иначе ее не заметят.

Итак, умение одеваться в "яркие пиджаки" – вот что, полагаю, нам нужно, чтобы стать мастерами журналистики.

И еще: умение избегать штампа. Что греха таить, мы слишком часто оказываемся в плену "газетизма" – за примером, как говорится, ходить недалеко: сама эта фраза содержит два штампа, с поразительной готовностью сидящих на кончике языка и срывающихся так легко и непринужденно, что нужно усилие не для того, чтобы ими воспользоваться, а для того, чтобы их избежать. Замечу попутно, что говорить о штампах очень рискованно, поскольку приходится особенно тщательно следить за собственным языком.

Вот наиболее часто встречающиеся "газетизмы": "а воз и ныне там"; "Петр кивает на Ивана..."; "доколе с этим будут мириться?"; "ответ не заставил себя ждать"; уже упомянутые мною "что греха таить", "за примерами далеко ходить не приходится", "труженики полей", "работники прилавка", "разведчики недр", "люди в белых халатах", "флагман индустрии", "черное золото" и т. д. – несть им числа, и даже "несть им числа" – тоже штамп.

Кроме лексических штампов есть еще и такие: если взгляды – то внимательные, которые бросают; если речи – то пламенные; поцелуи – звонкие; походки – мужественные; звуки – манящие; то, что в сознании, – проносится; на стуле – примостился; страстью – обуреваем и т. д. до бесконечности. Чехов однажды перечислил то, что чаще всего встречается в романах и повестях: "Граф, графиня со следами когда-то бывшей красоты, сосед-барон, литератор-либерал, обеднявший дворянин, музыкант-иностранец, тупоумные лакеи, няни, гувернантки... Бесчисленное множество междометий и попыток употребить кстати техническое слово"60. У каждого времени, по-видимому, свои отштампованные герои и ситуации, и вот уже на смену графу пришел дед-колхозник с милыми чудачествами, шеф-консерватор, противостоящий молодому инженеру-прогрессисту, рассеянный академик, говорящий "э-э-э, батенька", и т. д.

Впрочем, кое-что и осталось от прошлого: как были сто лет назад "бирюзовые и бриллиантовые глаза, золотые и серебряные волосы, коралловые

губы, золотое солнце, серебряная луна, яхонтовое море, бирюзовое небо и т.

д"61, перечисленные Л. Н. Толстым в числе литературных штампов, так и

сегодня существуют, украшая собой наисовременнейшие произведения.

В чем дело? Каков механизм рождения штампа? А. Серафимович сказал, что

все это заезжено, "избито это и тысячу раз повторялось"62. Но как же не

повторяться: если море синее, его ведь не назовешь оранжевым, и если луна

серебряная, она была такой тысячу лет назад и будет столько же, если не

больше! Между тем получается, что все, написавшие "море синее", -

штамповщики.? Вряд ли.

Потому что повторяемость - всего лишь внешний признак штампа. А должен

быть какой-то внутренний. Штамп - не эстафетная палочка, передаваемая от

одного журналиста другому. И не дорогая реликвия, которая бережно хранится в

литературной семье. Другое дело, если бы штампы рождались сознательно, если

бы имелся каталог наиболее употребимых литературными бабушками и дедушками

понятий, эпитетов, образов и сравнений, а внуки терпеливо переписывали бы их

в свои творения. И то я сказал бы, что истинные ценности хранить не грешно,

а эстафетную палочку передавать в иных случаях даже полезно.

Беда, мне кажется, в другом.

Штамп - это прежде всего стереотип мышления, свойство, присущее людям

малоспособным, малокультурным и малознающим, спасительное средство, по

крайней мере для тех, кто не умеет или не желает думать, кто берет готовое.

"Домашняя птица? - Курица! Фрукт? - Яблоко! Великий поэт? - Пушкин! Море? -

Синее! Луна? - Серебряная!" Все правильно, но все готово. Замечено с первого

взгляда, а иногда и вычитано, отпечатано в голове с чужой матрицы. Не

переварено. Не прошло через мозг и чувства автора. То, что луна не только

серебряная, но и молодая, увидят не все, а вот что ее "без спутника и

выпускать рискованно", увидел один В. Маяковский. И Днепр, конечно, чуден

при тихой погоде - допускаю, кто-то отметит это обстоятельство, но вот то,

что "не зашелхнет, не прогремит", оказалось по силам только Н. В. Гоголю.

Стало быть, повторяемость, я думаю, не главный критерий штампа, это всего

лишь следствие, причиной которого является стереотип мышления, точнее

сказать, бездумность и бесчувственность.

Кроме того, штамп - это неспособность к воображению.

По очень точному определению К. С. Станиславского, штамп – попытка сказать о том, чего не чувствуешь. Думается, можно добавить: или не знаешь, или не видел, или натурально не вообразил. Обращаясь к актерам, Станиславский часто восклицал: "Не верю!", поскольку актер штамповал образ. А когда Горькому попался на глаза рассказ молодого автора, где была фраза: "Звук рвущегося кровавого комка мяса", он спросил "Вы слышали такой звук?" У того же автора "сочный тенор вибрировал, как парус", и Горький категорически заметил: "Не натурально". "Омнибусы орут, – написал молодой П. Сажин, – как заблудившиеся мастодонты", что, с моей точки зрения, звучит красиво, оригинально и по крайней мере свидетельствует о воображении автора. Только, увы, о формальном воображении, не основанном хоть на каких-то приблизительных данных, и потому, вероятно, Горький спросил автора: "Где вы слышали, как орут мастодонты?"

Отсюда, от этой вычурности, еще меньше, чем полшага, до штампа. Пушкин писал: "Должно бы сказать: рано поутру – а они пишут: Едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба – ах, как это ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее"⁶³.

Беда штампов еще в том, что они, даже при внешней своей красивости и "складности", не рожают у читателя никаких ощущений, никаких ассоциаций. никаких мыслей. Это писание невидимыми чернилами. Это песня не только без слов, но и без музыки. Шапмы никогда не воспринимаются умом, они всего лишь внешний знак, рассчитанный на стереотипную реакцию.

Подводя итог разговору о языке, надо бы пропеть гимн жесткой требовательности журналиста к слову, к тем "семи нотам", из которых он слагает свое произведение.

Широко известны слова Л. Н. Толстого, что искусство писать хорошо для человека чувствительного и умного состоит не в том, чтобы знать, что писать, но в том, чтобы знать, чего не нужно писать.

Диалог. Кто возразит против того, что специфика газетной полосы создает для журналистов дополнительные трудности? В самом деле: на относительно малом пространстве им нужно добиться максимальной убедительности. Сама жизнь заставляет их "густо писать", и не зря многие ведущие журналисты занимаются

тренажем – сочиняют стихи, отнюдь не предназначенные для публикации, а всего лишь приучающие к экономии слов.

Но, к сожалению, достоверно и убедительно изложив ситуацию, мы очень часто разрушаем все, что создали, каким-нибудь одним-единственным диалогом.

Очень обидно!

Неживые, к сожалению, мы пишем иногда диалоги.

Сконструированные

искусственно, основанные на "лобовом" принципе. "Который час?" – спрашиваем

мы героя, и он отвечает: "Половина второго". Две строки в газете.

Отдать

места больше вроде бы жалко. Но если максимально приблизить диалог к истинно

разговорному, если уйти от вынужденного лаконизма, надо бы написать так:

- Который час? – спросил я Имярек.
- Вы разве торопитесь? – сказал он.
- Да нет, – смутился я, – всего лишь проголодался.
- Половина второго.

Пять строк, но – правда. Читатель верит, что был этот разговор, что

автор смутился, а герой едва не обиделся. И это, по-моему, чрезвычайно

важно, потому что, работая над диалогом, мы не должны забывать: не только

смысл произносимых слов рождает у читателя ощущение

достоверности

происходящего, но и психология говорящих, их настроение. Иногда мы

позволяем

себе или героям говорить без перебивки целые предложения или

абзацы,

совершенно не учитывая характер собеседника. А ну как наш герой

вспыльчив и

невыдержан, и мы об этом уже сказали и тут же заставляем его

выслушивать

чью-то длинную тираду со спокойствием каменного сфинкса, вразрез с уже

данной характеристикой.

Да, очень жаль тратить газетную площадь на "живой" диалог, но

лучше, с моей точки зрения, тогда совсем за него не браться. Вот диалог, взятый

из одного очерка, опубликованного несколько лет назад в "Комсомольской правде":

"Она жила в Минске, училась на первом курсе пединститута, а тут –

призыв на целину. "Перехожу на заочное. И – еду! Решение

окончательное,

отмене не подлежит". Дом уже казался далеким прошлым. А впереди –

"цветные

мечты". Катя излагала Андрю Мурашову, рослому парню из-под

Воронежа,

свесившему голову с верхних нар:

- Мне представляется, что это будет за город. Точнее, агрогород, где

городские удобства сплетутся с прелестью природы. Белые дома среди зелени, озеро в центре... А вокруг поля. Все пшеница, пшеница... Желтая. И разрезана она на квадраты лесными полосами.

Мурашов хотел сказать: "Картина с плаката". Но не решился обидеть соседку и соглашался:

- Будет, конечно, город.

- И будет там школа с большим окнами. Я закончу институт и начну учить в ней детей.

- Так пацанов-то нету, - усмехнулся Мурашов.

- Сейчас нет, но со временем будут.

Она так и уснула, девчужка в брючках и пестреньких носках. Прикрыв ресницы, Мурашов смотрел на нее и тоже думал, как оно все будет..."

Диалог этот, возможно, нужный. его служебная задача нам ясна: едут люди на целину. мечтают о будущем, как-то представляют его себе, а потом очеркист, вероятно, либо подтвердит реальность этих представлений. либо опровергнет. Но как искусственно сконструирован разговор! Он происходит в поезде? Молодые люди лежат на полках? Наверное, шепчутся. чтобы не разбудить окружающих? И сам факт этот может что-то добавить к беседе, как-то окрасить ее задушевностью, доверительностью, но где все это? Почему никто из соседей не скажет раздраженно: "Погромче не можете?" И почему Мурашов "про себя" думает, что представления девушки - "картинка с плаката", почему он стесняется сказать это вслух? А потому "стесняется", что его реплика обязана потянуть за собой то ли согласие собеседницы, то ли возражение, и на них нужно место в газете, а места - нет. Зато автор очерка, прекрасно ощущая картинность и плакатность девушкиной мечты, с помощью размышлений Мурашова дает понять читателю, что и он не дурак, и он заметил банальность, - однако дальше этого не пошел. И дело тут не в способностях автора, а, вероятно, в технологии работы, если журналист "услышал" речь героев, запомнил ее или записал в блокнот, ему нет нужды потом искусственно конструировать диалог. Впрочем, все же лучше записывать, нежели запоминать: по памяти восстановленные диалоги всегда теряют достоверность в сравнении с "натуральными".

Теперь вот о чем. Довольно часто, интригуя читателя, мы начинаем повествование с прямой речи. Например:

" - Нет-нет, не спрашивайте, все равно не отвечу!

Он долгим взглядом посмотрел за окно, на низкие облака, проплывающие вдали.

Я проследил его взгляд и тихо произнес:

- Мне трудно настаивать, но войдите и вы в мое положение...

Он неожиданно хитро улыбнулся..."

На первый взгляд, нормально, не правда ли? Но в том-то и беда, что диалог сам по себе безличен, пригоден для всего на свете, драматургия его липовая, рассчитана на простачка. И в результате ничего не понятно: кто кого спрашивает? Почему один не хочет отвечать другому? Почему у задающего вопрос какое-то "положение", в которое надо "входить"? И что там за окном, кроме облаков - город или поле, или овраг, или семнадцатый век?

Известно, что некоторые крупные литераторы давно забраковали диалог-разговор, поставленный в начало повествования. считая его невыгодным, поскольку он не действует на воображение читателя. "...Всегда лучше начать картиной - описанием места, времени, фигур, сразу ввести читателя в определенную обстановку"⁶⁴, - советовал А. М. Горький. А если все же начинать диалогом, то таким, который способен дать какую-то информацию, приковать к себе внимание читателя необычностью или мыслью. Попробуем, имея это в виду, несколько изменить процитированный выше диалог:

" - Нет-нет, не спрашивайте, мы напрасно теряем время!

- Что значит "напрасно"? - сказал я. - Одно и то же время нельзя потерять дважды.

- Как, впрочем, дважды приобрести, - добавил он, хитро улыбнувшись. Кажется, намечался контакт..."

Это тоже далеко от совершенства, но все же, мне кажется, лучше. Потому что есть пусть крохотная, но мысль. хотя многие наши сомнения, адресованные первому варианту, находят себе место и здесь. А хотелось бы ясности, простоты.

Существует еще и другая крайность: иногда мы пытаемся сразу, первой же фразой ввести читателя в "обстановку", уже без всяких интриг:

" - Привет! - громко воскликнул Мартын Иванович Коломеец, заместитель начальника отдела технического контроля управления газификации Н-ского городского Совета, входя в кабинет Анатолия Георгиевича Спирина, своего

бывшего однокурсника по институту, а ныне председателя горисполкома, и бросая папку с документами в пустое кресло..."

Хоть стой, как говорится, хоть падай в это самое кресло!
Последний абзац. Итак, имея тему и концепцию, собрав и обработав материал, составив план и продумав сюжет, обезопасив себя от штампов, преодолев сопротивление первого абзаца и найдя верный тон повествования и т.

д. и т. п., - теперь-то мы с легкостью волшебной напишем материал. написали!

А чем его закончить? Тоже проблема.

В практической работе я. например, никогда специально не задумываюсь над концом повествования, никогда искусственно его не "вырабатываю". Все получается как-то само собой. естественно: либо безжалостно отсекаю все лишнее, либо спокойно дописываю недостающее, чувствуя при этом, что ни перелета, ни недолета нет.

Интуиция? Шестое чувство? Вероятно, нашей "кибернетической машиной"

является обыкновенное чувство меры, помогающее в какой-то момент творчества

из "писателя" превращаться в "читателя". Тогда внутренний голос приказывает:

"Стоп!" - или говорит: "Еще!", и приходится подчиняться.

Вот несколько концовок моих очерков, просто любопытно посмотреть на себя со стороны - есть ли у меня чувство меры?

"Педагогическая проза": "Школа на подъеме. А дети - это глина, фантастическим образом обладающая талантом самоваяния. Если ты их ничего не вылепишь, они сами из себя начнут лепить. Но что?"

(Замечу попутно, что "самоваяние" - не очень-то удачное слово, я, кажется, зря его применил.)

"Взятие 104-го": "И родилась у них великолепная идея..."

"Студент": "За Лебедевым закрывается дверь вуза, но перед ним откроются ворота в мир".

"Поляновы": "На этом я поставил бы точку. если бы не вопрос, на который мне необходимо ответить: как я познакомился с моими героями? Прямо скажу - случайно. но разве это меняет положение? Среднеарифметических данных, позволяющих найти "соответствующую семью", нет и быть не может. Однако, делая свой выбор, я исходил из того, что даже случайно избранная мною семья Поляновых содержит характерные черты, присущие многим семьям, и дает повод

для серьезных размышлений".

Наконец,

"Обелиск": "Как вы думаете, они там, в земле, чувствуют, что мы их сейчас вспоминаем? Мне кажется, я бы чувствовал. И это не мистика. Это то, во что мы, живые, просто обязаны верить. Пока мы живы. Иначе - какой был смысл?"

Далеко не уверен, что все эти концовки вполне удачны. Кроме того, их просто трудно воспринимать отдельно от всего материала. Однако они дают возможность предположить, что конец повествования не одна нота, а смысловой аккорд, нужный. быть может, для того, чтобы отзвук произведения, когда читатель уже отложил газету или книгу, еще звучал в нем, догонял его разум, будил чувства.

Интересно, а как заканчивает свои произведения классик отечественной журналистики М. Кольцов? Беру с книжной полки его томик:

"Летом в Америке хорошо": "...американский покойник, знаменитый Франклин, не вице-президент, и даже не президент, говорил:

- Для того, чтобы мне быть послом, нужно, по закону, обладать имуществом не менее тридцати долларов. У меня осел ценою в тридцать долларов. Вот я и стал послом. Но осел умирает. И я не могу быть больше послом. Кто же из нас посол: я или мой осел?"

"Стачка в тумане": "Нам кажется, что история плетется черепашьям шагом.

А ведь она несется все быстрее, еле успевая забирать воду на остановках.

Избалованные пассажиры!"

"Молчи, грусть, молчи!": " - Брось, Ваня, эту неаполитанскую муру! Ведь ты же комсомолец. Давай лучше что-нибудь веселенькое, российское.

И мы тихонько под рокот машины начали российское:

- Аванти, пополо, де ля рикоса - бандьера росса, бандьера росса!"

Да, несомненно, аккорд, содержащий в себе главную, основную мысль повествования, которую очень важно не просто донести до читателя, но и оставить с ним на какое-то время. Если графически изобразить смысловую и эмоциональную потенцию произведения, взлет ее происходит, по-видимому, не только в момент сюжетной кульминации, но и в самом конце, когда все сюжетные впадины и пики пройдены, но еще нужно добиться кульминации читательского

восприятия.

Не знаю, в какой мере эти рассуждения будут полезны читателю, но лично я искренне жалею, что прежде никогда не думал о концовках, наивно полагаясь на интуицию. (Кстати, заканчивая раздел, посвященный последнему абзацу, я попытался взять аккорд, на этот раз рассчитывая на кульминацию читательского восприятия не интуитивно, а совершенно сознательно.)

ПОД ЗАНАВЕС

И вот мы, кажется, на финишной прямой. Прежде чем разорвать ленточку, окинем мысленным взором пройденную дистанцию.

Мы говорили о мастерстве журналиста, предварительно заострив внимание на том, что мастерство – категория надстроечная, а базой является наше мировоззрение, наша гражданская позиция, наша социальная активность, наша партийность. Каждой строчкой, опубликованной в газете, журналист выражает мнение и мысли народа, его волю. При этом суждения газетчика, его взгляды и предложения вливаются в русло политических решений и дел, общих для всей страны. Мы работаем для людей и во имя людей, помогая им своими очерками и статьями формировать политическое сознание. Стало быть, сугубо профессиональный разговор о мастерстве журналиста возможен лишь при условии, если в основе его лежит четкость и кристальная ясность наших идейных позиций. общественная значимость каждого факта, использованного в наших произведениях.

Мы заметили, что "поют" в журналистике только способные люди, имеющие к ней призвание. Однако если исходить из утверждения А. М. Горького, что "талант развивается из чувства любви к делу, возможно даже, что талант – в сущности его – и есть только любовь к делу, к процессу работы"⁶⁵, следует признать, что достаточно любить газетное дело, чтобы стать журналистом.

Конечно, я не затронул и половины того, что составляет суть журналистской работы. Потому что, преодолев сопротивление первого абзаца, написав материал и поставив последнюю точку. мы еще не имеем права останавливаться, а продолжаем работать до тех пор, пока не доведем материал до газетной полосы, пока не получим читательские отклики и не сделаем обзор писем, пока не вызовем реакцию официальных лиц. пока не добьемся принятия

мер.

У газетчика много забот, которые, мне кажется, лучше классифицировать не по признаку "приятные", "малоприятные" и "совсем неприятны", а по признаку: "необходимые" и "ненужные". Вот краткий и далеко не полный перечень внутригазетных мероприятий, участие в которых, я бы сказал, обязательно для сотрудника "Комсомольской правды": "летучка", планерка, "топтушка" (короткое, проводимое на ногах совещание по текущему номеру), час письма, производственное совещание, творческие "самовары", "круглые столы", теоретические "жернова", читательские конференции, совещания по перспективному планированию номеров и т. д. Если к этому добавить заказ авторских материалов, редактирование их, участие в различного рода плановых и спонтанных заседаниях, организованных секретариатом, дежурства в качестве "свежей головы" и по отделам, разработку газетных акций и прочее, окончательно станет ясно: дел у журналистов много, причем помимо их основной обязанности - писать. И это, кажется мне, естественно: отказавшись от перечисленных дел, мы как бы обрываем пуповину, связывающую нас с газетой. и очень скоро снижаем свой творческий тонус.

Газета - сложное и, я бы сказал, очень странное образование. С одной стороны, обыкновенное учреждение, с твердым распорядком дня, со штатным расписанием, с начальниками и подчиненными, с субординацией в отношениях, с дисциплиной труда и графиком выпуска продукции. С другой стороны, газета ничего общего не имеет с "конторой" ни по духу своему, ни по сути человеческих отношений в коллективе, ни по стилю работы. ни по сумме обязанностей каждого.

На газетной полосе могут соседствовать материалы, написанные рядовым литсотрудником и членом редколлегии, однако оцениваются они по одному критерию. То ли нормирован рабочий день у журналиста, то ли не нормирован - затрудняются сказать даже сотрудники отдела кадров. Во всех редакциях чуть ли не самой актуальной является проблема: как привязать сотрудника к редакционному столу, обеспечив ему при этом максимальную беспривязность? Всеобщая забота о создании и сохранении творческой атмосферы в коллективе -

вот что объединяет людей. Ответственность за публикуемое слово так велика, а взаимная подстраховка столь необходима, что между журналистами совершенно исключены казенные отношения, как правило, безраздельно господствует дух взаимного доверия, стало быть, уважения, симпатии, доброго товарищества.

Этот дух, угодно нам или не угодно, должен сочетаться и уживаться с претензиями каждого журналиста на звание "личность". Творческим людям иногда свойственны честолюбие, мнительность, самомнение, повышенная возбудимость, болезненное самолюбие – качества, которые в одних условиях могут обернуться на пользу общему делу, а в других – и во вред. Учитывая эти обстоятельства, необходимо, я полагаю, особенно бережно относиться друг к другу, проявлять взаимное терпение, подбирать слова и оценки исходя из индивидуальных черт характера, щадить самолюбие, сглаживать, а не раздувать конфликты, но при этом не терять принципиальности, объективности и человечности.

Впрочем, сидя за письменным столом и размышляя обо всем этом, очень легко провозглашать нормы и правила, куда труднее их придерживаться.

Позволю себе в заключение изложить некоторые наблюдения, касающиеся практики газетного дела, точнее говоря, некоторых тонкостей нашего бытия, внутригазетных отношений.

Поделюсь некоторыми постулатами, которые я выработал сам для себя за долгие годы газетной работы, – а вдруг они, отнюдь не безусловные, все же помогут молодым журналистам отладить собственные творческие принципы.

Итак:

Получив с машинки написанный материал, внимательнейшим образом вычитайте его, исправьте грамматические ошибки, расставьте пропущенные знаки препинания, а грязные места перепечатайте и подклейте. Ибо восприятие материала и отношение к нему со стороны редактора будут на десять, двадцать, а иногда и на пятьдесят процентов зависеть от внешнего вида статьи и чисто формальной грамотности. Не сделаете этого, и крохотное сомнение вырастет у редактора в большое, досада перерастет в неприязнь, прохождение материала окажется затрудненным. Это с одной стороны.

С другой стороны. Если вам суждено быть редактором и читать чужие материалы, определяя их судьбу, как бы плохо ни был выправлен текст, как бы грязно ни выглядели страницы, я призываю вас к сдержанности, чтобы ваше

маленькое сомнение не выросло в большое, чтобы досада по мелочам не вылилась в неприязнь к целому. Постарайтесь судить по сути, а не по форме! Но автору статьи не забудьте указать на его небрежность.

Когда вы написали материал и сомневаетесь в его качестве, выслушайте мнение первого читателя, независимо от того, кто им будет - машинистка, коллега или первый официальный редактор, и помните: чудес почти не бывает! Как скажет первый читатель, так, словно по цепной реакции, скажут, не стовариваясь, и все остальные, за очень редким исключением. Поэтому не испытывайте судьбу, не лезьте на рожон, а сразу же переделывайте материал, чтобы дать его после переделки другому "первому читателю".

Читая коллег, помните слова А. С. Пушкина о том, что судить произведение следует по его собственным законам. То есть хвалите или ругайте не за то, чего нет в материале, а вам кажется, что должно быть, а за то, что в нем есть.

Будьте щедрыми на похвалу, но и будьте откровенными в критике. Любая критика в адрес товарища должна быть доброжелательной, искренней и ни в коем случае не личностной. Если вы чувствуете, что не сможете так критиковать, лучше вообще не делайте этого. Недоброжелательная критика бесполезна.

Если по каким-то причинам вы не желаете публично критиковать слабую работу коллеги, щадя, положим, его больное самолюбие, то и не надо.

Однажды опубликовавший, не мните себя состоявшимся журналистом. Не забывайте слова А. М. Горького: "Если человек печатается", это еще не значит, что он должен печататься"⁶⁶.

С другой стороны, как бы ни были вы известны читателю, вы живете как газетчик до тех пор, пока публикуетесь. Только последняя, сегодняшняя публикация - визитная карточка журналиста. Долгие перерывы опасны, они лишают уверенности, тупят перо и снижают уважение в коллективе. Ничто не способно компенсировать ваше молчание, даже бурная организаторская деятельность на глазах коллег, даже частые выступления на внутригазетных совещаниях. Только печатное слово может восстановить уважение коллектива.

Редактируя материал, старайтесь не допускать вкусовой правки. Только смысловую! И никогда не правьте самовольно. Пригласите автора, растолкуйте ему свое мнение, постарайтесь его убедить, - мысленно поменяйтесь с ним местами, и тогда вы в полной мере ощутите его состояние. Не забывайте, что над вкусовой правкой, когда вы меняете "увидел" на "заметил", в газете смеются. А самовольщиков не любят.

Никогда не унижайте авторов, переписывая за них материал. Все замечания журналисты должны вносить сами. И не пишите на полях различные "ох!", "ну и ну", "еще чего!" и так далее. Это унижает автора, он невольно перестает уважать вас, как вы не уважали тех, кто писал на полях вашей рукописи: "Да ну?" и "А ты кто такой?"

Никогда не приобретайте ампула "бойкого" журналиста с "бойким" пером, - таких в газете не жалуют. Помните слова А. М. Горького: "В понятие "бойкость" вместе с быстротой соображения и поступков всегда включается легкомысленное, поверхностное, непродуманное отношение к людям, к различным явлениям жизни". И дальше у него же: "Молодым литераторам нашим вообще свойственны "бойкость" и торопливость на пути к славе, этим и объясняется крайняя небрежность их работы"⁶⁷

Пожалуйста, не торопитесь к славе, а то в спешке легко разминуться с нею!

Учитесь газетному мышлению: придумывайте "подачу" материала, выдвигайте идеи, делайте предложения, стремитесь войти в "мозговой трест" редакции - пожалуй, одно из самых почетных ампула в газете. При этом не забывайте, что, выдвинув идею, вы и будете назначены ее исполнителем. Инициатива всегда была "наказуема" исполнением, так что будьте осторожны!

Никогда никому из коллег не отказывайте в совете и помощи. Легко и без жалости отдавайте свои мысли, "перлы" и перо другим. Помните: истинный талант - щедр!

Не бойтесь писать от первого лица. Хотя "я" в материале и ограничивает поле вашего зрения, сужает его, зато "работает" на убедительность, создает

эффект присутствия", дает возможность высказать собственные мысли и повышает за них ответственность.

Можно писать и от третьего лица, но уж "мы" сегодня - совершеннейший анахронизм.

Пишите только то, что не противоречит вашим убеждениям и принципам, и никогда не забывайте, что вы писали прежде. Смена позиции без убедительного объяснения причин самоубийственна и для журналиста, и для газеты, которую он представляет.

Читатель феноменально зорок. Он непременно заметит и фактическую ошибку, и орфографическую, и прочтает между строк, и домыслит за вас то, что не имелось в виду. Читатель доброжелателен, зол, спокоен, вспыльчив, вдумчив, рассеян, благороден, злопамятен, щедр, мелочен и прочее, и прочее, - а журналист один! Но оставайтесь самим собой! Не раздваивайтесь, не растраивайтесь - уважение к самому себе и есть уважение к читателю.

Внимательно просматривайте почту, если хотите быть в курсе событий. Какую бы должность в газете вы ни занимали, считайте себя работником отдела писем в первую очередь.

По первым откликам вы можете смело судить о характере всей почты, которая придет на вашу публикацию: в массе своей читатель однороден. Однако в переписке с ним решительно избегайте стереотипа. Хоть несколько слов, но напишите от себя. Это важно не столько для читателя, который не всегда разберется, где "трафаретка", а где личное письмо журналиста, сколько для вас: непосредственный контакт рождает ощущение реальной поддержки, в которой вы часто нуждаетесь.

Смело и решительно корчуйте из нашей действительности все, что еще мешает нам жить, не миритесь с бюрократизмом, подлостью, предательством, равнодушием во всех их проявлениях.

Учитесь всю свою жизнь и учитесь всему! В этой тотальной учебе вам принесут пользу товарищи по газете, коллеги по другим изданиям - их замечания, устные выступления, заметки и книги. Но, овладев с их помощью

секретами мастерства, приемами и методами работы, вы не закрепите все это навечно за собой, если останетесь "теоретиком".

Профессия журналиста такова, что каждое новое редакционное задание, каким бы опытом вы ни обладали, начинается с нуля. Ну и что? С нуля, так с нуля! Важно начать, и реальная жизнь подскажет вам много больше и ценнее того, что вы услышите от других.

...Осмысливая в этой книге свой собственный журналистский опыт, я, кажется, понял, как должен был сам работать и каким должен был быть.

СНОСКИ НА ЦИТИРУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ

ДЕЛО, КОТОРЫМ МЫ ЗАНИМАЕМСЯ

- Стендаль. Собр. соч. в 15-ти томах, т. 7. М., 1959, с. 286.
"Вопросы литературы", 1966, No 9, с. 21.
Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 13. М., 1949, с. 55.
В. Шкловский. Заметки о прозе русских классиков. М., 1953, с. 12.
"Вопросы литературы", 1966, No 9, с. 29.
См. "Комсомольская правда", 17 ноября 1968 г.
Цит. по: "Вопросы литературы", 1966, No 9, с. 5.
М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 25. М., 1953, с. 86.
См. М. Горький. Литературно-критические статьи. М., 1937, с. 587 - 589.
Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II. М., 1949, с. 277.
Аристотель. Поэтика. М., 1957, с. 67.
А. Д. Аграновский. Очерки разных лет. М., 1960, с. 107 - 108.
"Журналист", 1967, No 4, с. 15, 16.
Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 54, М., 1952, с. 74.
Е. Богат. Чувства и вещи. М., 1975, с. 73.
Там же, с. 70.
Там же.
Ю. Олеша. Повести и рассказы. М., 1965, с. 502.
Цит. по: "Вопросы литературы", 1966, No 9, с. 47.

ЗАМЫСЕЛ, ФАКТ, ТЕМА

- Энциклопедический словарь в 2-х томах, т. 2. М., 1964, с. 491.
М. Горький. Литературно-критические статьи, с. 588.
См. "Известия", 17 ноября 1928 г.
М. Монтень. Опыты, кн. I. М.-Л., 1958, с. 189.
См. А. И. Верховская. Письма в редакцию и читатель. М., 1972, с. 30 - 40.

СОЗДАНИЕ КОНЦЕПЦИИ

- См. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1955, с. XXIV.
В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1955, с. 282.

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

- В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.
"Комсомольская правда", 3 марта 1967г.
В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. в 10-ти томах., т. V. М., 1955, с.
59
- 60.
А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. V. М., 1964, с.
191.
Б. П. Пастернак. Стихи. М., 1966, с. 253.

СБОР МАТЕРИАЛА

- См. "Комсомольская правда", 23 - 29 июня 1974 г.
М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 30. М., 1956, с. 308.
См. В. Шкловский. Заметки о прозе русских классиков, с. 8.

ИСКУССТВО БЕСЕДЫ

- См. "Юность", 1967, No 12.
В. Аграновский. Остановите Малахова! М., 1976, с. 63.
В. Аграновский. Взятие сто четвертого. М., 1967, с. 15.

ОБРАБОТКА МАТЕРИАЛА

- М. Монтень. Опыты, кн. I, с. 218.
М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 26. М., 1953, с. 65.
См. В. Шкловский. Заметки о прозе русских классиков, с. 13.
См. "Вопросы литературы", 1966, No 9, с. 22.
Цит. по: В. Шкловский. Заметки о прозе русских классиков, с. 11.
М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 27. М., 1953, с. 226.
М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 26, с. 59.
Там же, с. 224.
Там же, с. 88.
Цит. по: М. Монтень. Опыты, кн. I, с. 523.

ПРОЦЕСС ПИСЬМА

- М. Монтень. Опыты, кн. I, с. 200.
М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 26, с. 225.
Там же, с. 87.
Там же, с. 59 - 60.
М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 25, с. 258.
М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 26, с. 68.
Цит. по: М. Монтень. Опыты, кн. I, с. 524.
М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 25, с. 148.
М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 26, с. 67.
Там же, с. 68.
Там же, с. 89.
Там же, с. 62.
А. П. Чехов. Полн. собр. соч., т. 1. М., 1944, с. 60, 61.
"Л. Н. Толстой о литературе". М., 1955, с. 8.
А. Серафимович. Собр. соч. в 7-ми томах, т. 7. М., 1960, с. 392.
А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. VII. М., 1964, с.
15.
М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 25, с. 117.

ПОД ЗАНАВЕС

М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 25, с. 126.
М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 26, с. 61.
М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 27, с. 156, 160.

В.А. Аграновский "Ради единого слова"
Страница 77 из 77